

Alupka Devlet Muzej-Sarajı
Fol'klor çabıntıı № 1

QRBM TATAR MASALLARı VE LEGENDALARı

Tekstlerni Ja. P. Birzgalın
jılbaşıı altında Alupka
muzejini fol'klor brigadası jazdı

Tekstni basmaq hazırlaıan
ve kirı maıaleni jazıan
S. D. Kotsybinskiı

QRBM ASSR DEVLET NEŞRIATı
1 9 3 6

Алупкинский Государственный
Дворец-Музей
Фольклорный сборник № 1

СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ ТАТАР КРЫМА

Тексты записаны Фольклорной
бригадой Алупкинского музея
под руководством Я. П. Бирзгал

Подготовка текста к печати
и вступительная статья
С. Д. Коцюбинского

ГОСИЗДАТ КРЫМ. АССР
1 9 3 6

Алупкин Республиканский Председатель
Историко-этнографический

ПРОВЕРЕНО
1949 г.

121048
8155

ПРС

1955 г.

Ответственный редактор Я. П. Бирзгал.
Технический редактор К. М. Муратов.
Ответственный корректор В. М. Терабилло.

Консультант по художественному оформлению
академик Н. С. Самокиш.

Общее руководство по техническому оформлению
А. М. Бондаренко.

Супер-обложка, обложка, форзад, фронтиспис,
титulyные листы, заставки, концовки, заглавные
буквы К. М. Муратова.

Рисунки и портреты сказителей:
художников А. В. Варфоломеева
и П. М. Туманского.

Заставки, заглавные буквы и концовки
в сказках №№ 4 и 6 Б. Джеппарова.

СКАЗКИ
И
ЛЕГЕНДЫ
ТАТАР
КРДІМА

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИЛИШНЕ, пожалуй, говорить о том, какую огромную роль играет устное поэтическое творчество широких народных масс (фольклор) в развертывании культурной революции и в деле социалистического строительства нашей страны.

Собирацию и изучению фольклора в наших советских республиках отведено весьма почетное место.

Много внимания этому вопросу было уделено в работах Первого всесоюзного съезда советских писателей. В своем докладе на съезде А. М. Горький со всей силой подчеркнул необходимость собирания и изучения фольклора.

Не желая пройти мимо этого важнейшего культурного дела, Алупкинский музей с 1934 года в план своей научно-исследовательской деятельности включил

работу по собиранию и изучению фольклора крымских татар и выявлению кадров сказителей.

В течение года фольклорная бригада музея успела записать свыше сотни сказок и легенд, а также изрядное количество анекдотов о Насреддине-оде и Ахмет-Ахае, пословиц и поговорок.

Выпускаемый сборник сказок и легенд является первым результатом этой работы.

Большую помощь при выявлении сказителей оказала нам местная Алушкинская татарская неполная средняя школа в лице учащих старших классов. Более сорока учеников приняли горячее участие в означенной работе и сыграли, таким образом, роль того актива по предварительной разведке фольклорных ценностей, на который предполагено рассчитывать и в дальнейшем. Учащиеся комсомольцы и пионеры означенной школы Мемет Юнус, Мерием Исмаил, Эдем Исмаил проявили величайший энтузиазм в этом деле.

Алушкинский музей выражает глубокую благодарность профессору Н. Л. Эрнсту, которым составлены примечания и пояснения к сказкам, а также подготовлены к печати три легенды, помещенные в настоящем сборнике.

Директор Алушкинского государственного
историко-бытового музея Я. П. Бирзгал.

15 сентября 1935 г. Алушка.

О СКАЗКАХ КРЫМСКИХ ТАТАР

I

ОБЩЕЙ сокровищнице поэзии народов Советского союза крымскому фольклору предстоит занять одно из самых почетных и прочных мест.

Небольшой по размерам, но исключительно многообразный по национальному составу, Крымский полуостров может дать и, конечно, даст советской литературе значительное количество перво-классных произведений устной народной поэзии. Крымский фольклор необычайно богат, но богат он не только количественно. Это также и качественное богатство. Ведь ни одна область, ни одна республика нашей страны не испытала такой изменчивой истории, какая выпала на долю этого маленького полуострова. В крымской народной поэзии — в сказках, песнях,

пословицах, загадках и поверьях—можно различить отражения тех великих исторических сдвигов, которые в течение трех тысячелетий потрясали этот клочок земли, оставляя на нем глубокие и неизгладимые следы. Эллиническая колонизация и римские завоевания, господство Византии и нашествие средневековых народов, набеги варяжских дружин и экспансия итальянского торгового капитала, кочевнические волны Золотой орды и феодальное ярмо крымского ханства, турецкий гнет и кабала русских помещиков и царя, все многообразие хозяйственных, политических и национальных форм запечатлелось на горах и берегах Крыма сотнями памятников материальной культуры. Херсонес и Пантикапей, Харакс и Эски-Кермен, Чуфут-Кале и башни генуэзцев, крепости и могильники, курганы и городища превращают Крым в сплошной исторический музей и заслуженно пользуются международной славой.

Но дыхание веков осело не только в этих мертвых развалинах и остывших письменах. История Крыма—не только в дольменах и исарах. Фрагменты этой истории, сглаженные, трансформированные, подчас не вполне уяснимые, звучат еще в устах народа, унаследовавшего в труде и борьбе эту многострадальную землю. Послушайте татарские сказки. На редкость разнообразные по тематике, сверкающие стилистическими узорами, они, как старинные клинки, хранят еще на себе прежнюю чеканку многих столетий и мастеров.

Однако же не в этой чеканке главный смысл,

значимость и актуальность крымского фольклора. Пусть буржуазная фольклористика говорит о довлеющей ценности «странствующего» сюжета, пусть утверждает приоритет поэтической традиции. Марксо-ленинская методология, отнюдь не отрицая наличия в фольклоре заимствований и поэтической традиции, опрокидывает теории о их самоценности.

Фольклор—прежде всего литература, и к фольклорным ценностям мы должны подходить с тем же критерием, с которым мы подходим к ценностям литературным. Фольклор—часть литературы и, стало быть, он подчиняется тем же законам, которым следует развитие литературы. Так же, как и произведения литературы, фольклор вырастает из определенной социальной среды и отражает ее собою, отражает собою изменения, в ней происходящие. Именно поэтому «полтинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества» (А. М. Горький).

Если обширные торговые связи и занесли в Крым некие приемлемые и быстро, поэтому, привившиеся сюжеты, если поэтический арсенал и испытывает еще давление чужеземных художественных законов, то сама ткань сказки, ее *couleur local* и *couleur historique* (местная и историческая окраска), характеры действующих лиц и отдельные ситуации, в которые вступают персонажи,—в большинстве случаев порождены, или окрашены местными крымскими социально-экономическими условиями и, в первую очередь, борьбой классов в крымских условиях.

В сказках о Хаджи Тильки и правоверных пилигримах главный персонаж напоминает нам Рейнеке-Лиса романских фавль. Допустим, что этот персонаж мог быть занесен в Крым генуэзскими купцами. Но прочтите сказку, и вы увидите, что Лис приобрел местные черты, и сказка сделалась памфлетом на специфически мусульманский институт хаджи, имевший широкое распространение в К р ы м у.

В сказке о трех талисманах фабула построена по принципам арабской сказочной техники. Возможность передачи этой техники в Крым очевидна. Но прочтите сказку, и вы увидите, что эта техника использована для оформления темы, специфической для к р ы м с к и х классов столкновений и, притом, в обстановке Бахчисарая.

В сказке об Усеине, сыне Асана, элементы фабулы явственно аналогичны фабульным элементам русских сказок о Кашее Бессмертном. Такие элементы могли быть занесены в Крым русскими и украинскими пленниками, приведенными из ханских набегов. Но прочтите сказку, и вы увидите, что эти элементы привлечены для разворачивания сюжета, саркастически рисуящего обстановку к р ы м с к о г о ханского дворца.

В крымских сказках звучат отголоски богатой фантазии Шехеразады и сочного юмора Декамероновской Италии. Могло ли быть иначе на старом стыке морских дорог с караванными путями? Но это отнюдь не мешает крымскому фольклору быть самостоятельным местным социальным и художественным памятником.

За отсутствием в прошлом массовой письменной татарской литературы именно в фольклоре как нельзя сильнее и как нигде четче проявились чаяния и упования закабаленного и угнетенного феодалами татарского народа. И если—по словам любимого ученика К. Маркса Поля Лафарга—устное народное творчество «кипит всеми страстями, наполнено живой кровью переживаний своего времени», то это как нельзя более применимо к фольклорному наследию крымских татар. Достаточно присмотреться к этому наследию, чтобы увидеть, как за традиционной сказочной оболочкой встает подлинная душа трудового народа, кипящего гневом против падишахов и султанов, против мулл, торгашей и мурзаков. Достаточно прочесть сказку о Кульбасты-батраке или сказку о блудном кадии, чтобы увидеть, как этот гнев, вырываясь из самых народных глубин, облекается то в протестующе-оппозиционные, то в сатирически-обличающие формы. Где же, как не в сказке о наказанных беях, муллах и ханах можно было проявиться этому протесту закабаленного народа? Где же, как не в фольклоре, можно было вылиться ненависти к русскому колонизатору, выселяющему из Крыма татар десятками тысяч для «очистки» земель под свои усадьбы. Сказки приняли на себя роль выразителей интересов трудящихся масс татарской деревни, недаром злым и глупым героем их почти всегда выступает кадий, исправник, хан и мурза, а героем, который после долгих приключений торжествует над падишахом и

мурзаком, выступает, как правило, батрак и бедняк, чабан, прачечник, дровосек, подмастерье.

В татарской сказке живым потоком льется сила и остроумие интеллектуально-здорового народа, остроумие, жизнерадостность и стойкость которых не смогли вытравить века султанского, ханского и царского гнета.

Но было бы наивностью не заметить того, что правило это имеет важные исключения. Есть и иной элемент в татарском фольклоре. Татарская земельная аристократия и, еще более, мусульманское духовенство никогда не упускали возможности использовать народную сказку в своих целях. Зная, сколь велико воздействие ее на сознание масс, крымские мусульманские церковники широко покровительствовали сказке-проповеди. Мотивы рока, мотивы обреченности, мотивы божественного воздействия, выходявшие из мечетей и медресе, устремлялись в сказку и нередко делали ее носителем выгодных для мусульманского духовенства идей. Мы знаем целый ряд текстов с сюжетами, обслуживающими идею предопределения, одну из кардинальных идей корана. Сказки о бедствиях неудачливых Шах-Заде, сказки о похищенных падишахских дочках вертятся, как на оси, вокруг этой идеи. Мало того,—мусульманская идеология просачивалась в виде тех или иных элементов даже в сказки с более или менее оппозиционными к корану сюжетами. И, просачиваясь, засоряла их, парализуя силу и ослабляя удар.

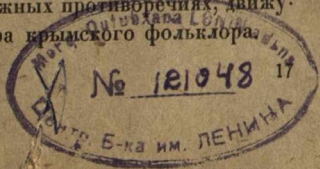
Не менее активно в татарском фольклоре влияние мурзачества и купечества. Ряд сказок становился не только апологией богатства и знатности, не только воспевал торговое благополучие и земледельческое счастье, но и призывал к покорности господствующим классам, к примирению с существующими общественными отношениями.

Но народная сказка вырабатывала себе и противо-
ядие в этой борьбе. Трудовой татарский народ сказ-
кой же и сопротивлялся против этого идеологиче-
ского наступления. Возникали новые темы, более яв-
ственно отталкивающиеся от религиозных формул,
появлялись новые герои и персонажи. В сказку при-
ходил обличитель и насмешник Бекри-Мустафа, при-
ходил и издевался над султаном; вытесняя привыч-
ных падишаховых сыновей, врывался в эпос батрак
Кульбасты, гневный каратель беев и мурз; занимал
все большее место и становился любимым героем
младший сын бедняка, мститель за гибель братьев.

Кипела классовая борьба в крымских городах и
деревнях, кипела она и в крымском фольклоре.

II

Соблазнительной задачей было бы дать поэтику
крымской татарской сказки. Анализ поэтических при-
емов мог бы показать большое количество конкретных
примеров в подтверждение сказанного. Этот анализ по-
мог бы разобраться в сложных противоречиях, движу-
щих развитие этого жанра крымского фольклора.

Однако то количество текстов, которым мы располагаем, не дает еще возможности делать сколько-нибудь категорические выводы. Здесь мы можем только отметить некоторые особенности тематики и архитектоники—особенности, которые, на наш взгляд, помогут нащупать критерии для предварительной классификации крымских сказок.

Значительное количество сказок можно (очень условно) определить, как сказки романтического типа.

Текст такой сказки начинается обычно канонизированным зачином: «*Biğ zamanda wağ eken, biğ zamanda joq eken*»... («Было ли то в самом деле или не было»).

На сцену выступает персонаж, заранее установленный поэтической традицией¹. В сказках с аристократической окраской—это Шах-Заде или похищенная

¹ «Художественный инвентарь фольклора сказителей заготовлен поэтической традицией. Традиция, т. е. творчество мастеров предшествующих поколений, выработала относительно устойчивую тематику, сюжетные схемы, художественные образы, поэтические обороты, даже поэтические формулы, устойчивые эпитеты, сравнения, метафоры, ритмы, типовые звуковые повторы и другие элементы поэтики, причем особые для каждого жанра. Анализ фольклорной поэтики показывает, как выработанные традицией стилистические и композиционные приемы, с одной стороны, содействуют запоминанию художественных текстов, а, с другой стороны, облегчают переработку их и создание новых текстов в импровизации». (Ю. Соколов. «Природа фольклора и проблема фольклористики», см. журн. «Литературный критик» 1934 г. № 12).

дочь падишаха, в демократических—представитель крестьянских, ремесленных слоев, борющийся за свое счастье. Сразу же намечается мотивировка развертывания сюжета: похищение героя, поиски талисмана, поиски счастья (№№ 12, 14, 16, 18, 20, 22). Зачастую сказка строится по способу нанизывания эпизодов (так же, как в авантюрном романе); такова, например, сказка о Чамаширджи. Она представляет собой, собственно, четыре сказки, нанизанные на основу похождения постиралы. Сам герой почти нейтрален—приключения набегают на него, он не повинен в их возникновении. Нанизывание эпизодов может вестись до бесконечности. Поэтому концовка не органически связана с сюжетом, есть опасность механического прекращения сказки. Выход найден в сентенции, подводящей итог и дающей формальный конец.

Не менее обычным способом построения таких сказок является кольцевой способ—когда одна сказка включает в себя другую, так называемую вставную. Этот способ применен частично в той же сказке о Чамаширджи (история дервиша), но там он играет лишь подсобную роль, помогая выбрать заключающую сентенцию. Полностью этот прием использован в двух сказках: «Три благочестивца» и «Три сына хана и мудрый ашуг». В обоих этих случаях вставные эпизоды играют композиционную роль, вся сказка строится именно на них. Эти вставные эпизоды являются той самой формой развернутого иносказа—

тельного изречения, из которого вырастает басня. Любопытно отметить, что мотивировка введения эпизодов однородна в обеих сказках. И в том и в другом случае мораль направлена против верховных повелителей. В первой сказке мудрец рассказывает царевичам притчу (вставная новелла), чтобы обличить одного из слушателей в воровстве. Эта вставная сказка есть, по сути дела, разросшаяся загадка, разгадку которой дает новелла обрамляющая.

Во второй сказке мотивировка вставки интересна своей социальной значимостью. Алчные царевичи угнетают правоверных. Чтобы облегчить участь народа, мудрый ашуг принуждает царевичей сократить подачу. Добивается этого он путем рассказывания сказки.

В данном случае аллегорическая, эзоповская форма рассказа ашуга вызвана определенной ситуацией — требованием обличения властвующих. В плане социальном и историческом сказка эта, несмотря на некоторую идеалистичность, очень любопытна.

В сказках рассматриваемого типа поэтической традицией диктуется введение одного, довольно часто встречающегося, элемента композиции. Речь идет об извне появляющейся силе, которая помогает развитию сюжета. Подобную функцию в крымской сказке чаще всего несет чудо-птица, то же, что птица Рух арабского эпоса. Эта птица символизирует счастье и появляется в тот момент, когда возникает необходимость разрешения сложной коллизии (*deus ex machina*) или перевода действия в новый план (см. сказки

№№ 5, 12, 14, то же в № 18). В этой же сказке о Чамаширджи без спасительницы-птицы была бы немислима быстрота смены не связанных между собою эпизодов.

Довольно значительную роль играют в этом типе сказок мифические персонажи—Аждага, Ифрит, Иблис, дивы и джины; в настоящем сборнике читатель найдет целый ряд текстов с участием этих чудовищ. Впрочем, нужно отметить, что демонология над темой крымской сказки властвует не так уж сильно. Бóльшее место занимают животные—пчелы, муравьи, коршуны (№ 14), кошки, собаки, рыбы (№ 16), петухи, индюки (№ 11) и лисы (№№ 11, 22). Нам кажется, что введение этих подсобных персонажей, являясь свойством сказки вообще, в крымском фольклоре выражено сильнее, чем, скажем, в фольклоре арабском. Интересна сказка, антропоморфизированная в целом—«Хаджи-Тильки и правоверные пилигримы». Интересна, повторяем, тем, что использование традиционных персонажей не мешает превращению этой сказки в сильную антиклерикальную сатиру.

Сказкам романтического типа свойственна еще одна черта, общая, кстати сказать, фольклорам всех народов. Эта черта—наличие сакраментальных чисел. В татарских сказках такими числами являются—3, 7 и особенно, 40. Если все эти числа являются элементами стилистики (троекратность вопросов, семь дней и семь ночей, сорок детей, сорокадневный пир и т. д.), то число три проникает в самое построение

фабулы и становится осязаемым элементом композиции. Троекратные повторения, определяющие ткань текста, мы имеем в №№ 4, 12, 14, 16, 18, 20, 22.

Сказке о трех благочестивых они придают особенную гармонию. В сказках же о трех талисманах троекратное развертывание темы прямо использовано для усиления социально очень весомого конца.

Говоря о сказках, носящих на себе печать поэтических реминисценций, мы должны еще раз подчеркнуть следующее. Фольклор—это отзвук прошлого, но в то же время и голос настоящего. Раздвигая ветшающие рамки традиции и частично используя ее, это настоящее делает сказку со старым сюжетом сказкой новой и актуальной.

Другой тип сказок, который можно выделить в особую группу,—это сказки бытовые. Влияние поэтических канонов в таких сказках сведено на-нет. Отсутствуют обычные зачин и концовка, случайны троекратные повторы, упрощен синтаксис, облегчена лексика. Эти сказки куда более реалистические. Они богаче индивидуальными характерами, в них большая гамма нетрадиционных ситуаций. Они с большей силой передают социальные столкновения и являются, таким образом, более прогрессивными.

Для этой группы особенно показательна сказка о Кульбасты-батраке и Косе-богаче. Весь материал сказки целиком взят из дореволюционной крымской действительности. Судя по обстановке, действие протекает в одной из деревень степной полосы. В этой

обстановке разворачивается картина борьбы между баем и сыном старого чабана, работающим у этого богача. Сказка имеет большую познавательную ценность. Она показывает хозяйство типичного крымского кулака и характеризует формы эксплуатации. Понятно, что характеристики не выходят из пределов сказочной техники, но, переведенные на язык образов, они приобретают особую свежесть и убедительность.

Сказитель наделяет главного героя осознанной ненавистью к Косе-баю; Кульбасты мстит Косе не только за себя и за своих братьев, он мстит также за всех загубленных Косе-баем батраков. Это сказка широкого социального дыхания. Сам сказитель слышал эту сказку в детстве, но, очевидно, придавал ей новые, дотоле слабо ощутимые черты гневного пафоса.

В бытовых сказках разнообразие композиционных способов не позволяет давать каких-нибудь схематических обобщений. Если в романтической сказке, как в шахматной игре, важна не развязка, а подведение к развязке (как только все препятствия преодолены, сказка заканчивается), то в сказках второго типа развязка может иметь решающее значение. Нетрудно заметить, что в сказке о Кульбасты начало развязки совпадает с первым активным действием батрака—убийством собаки и волов. С этого момента и начинается развязка, составляющая главное содержание сказки.

С композиционной стороны интересна целиком реалистическая сказка о сорока плешивцах. Эта сказка выросла из одного очень популярного в Крыму анекдота насрединовского цикла. Сюжетный мотив этой сказки встречается в эпосах многих народов. Подобные проделки ловкача над глуповатыми односельчанами имеют место в русском цикле о пошехонцах, в фландрском цикле об Уленшпигеле и т. д. Композиционная целостность сказки достигается тем, что в каждом предшествующем (вполне самостоятельном) эпизоде дается обоснование для эпизода последующего. Так эпизод с ошпаренным визирем мотивирует обогащение Косого, обогащение его, в свою очередь мотивирует следующий эпизод и т. д.

К этой же группе относится сказка о блудливом кадии, также генетически близкая к анекдоту—сказка о Джигерджи-деде, построенная на образной аргументации морали о вреде скупости, и другие сказки.

Высказанные положения позволяют предложить первичную классификацию крымской татарской сказки. Понятно, что единого критерия для этой классификации внутри жанра выдвигать не приходится. Подытожим черты выделенных нами двух типов.

Сказки романтические. Для них характерна фантастика. Доминирует авантюрное построение сюжета. Часта гиперболизация, выдвинут на арену миф, авантюра развивается, преимущественно, на необычной географической почве. Персонажи почти лишены

индивидуализирующих черт. Влияние традиционной поэтики сказывается в значительной степени. Это сказка фантастическая *par excellence*. Она часто вырастает из легенды и поднимается иногда до героической эпопеи.

Сказки реалистические. Фантастика почти сведена на-нет, отсутствует демонология, персонажи индивидуализированы, сказитель передает сюжет, почти не используя старых канонизированных приемов. В такой сказке четче обрисованы классовые ситуации, она больше идет от жизни, она захватывает слушателя патетикой реальных столкновений и действий. Она в большой мере—порождение местной крымской среды и местных крымских условий. Это сказка бытовая преимущественно, она вырастает отчасти из анекдота и во многих случаях поднимается до сатиры.

Классификация, однако, условна. Резкой границы искать не приходится. Одна из удачнейших сказок настоящего сборника—«Кичкенэ»,—обладающая свойствами обоих типов, стоит на границе между ними.

Отмеченные нами особенности поэтики татарской сказки позволяют сделать один немаловажный вывод.

Как известно, сказочный жанр, по сравнению с песней, менее быстро поддается влиянию новой тематики. В пределах этого жанра более восприимчив к обогащению его реалистический тип сказок. Указанные выше свойства его делают этот тип, если можно так выразиться, более предрасположенным к тематическому омоложению.

Однако сказочная форма романтического типа, не обладая подобной свободой в выборе материала, может, опираясь на выработанную технику, также насыщаться свежими сюжетами.

Таким образом в пределах как первого, так и второго типа — вполне реально возникновение новых текстов на современные нам темы.

III

Систематическому собиранию крымских татарских сказок до сих пор уделялось самое незначительное внимание. Кроме сборника акад. В. В. Радлова¹ мы не имеем в этой области ни одной капитальной работы, которая удовлетворяла бы требованиям научной фольклористики. Сравнительно больше публикаций было посвящено крымской песне². Было сделано начало собирания даже малых форм фольклора. Сказка же, — один из наиболее интересных и полноценных жанров народной поэзии, — оставалась несобранной.

¹ «Образцы народной литературы тюркских племен» под ред. акад. В. В. Радлова, т. VIII.

² А. Оленицкий — Песни крымских турок. М. 1910 (под крымскими турками автор разумеет татар).

А. Кончевский — Песни крымских татар. Москва 1925 г.

Ягья Шерфеддинов — Песни и танцы крымских татар. Симферополь, 1931 г.

Сказка оставалась разве лишь объектом внимания беллетристов, отнюдь не ставивших себе целей систематического собирания и пользовавшихся, сообразно своим задачам, случайно подхваченными мотивами. Начиная с Пушкина, татарские сказки и легенды неоднократно появлялись в русской литературе, то вкомпанованные в поэмы и повести, то включенные в крымские очерки и «впечатления». Услышанные во время непродолжительных пребываний в Крыму, шедшие не всегда из уст татар, обработки эти не могут оказать значительной помощи современному исследователю, так как в подавляющем числе случаев слишком далеки от первоисточников.

Впрочем нельзя не отметить деятельность двух собирателей-любителей, пробовавших свои силы на этом поприще и разделенных между собою почти целым полустолетием.

Первым, кто попытался подойти к более или менее систематическому собиранию сказочных текстов, был А. Х. Кондараки, автор известного «Универсального описания Крыма».

Акад. А. Самойлович—Песня крымских татар про вторую отечественную войну, про Порт-Артур, про крымские события—ряд публикаций в журналах.

Кроме того ряд текстов песен дан А. Х. Кондараки (самая первая публикация 1875 г. в упоминаемой ниже книге), отдельные записи см. также в № № Изв. Тавр. о-ва П. А. Э.

В 1875 г. вышло тринадцать томов этого солидного по размерам труда—факт, сыгравший свою определенную роль в развитии крымоведения. В тринадцатом заключительном томе, посвященном этнографическому описанию полуострова, среди образцов других фольклорных жанров было включено одиннадцать текстов сказок. Ни источников, ни фамилий сказителей этих текстов приведено не было. Подбор текстов был самый случайный и никакой классификации не поддавался. Восемь лет спустя, в сборнике «Память столетия Крыма», Кондараки привел еще несколько текстов, также без указания фамилий рассказчиков. Это и был первый вклад в так и неразвившееся крымское сказковедение.

Что же представляли собой эти первые записанные сказки, и как преподнес их читателю собиратель?

Мы знаем, что не было и не могло быть объективного подхода к культурным ценностям в прежнем буржуазном обществе. Самые добросовестные фольклористы всегда являлись, волей-неволей, агентами своего класса, и уверения в объективности никогда не мешали им делать из сказки то оружие, которое было выгоднее всего на данном этапе развития идеологии. Так дворянская фольклористика славянофилов сороковых годов оперировала русскими сказками для аргументации реакционной идеи народничества, так народническая фольклористика восьмидесятых годов своими учениями о «народной словесности», как

выразительнице «народной души», почти начисто снимала проблему классовости фольклорных явлений.

Какие же критерии стояли перед Кондараки, опубликовывающем первые плоды своих собраний? Был ли какой-нибудь тезис, для подтверждения которого орнаментировал свою книгу Кондараки? Для выяснения этого стоит напомнить установку всего труда этого автора.

Грек по национальности, христианин по убеждению, Кондараки, как он сам неоднократно намекает на это, ставил себе задачу описанием крымских древностей подтвердить указание завоевательницы Тавриды Екатерины II о том, что татары—чужеродный элемент в завоеванном крае, что только православные греки являются истинным, коренным и правомочным населением Крымского полуострова. Сводя на-нет материальные памятники татарской национальной культуры, видя везде византийский провозвестнический дух, этот исследователь явился одним из тех апологетов мессианского назначения христианнейшей идеологии, которые были так кстати русским колонизаторам Крыма. Кондараки прямо заявлял о необходимости «очистки» Южного берега от татар для дальнейшего развития дворянского землевладения. Вот что он пишет, например, по поводу татарской деревни Мисхор и расположенных возле нее помещичьих гнезд вел. князя Михаила Николаевича и графа Панина:

«Нигде так не безобразится татарскими хатами местность, как в промежутке этих дач. По

нашему мнению, красота их до тех пор будет незаметна, пока не будут сняты отсюда эти «грязные сараи, заваленные телегами и разными нечистотами и скрывающими вид с дороги, в особенности на хорошенький дворец графа Панина» (часть I, стр. 163).

Тот же критерий несостоятельности татарской культуры кладет Кондараки и в основу собирания сказок. Кондараки демонстрирует перед публикой татарские сказки в порядке достопримечательностей «туземного быта». Как образчик занимательных для европейцев сказок «инородцев» и приводит Кондараки свои тексты. Совершенно понятно, что тщетно стали бы мы искать в этих записях подлинное творчество татарского народа.

После этого первого опыта должно было пройти еще тридцать пять лет, чтобы появилась потребность в татарской сказке. В годы 1912—1913, в годы особенно интенсивного развития буржуазного курорта на Южном берегу, в годы, когда для повышения ренты на дачные участки понадобилась особенно усиленная реклама Южного берега, во множестве журналов и газет самых разнообразных толков и направлений стали появляться изящные новеллы, носившие названия «Легенды Крыма». Эти новеллы печатались в «Утре России», «Одесском листке», «Одесских новостях», «Южных ведомостях», «Вокруг света» и многих других изданиях.

Крымский фольклор возник на страницах печати

препарированный и обинтеллигенченный до неузнаваемости. Возник, чтобы в изысканных импрессионистических формах возбуждать любопытство к «Российской Ницце».

Автором этих легенд был Н. Маркс, генерал и отузский помещик, не лишенный, однако, стилизаторского таланта. Вскоре он собрал свои легенды воедино и издал в трех сборниках, иллюстрированных модными декадентскими рисунками. Вместе с томиками Ницше и стихами Северянина эти сборники украсили собой книжные шкафы южнобережских княжеских вилл и буржуазных особняков.

Вот несколько характерных концовок из легенд Н. Маркса:

«Есть слух, что должен вернуться юноша с кольцами черных волос.

Он придет к могиле, в ночь под великий праздник, поднимет тяжелую могильную плиту, чтобы мятущаяся тень могла слиться с тенью братьев.

Как никогда, сами собой зазвучат в ту ночь колокола старого храма.

И разнесут по земле мелодию мира и любви».

или:

«Не верьте, если вам скажут: нет шайтана. Есть Аллах—есть шайтан.

Когда уходит свет, приходит тень».

Вот еще:

«Кончена сказка. Спит девушка... Спи спокойно,

милая, не бойся страхов. Только отчего так
неспокоен твой сон, так высоко вздымается
грудь и вздрагивает юный девичий стан?

Иль причудился во сне кто, или птичка, что
поймали твои глаза, уже успела опуститься на
твои уста и трепещет теперь в твоём сердце?»
или:

«—Мама,—замечал я в детстве,—да ведь это
просто подводная скала.

— Конечно так, мой мальчик. Подводная скала
для чужих, а для нас здешних, это—народный
памятник христианке первых веков».

Это называлось крымской народной сказкой!

Каково же должно быть наше отношение к па-
мятникам народного творчества? Какие критерии
должны ставить мы в работе над сказками Крыма?

Прежде, чем ответить на эти вопросы, необходимо
напомнить, что в последние годы в советской фоль-
клористике произошел большой перелом. Вопросы
изучения народной поэзии перестали быть достоя-
нием узкого круга ученых-фольклористов. Все больше
и больше увеличивается тяга самых широких масс
к освоению памятников устного творчества. В вы-
ступлении дагестанского певца-ашуга Сулеймана
Стальского на Всесоюзном съезде писателей как бы
получила общественную санкцию мысль о том, что
фольклор есть одна из неотъемлемых частей литера-
турного движения. Причины интереса к фольклору
были сформулированы делегатами на том же съезде.

В строительстве национальных культур огромная роль принадлежит устному творчеству. И это понятно. Ибо, если для русской литературы, имеющей многовековую давность, народная поэзия является неиссякаемым источником, то во сколько же раз больше ее значение для молодой литературы республик Союза, республик, многие из которых и письменность-то получили после Октября. Для целого ряда народов СССР устная поэзия была единственным культурно-художественным наследством. Поэтому-то так и велика роль его освоения.

Критически осваивая фольклорное наследство и всячески содействуя возникновению нового фольклора, мы должны идти по пути, указанному нам товарищем Сталиным в его докладе на XVI съезде ВКП(б).

«Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире, и социализм войдет в быт,—в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопросов о национальной культуре».

Всем известно, что главным инициатором призыва

к изучению фольклора является А. М. Горький, великий пролетарский писатель, который больше, чем кто бы то ни было, использовал лучшее, что есть в памятниках народного творчества. Этому творчеству Горький особенно много внимания уделил в речах на Всесоюзном съезде писателей. Вот что говорил он в заключительном своем слове, обращаясь к представителям национальных литератур:

«Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман. Повторяю: начало искусства слова в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он много дает материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего».

Таким образом изучение фольклора, освоение его есть важнейшая и неотложнейшая задача в каждой республике и области.

Но с какими же критериями должны подходить мы к изучению фольклорных произведений? Можем ли мы, отталкиваясь от чуждых приемов буржуазной фольклористики (в данном случае от методов Кондараки и Н. Маркса), полностью отказаться от активного вмешательства в жизнь фольклора?

Вот что говорит по этому поводу крупнейший представитель советской фольклористики, цитированный уже нами, проф. Ю. М. Соколов:

«Поскольку устное поэтическое творчество есть одна из областей словесного искусства, актуальные задачи современного рабочего и колхозного пролетарского фольклора те же, что и актуальные задачи пролетарской литературы. Осуществляя классовое планомерное руководство литературой, было бы непоследовательно оставлять устное творчество на произвол стихии, необходимо, чтобы и в устном творчестве пролетарское сознание подчинило себе стихийный процесс.

Такое организованное, планомерное руководство фольклором, как в отношении идеологическом, так и художественном, диктуется самой жизнью. Выпадая из поля внимания советской и партийной общественности, фольклор зачатую становится острым орудием в руках классово-враждебных сил»¹.

Таким образом, именно отталкиваясь от чуждых нам методов Кондараки и Н. Маркса, мы должны не пассивно открывать шлюзы фольклорным потокам, давая тем самым возможность пробиться классово-враждебным струям, но так организовать этот поток, чтобы он нес нам на своих гребнях силу, помогающую общему нашему строительству.

Задача советской фольклористики должна заключаться не только в собирании и изучении текстов,

¹ Ю. Соколов. Природа фольклора и проблемы фольклористики. «Литературный критик» 1934 г. № 15.

но и в активном воздействии на живой фольклорный репертуар, т. е. во внедрении в песенный арсенал масс идейно и художественно доброкачественных текстов, в вытеснении текстов, враждебных делу революции.

Задача советской фольклористики, и в частности задача ее в Крыму, должна заключаться в том, чтобы дать широкому читателю ряд сборников и хрестоматий крымских сказок и песен. Задача ее должна состоять также в том, чтобы с помощью эстрады, со сцен театров, в репродукторах радио еще сильнее зазвучала и вошла в быт татарская песня и сказка. Задача ее, наконец, заключается в том, чтобы собрать максимальное количество текстов и подвергнуть их соответствующему научному анализу.

Ясно, что эта работа не по силам отдельным любителям-собирателям¹. Ясно, что грандиозность и ответственность этой работы исключает всякую возможность кустарных методов. Только силами проверенных коллективов и, в первую очередь, силами научно-исследовательских учреждений, такая работа может быть проведена с надлежащим успехом.

Поэтому-то и приобретает особую значительность

¹ Это подтверждается хотя бы примером А. Кончевского. При всей ценности труда этого собирателя-энтузиаста сказки, записанные им («Сказки, легенды и предания крымских татар». Изд. «Физкультура и туризм», 1929 г.), все же имеют лишь характер «занимательного чтения для любознательных туристов».

тот факт, что партийная организация Крыма уделяет исключительное внимание этой работе. Выступление секретаря ОК ВКП(б) т. Семенова по вопросам Всекрымской языковой конференции подчеркивает важность и ответственность этой работы. Языковая экспедиция, работающая на всей территории полуострова,—лучшее доказательство того, что большое дело, наконец, начато и начато правильным путем.

Крымский научно-исследовательский институт также поставил в центре своей работы вопросы собирания и изучения памятников татарской поэзии.

Не лишенный недостатков сборник фольклорной бригады Алушкинского музея является, на наш взгляд, также небольшим вкладом в это общее дело.

IV

Результатом работы Алушкинского музея по собиранию крымских сказок явились не только записанные тексты. Не менее ценным результатом явилось обнаружение целого ряда подлинных мастеров слова и памяти. Дотоле совершенно неизвестные крымской общественности южнобережские сказители, принявшие участие в работе,—вот та ценнейшая находка, которая не должна отныне остаться в тени неведения. За полгода собирания сказок фольклорной бригаде музея удалось выявить в семи южнобережских деревнях одиннадцать человек сказочников и певцов. Не являясь профессионалами, не всегда даже ощущая свой талант, они, тем не менее, могут быть

признаны подлинными носителями национальной культуры. Унаследовав богатые поэтические традиции прошлого, эти сказители являются теми кадрами, без которых немисливо изучение крымского фольклора.

Фольклорной наукой неопровержимо доказано, что исполнитель устно-поэтических произведений является в то же время и творцом-автором этих произведений. Наличие богатой памяти отнюдь еще не является единственным условием для того, чтобы простой передатчик слышанного стал сказителем. Так же как и в художественной литературе, в фольклоре требуется не механическая память, но память творческая, прежде всего личное мастерство, позволяющее оперировать приемами искусства.

Какою бы исключительной памятью ни обладал сказитель, он никогда не передаст сказку в той же именно форме, в которой он ее услышал. При всяком новом исполнении имеется элемент творческой переработки текста—дополнение, сокращение, изменение текста, сообразно настроению сказителя, составу его аудитории, нового этапу в формировании его мировоззрения. Сказка о Бекри-Мустафе, записанная спустя месяц после первой ее регистрации от того же Мустафы Топала, приобрела новый оттенок и обострилась в смысле социального устремления. Сказка о мудром ишаке чабана, записанная со слов одной сказительницы, имела большую законченность, чем та же сказка в устах другого исполнителя.

Таким образом, мы видим, что изучение фольклорных ценностей совершенно немислимо без учета биографического и творческого облика их хранителей и передатчиков. Не переоценивая, конечно, значения биографического момента, мы должны учитывать разнообразие индивидуальных обликов, свойственных творцам фольклора не в меньшей степени, чем и автором письменной художественной литературы. Мы никогда не сможем уяснить полностью классовую природу фольклорного произведения, если не учтем классовую принадлежность его оформителя и автора. Лучшее всего это видно на опыте прежних публикаций фольклорных текстов.

Возвращаясь снова к упомянутому Н. Марксу, мы должны отметить, что было бы неверно относить идеологическую устремленность его сборников целиком на его счет. Если Н. Марксу и принадлежит основная роль в деле придания этой целеустремленности, то не последнюю роль сыграл и подбор «сказителей». Если выбор сюжетов и их идеалистическая обработка остается результатом работы Н. Маркса, то сами сюжеты, если до них добраться сквозь дебри импрессионистической стилистики, все же переданы были кем-то, кто любовно хранил их в памяти. Какими же кадрами сказителей располагал Н. Маркс при составлении своих сборников?

На этот вопрос ответ дает сам составитель, предупредительно перечислив в своих примечаниях тех лиц, от которых он услышал свои сказки.

Прежде всего, из тридцати шести текстов шесть сделаны с помощью контаминации элементов из разных литературных источников и, стало быть, выпадают, так как фольклорными произведениями квалифицированы быть не могут. Остальные тридцать легенд слышаны, как указывает Н. Маркс, из устных передач. Эти тридцать легенд записаны от 21 сказителя. Вот эти «сказители»:

Мулла—2, священников—1, церковных старост—1, дачевладельцев—2, помещиков (русских и греков)—6, городских голов—1, исправников—1, торговцев—2, приказчиков—1.

Оригинальную задачу взял бы на себя тот, кто вздумал бы по сборникам Н. Маркса судить об устной поэзии татарского трудового крестьянства!

Каких сказителей противопоставляем мы муллам и капитанам-исправникам генерала Н. Маркса? Каким человеческим материалом располагаем мы в своей работе над публикацией сказок?

Из одиннадцати сказителей, давших свои тексты для настоящего сборника, почти все являются непосредственными участниками жизни колхозной деревни. Кузнец Демирджи, дровосек Топал, колхозники—Мемет Муртазаев, Фатъма Хайбулла, Эмир Усеин Ибраимов,—все они прошли трудную жизнь в борьбе за кусок крестьянского хлеба, почти все батрачили у помещиков и кулаков, некоторые так и остались неграмотными. Всем им в большей или меньшей степени чужды интересы мусульманской идеологии,

и хотя терминология корана, игравшая такую роль в закреплении трудового крестьянства Крыма, и проникает подчас в их сказки, тем не менее большинство из них сознательно культивируют антимусульманские и антиклерикальные сюжеты.

Классовое сознание выражено не у всех достаточно четко, но безусловен факт интуитивного выбора таких текстов, которые не могут являться чуждыми идеологии трудового народа. Было бы ничем не обоснованным вульгаризаторством утверждать, что чуждые тексты не проникают совершенно в репертуар этих сказителей. Но в том-то и дело, что эти чуждые, идущие по инерции из прошлого тексты подвергаются в устах Топала, Демирджи, Ибраимова и других идеологическому корректированию. Здесь-то и необходимо учитывать творческую индивидуальность сказителей.

Совершенно, конечно, ясно, что мастерство перечисленных сказителей далеко не равноценно. Есть среди них подлинные таланты, есть более или менее скромные передатчики и подражатели. Некоторые знают и ценят свое умение, серьезно относясь к сказыванию, некоторые считают свои сказки простой забавой. Некоторые, наконец, знают сотни текстов, другие же помнят лишь случайные сказки. Четверо из них: Топал, Демирджи, Софу, Ибраимов, несомненно, войдут в историю татарской литературы, для иных такой удел еще проблема.

Не меньшая разница лежит и в манере сказыва-

ния, в самом акте общения с аудиторией. На основании изучения процесса изложения мы устанавливаем две манеры сказывания. Образцом первой из них можно считать Мустафу Топала, лучшего из сказочников побережья.

Слушая Топала, вы присутствуете при акте большой целостности и законченности. Солидный, почтенный старик, он нанизывает фразу на фразу, образ на образ, точно взвешивая и регулируя поток речи. Вам иногда кажется, что вы присутствуете при некоем важном обряде. Мерный ритм голоса, устойчивое положение тела, почти полное отсутствие телодвижений. Его рассказ—это эпическое повествование. И в то же время постоянное пользование оживляющими речь вставками, малыми формами фольклора—пословицей, прибауткой, поверьем. Формами, которые внутренне нарушают эпичность сказа, облегчая его архитектуру. Топал—немножко моралист, и потому он большой мастер бытовой сказки. Ему импонирует роль изобличителя человеческих пороков. Он осуждает скупость Джигерджи-деде и жадность муллы, посмеивается над святостью трех благочестивцев. Но Топал не педант, ему не чуждо восхищение ловкостью двух пройдох («О воре Амете и карманщике Мемете»), в сказке о Чамаширджи-оглане он определенно солидаризируется с настроениями постиралы.

Авторское самосознание, присущее Мустафе Топалу, заставляет его коллекционировать (в памяти) тексты Ашук-Умера и сведения об ашугах Востока.

К этой же манере эпически-спокойного повествования близки Хатидже Умер, Мемет Муртазаев и Ахтотай Хурбедин.

Вторую манеру, манеру энергичной инсценировки, представляет своими сказываниями Ислям Демирджи. У Демирджи не найти спокойствия и размеренности. Внутренний темперамент поэта и актера не оставляет и минуты покоя Исляму в момент его рассказа. Его манере свойственно прежде всего необычайное разнообразие мимики. Когда Ислям рассказывает сказку, он непрерывно перевоплощается и целой гаммой телодвижений иллюстрирует движение сюжета. В процессе сказки он находится перед слушателем, как актер на арене. Ему необходима мизансцена—он двигается, имитирует движения животных, оснащает речь звукоподражаниями, пополняет лексический поток целым рядом чисто драматических приемов. Если в сказке герой отрубает Аждаге голову, Демирджи обязательно продемонстрирует это на ближайшем из слушателей. Сказки Исляма нужно не только слушать, но и смотреть. Его рассказ—это инсценировка: аудитория непрерывно имеет перед глазами то дервиша, то богатыря, то страшного Аждагу, то девушку, похожую на луну в четырнадцатый день ее света.

Предлагаем читателю представить себе сказку о Кичкенэ в изложении Исляма Демирджи.

Синкретизм передачи соответствует у Исляма и тематическому подбору. Его сказка это прежде всего

киносказка. Высокое напряжение действия, изобилие трюковых коллизий—непременные условия, предъявляемые Демирджи к сказке.

Вот почему Исламу чужды морализирующие концовки. Вот почему он прежде всего мастер фантастической и приключенческой сказки. Таким он и встает в двух приведенных текстах.

К манере Ислама Демирджи приближаются, в значительно смягченном виде, Абибула Софу и Эмир Усеин Ибраимов.

Мы не имеем места подробно останавливаться на особенностях других сказителей. Частичные упоминания о них читатель найдет в соответствующих биографиях. Нам важно лишь отметить следующее: сказители-авторы Южного берега Крыма заслуженно пользуются популярностью в своих деревнях. Задача крымской фольклористики—вовлечь сказителей в дальнейшую творческую работу.

Эта работа должна на наш взгляд заключаться в следующем.

Крымский фольклор почти еще не отразил новой жизни. Особенно относится это к сказке. Задача крымской общественности—создать все условия для того, чтобы сказочники дали новые тексты на нужные нам темы. Мы должны иметь сказки о революции, о гражданской войне, о колхозном строительстве, о курортах, о роли вождей, о героизме ударников. Наша задача (и это со всей силой подтверждается фольклорной политикой)—сделать все,

чтобы сказители создали эти тексты. Ибо сказка живет, она подчиняется всем законам развития общества и она отражает эти законы. И если она отстает в своем развитии, то дело нас всех это развитие стимулировать. Фольклор является не только отражением, но и орудием борьбы. Фольклор является не только фактом культуры, но и фактом строительства культуры. И хороший фольклор—не последний рычаг в этом строительстве.

О том, как успешно импровизация (в широком смысле) преодолевает традицию, о том, как велики возможности фольклора к созданию новых полноценных произведений, о том, с какой силой может он откликнуться на наш призыв, лучше всего говорит сам фольклор. Вот что поется в одной крымской татарской песне:

«Мое богатство, мой капитал, моя казна—это песня. Долго-долго не могли мы с тобой видаться и лишь теперь решился я подойти.

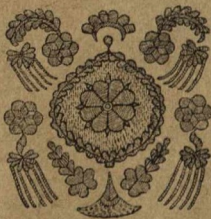
О песня, что значит она. Из нее, если захотеть, можно сшить вам плащ—стоит только меня подзадорить на это».

Выражаясь словами этой песни, мы можем и должны подзадорить крымских носителей фольклора на то, чтобы они сшили для нашей республики прекрасный плащ советской народной поэзии.

Мы должны и мы будем иметь в Крыму прекрасные новые советские песни, прекрасные, новые советские сказки.

С. Д. Коцюбинский.

СКАЗКИ
МУСТАФЫ ТОПАЛА

МУСТАФА ТОПАЛ

д. Гаспра

Мустафа Топал, житель деревни Гаспры, является одним из лучших сказителей Южного берега Крыма.

Обладая неисчерпаемым запасом сказок, песен, пословиц, прибауток, загадок, поверий, анекдотов и легенд, он является живым носителем большой фольклорной культуры. Талант сказителя окрашен у Топала превосходным юмором, который выделяет его из ряда других сказочников. Сказки «О Мемете и Амете», «О портном и о жадном мулѣ» и, особенно, «О Бекри-Мустафе», рассказанные Топалом, замечательны тем, что в них он использует этот природный юмор для передачи социально-острых сюжетов. Эти сказки по праву займут свое место в любой хрестоматии крымско-татарской поэзии.

Свое мастерство сказочника и певца Мустафа Топал унаследовал от отца Вели Топала, слывшего в свое время лучшим

рассказчиком округи. Петь Мустафу учил Халиль Чавуш, известный певец того же района. От Чавуша услышал Топал легенды об Алиме, о Кер-оглу, о герое-борце Тосун-Амете, о легендарных менестрелях Востока Ашук-Кериме и Ашук-Умере.

С детства уже воспринял Топал старые приемы народных певцов и поглотил своею богатой памятью целое национальное поэтическое наследие. Но Топал не механически передает его в своих сказаниях. Он далеко не только пересказчик услышанного. Он и сам—творец фольклорных ценностей. Ибо он облакает старые сюжеты в новые, более близкие ему формы, а подчас обтесывает старым поэтическим инструментом новые сказочные сюжеты.

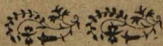
Необходимо отметить еще одну черту в творческом облике Мустафы Топала. Эта черта—необыкновенно глубокое понимание сущности и значения словесного искусства. Для Топала сказки отнюдь не только забава. Он умеет уважать сказку и он требует того же от слушателей. Когда работники Азупкинського музея пришли в первый раз записывать его сказывания, Топал, никогда еще не бывший объектом такого необычайного внимания, несколько не удивился этому, и интуитивно поняв свою роль, со всей серьезностью и ответственностью предоставил в распоряжение посетителей запасы своей памяти. Позднее, когда между музеем и Топалом установился контакт в работе, не было более внимательного и понимающего сказителя, чем этот старик.

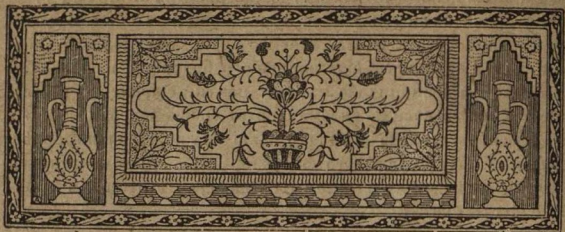
Если ко всему сказанному добавить, что Топал обладает тонким поэтическим чутьем и большим художественным тактом, то станет совершенно понятно, почему до сих пор в долгие осенние вечера вокруг старика собирается молодежь деревни и слушает то с замиранием сердца, то с громким смехом песни и сказки своего любимца.

Сейчас Мустафе Топалу семьдесят лет. Родился он в 1966 году в деревне Дереккой, в семье крестьянина бедняка. Всю жизнь батрачествовал у помещиков—графа Морави-

нова и Бекирова. Учиться ему было некогда и не на что. Сын старика является сейчас бригадиром и членом правления Гаспринского колхоза. Несмотря на преклонный возраст, Топал сохраняет еще энергию и бодрость и, работая дровосеком в лесхозе, ходит почти ежедневно в орпандский лес за восемь километров от своей деревни.

С Мустафы Топала и начато было Музеем планомерное собирание южнобережного фольклора. Из многочисленных текстов, записанных у него, мы приводим в этом 1-м сборнике шесть сказок.

СКАЗКА О БЕКРИ МУСТАФЕ

ОДНАЖДЫ во время селямлика ¹ султан Сулейман ² в сопровождении многочисленной свиты ехал по площади своей столицы. Вдруг от толпы отделился какой-то пьяный оборванец, схватил лошадь султана за уздечку и остановил ее. Телохранители тотчас же бросились к дерзкому нечестивцу, чтобы схватить его, но султан, удивленный необычным поступком подданного, движением руки остановил стражников.

— Чего ты хочешь?—спросил он у еле стоявшего на ногах оборванца.

— О, султаным³, продай мне эту лошадь,—ответил тот.

Присмотревшись к оборванцу, султан узнал в нем известного по всей стране знаменитого чудака и

пьяницу Бекри Мустафу. Выходка Бекри так понравилась султану, что он весело рассмеялся и сказал:

— Хорошо, Бекри, я продам тебе своего скакуна, но прошу тебя, позволь мне, пожалуйста, поездить на нем еще дня три.

— Ладно, разрешаю, аллах с тобой, катайся последние три дня, но скажи сразу, сколько ты хочешь за эту клячу? Да смотри только, Сулейман, если ты хочешь содрать с меня лишнее, то плохо тебе будет.

— Не бойся, сторгуемся,—сказал султан, еле удерживаясь от смеха.—Жеребец этот обошелся мне в пятьсот золотых, столько же я и с тебя возьму.

— По рукам!—закричал Мустафа,—бери задаток.

Тут он вынул из кармана болтавшийся там пиастр⁴ и протянул его султану. Потом выпустил из рук уздечку и, под восхищенные возгласы толпы, торжественно отправился домой.

Пройдя шагов пять, он обернулся и крикнул еще раз:

— Смотри же, Сулейман, не надуй Мустафу!

Прошло три дня. Помня о приключении, султан через своего посыльного призвал Мустафу к себе во дворец.

— Ну, Бекри, раскошеливайся. Покупка ждет тебя.

Мустафа, из памяти которого уже вылетел его поступок, сделанный в пьяном виде, вытаращил глаза и смотрел на властителя, ничего не понимая.

— О чем ты спрашиваешь, повелитель?—удивился он.—О какой покупке идет речь?

— Как ты смеешь насмеяться над великим

падишахом!—закричал в гнѣве султан.—Не ты ли сторговал у меня на прошлом селямликѣ моего жеребца, обещая уплатить за него пятьсот червонцев? Я сейчас же велю посадить тебя на кол, дерзкий обманщик, если ты не отдашь мне немедленно деньги.

Бекри, отдавший султану в виде задатка свой единственный и последний пиастр, увидел, что попал в такое положеніе, от котораго уже действительно недалеко до того, чтобы воссѣсть на кол. Почувяв, что времени терять нельзя и нужно выпутываться из бѣды, он приложил руку к сердцу и сказал:

— О, властитель над трезвыми и пьяными! При чем же тут бѣдный Бекри? Вѣдь твоего скакуна, да продлит аллах его дни, покупал вовсе не я, а та чудодейственная вода, которую шаріат⁵ велит называть вином.

Такой неслыханной дерзости султан уже не мог вытерпеть. Он вызвал стражу, чтобы расправиться с дерзким нечестивцем. Но не унывающий Мустафа оставил султана и воскликнул:

— Позволь же мне доказать на деле то, что я говорю тебе на словах. Прикажи этим воинам, которых ты так кстати позвал, привести сюда трех самых смиренных и горемычных из твоих подданных, которых они встрѣтят на улицѣ. Пусть один из них будет безногий, другой слепой, а третій нищій-голоштанник. И пусть подадут к столу кушанья и поставят побольше хорошаго вина, и ты увидишь, о, султаным,

что будет вытворять этот могущественный напиток, превращающий бедного дервиша⁶ в великолепного падишаха и падишаха—в глупого ишака⁷.

Султан Сулейман захотел проверить, правду ли говорит Мустафа, и сделал все так, как тот ему посоветовал. Не прошло и часа, как во дворец были приведены с улицы три жалких и забитых человека. Один из них был слепой, другой голоштанник, а третьего внесли на руках, так как у него не было обеих ног. Бекри усадил всех троих за богато убранный стол и принялся угощать их таким вином, какое им и во сне никогда не снилось. А султан в это время стоял за решетчатой перегородкой и с любопытством наблюдал за пирующими. Вскоре у всех троих гостей кровь в жилах стала переливаться быстрее и языки развязались. Первым заговорил безногий. Подняв бутылку и встряхнув ею перед собеседниками, он воскликнул:

— Эх, окающее зелье! Какое ты спокойное, когда сидишь тут, в бутылке! А стоит тебе влезть в нутро человеческое, так становишься огнем. Попадись мне тот, кто тебя выдумал, так я его, будь то хоть сам Сулейман, растоптал бы обеими ногами!

— Чего ты там разорался?—закричал безногому слепой.—Вижу, вижу, что ты там затеваешь. Пей, дурак, да молчи. Не то я тебя так стукну, что, будь ты хоть сам Сулейман, у тебя оба глаза вытекут.

Думая, что собутыльники призывают избить сул-

тана, голоштанник принялся размахивать бутылкой и во все горло закричал слепому:

— Бей его, кероглан⁸, чего смотришь! Бей его, толстозадого. Выпустим из его курдюка султанский жир. Не жалко мне семьдесят кисе золота уплатить за его вонючую душу⁹.

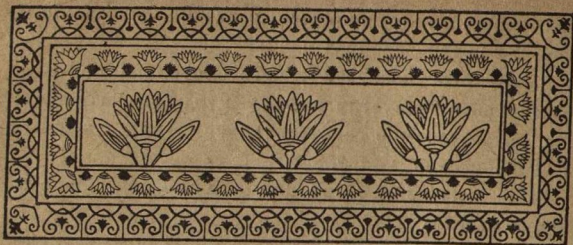
После этих слов Бекри Мустафа подошел к султану и сказал:

— О, могущественный властелин. Убедился ли ты теперь, что тогда на селямликe лошадь твою покупал вовсе не я, а вот это вино, которое превратило в отъявленных храбрецов этих обездоленных людей и дало им то, чего у них нет.

Но султан Сулейман ничего не ответил Бекри. Он сидел ни жив, ни мертв за своей перегородкой и слушал, какие страшные угрозы посылают ему самые презиаемые из его подданных. Когда же он вспомнил, что таких подданных в его государстве больше, чем тысяча тысяч и еще одна тысяча, холодный пот прошиб его; забыв о расправе, он отпустил с миром и Бекри и всех трех гостей. Решив, что всякое недовольство и возмущение среди подданных происходят от употребления ими вина, он поднял глаза к небу и прошептал:

— Ля иллах иль алла!¹⁰ Велик пророк, запретивший правоверным пить эту проклятую жидкость.

СКАЗКА О ВОРЕ АМЕТЕ И КАРМАНЩИКЕ МЕМЕТЕ

ИЛА некогда в Египте одна блудница. Эта женщина имела одновременно двух мужей и так жила с ними, что ни один из них ничего не знал о своем сопернике. И занимался один из этих мужей воровством, а у другого была профессия карманщика, и оба они были лишь учениками этой блудницы.

Вот однажды первый муж, которого звали Аметом, попался на продаже краденой одежды и пришлось ему спастись от преследования. Вбежал он в дом своей жены, чтобы спрятаться у нее, и рассказал ей о своей неудаче. И посоветовала ему жена, раз уж уличен он в преступлении, покинуть на некоторое время этот город. Дала она ему пол-каравая хлеба

да пол-курдюка сала и выпроводила на большую дорогу.

Спустя немного времени, явился второй муж, которого звали Меметом и которого судьба научила быть обирателем карманов. И этот муж тоже попросил спрятать его, потому что и он попался на одном деле и скрывается от преследования. Дала женщина и этому своему мужу пол-каравая и оставшуюся половину курдюка и выпроводила также на большую дорогу. И пошел он по ней за первым мужем, Аметом.

А тот, между тем, остановился за городом у источника, вынул из мешка хлеб и сало и стал угощаться. В это время подошел к источнику второй муж, Мемет, сел поблизости и тоже достал свои припасы, чтобы утолить голод. Увидя незнакомца, расположившегося на отдых в нескольких шагах от него, Амет последовал обычаю правоверных стран Востока и пригласил его присоединиться к нему, чтобы совершать трапезу совместно. Когда Мемет принял приглашение и подсел к Амету, тот с удивлением увидел, что хлеб этого прохожего—половина того же каравая, что и его хлеб и что сало отрезано от того же курдюка, что и кусок, лежащий перед ним самим. Заинтересовался этим Амет и спросил карманщика, кто он такой и откуда держит путь. Мемет рассказал подробно, откуда он, указал улицу, на которой живет, и назвал имя своей жены.

— Позволь!—воскликнул Амет,—так ведь это же

я живу в этом доме, а эта женщина, которую ты называешь своей женой,—моя жена. Ах ты, дерзкий обманщик, ты ответишь мне за эти слова!

Подивился этим словам Мемет и не поверил своим ушам. Взял он оба куска хлеба и примерил их друг к другу,—оказались они половинами одного каравай. Взял сало и тоже сложил куски вместе—и тоже составили они вместе один курдюк. И пришел тут Мемет в ярость и закричал на собеседника:

— Как! Чтобы она была твоей женой? Да я десять лет живу с ней и не будь я хороший карманщик, если отдам ее тебе!

Амет тоже поднялся на ноги и тоже начал кричать на соперника. Так ругались и спорили они до тех пор, пока Мемет, который был более рассудительным, сказал, обращаясь к вору:

— Вот что, друг, драка все равно бесполезна, ибо не разрешит она нашего спора. Не лучше ли будет, если мы сейчас оба вернемся к нашей жене и спросим у нее самой, кто же по-настоящему является ее мужем? И тогда станет нам все это ясно, как десница пророка.

Согласился с такими словами Амет и направились они оба домой. Увидев их вместе, жена двух мужей тотчас же догадалась в чем дело, предложила им сесть, села сама напротив и сказала так:

— Именем аллаха и его пророка заявляю чисто-сердечно, что до сегодняшнего дня принадлежала я вам обоим. Но с сего дня, раз уже узнали вы оба

об этом, буду я женой только того из вас, кто покажет себя более искусным в своем деле.

Вysłушали эти слова оба мужа и так как все равно не придумали бы они ничего лучшего, то согласились они на эти условия и решили испытать свою ловкость. Мемет вызвался первым начать испытание и направился в сопровождении Амета на городской базар. Там он высмотрел одного богатого чужестранца, который, расплачиваясь с торговцем, положил в свой кошелек золотые и спрятал его себе за пазуху.

— Ну смотри, что я буду делать!—сказал Мемет Амету.

С этими словами он подошел к чужестранцу и так ловко вытащил у него из-за пазухи кисет, что тот ничего и не заметил. Зайдя в переулочек, Мемет высыпал золото к себе на колени и пересчитал его. В кисете оказалось ровно тысяча золотых. Карманщик отсчитал от этой тысячи девять золотых и положил их в карман. А остальные девятьсот девяносто один червонец высыпал обратно в кошелек. Потом снял с пальца серебряное кольцо со своею печатью и тоже положил его в кисет.

— Ну вот,—сказал он Амету,—теперь посмотри, что будет дальше!

Сказав так, он вернулся к чужестранцу (который так и не хватился еще своих денег), сунул ему снова за пазуху кисет и опять отошел в сторону. Потом он в третий раз подошел к этому человеку и вдруг схватил его за шиворот.

— Ах ты, проклятый вор!!—закричал он на чужестранца.—Как ты смел ограбить меня, честного, уважаемого купца?! Да я сейчас же предам тебя в руки правосудия, если ты не вернешь мне немедленно мой кисет.

Чужестранец так был ошеломлен этим нападением, что, ничего не понимая, вытарашил глаза на карманщика и воскликнул:

— Вот тебе и на! Да ты что, очумел, что ли? Кто ты такой, что хочешь отнять у меня мои собственные деньги? Оставь меня в покое и уходи, ради аллаха, по добру, по здорову!

Но не так-то легко было отвязаться от Мемета. Он крепко держал чужеземца и орал на него все громче:

— А, так ты хочешь узнать меня поближе! Ну так следуй же, окаянный ворюга, за мной к кадию!

Видя, что ему все равно не отвязаться от дерзкого пройдохи, чужестранец решил, что нет ничего лучше, как предстать перед судьей, а потому без сопротивления последовал за Меметом. А Амет шел возле и с любопытством смотрел, что будет дальше. Так пришли они к кадию, и Мемет, ругаясь и призывая в свидетели аллаха, заявил, что он обокраден и требует обратно свой кисет. А чужестранец, в свою очередь кричал, что кисет принадлежит ему и что он может доказать это чем угодно.

— Ну, если ты уверяешь, что кисет твой, то скажи же, сколько червонцев находится в нем?—сказал кадий, обращаясь к чужестранцу.

— Ровно тысяча,—воскликнул чужеземец.—И я откажусь от этих денег, если там будет хоть на один пиастр меньше!

— Ну а ты,—спросил кадий у Мемета,—сколько ты считаешь в этом кисете червонцев?

— Клянусь бородой пророка!—воскликнул карманщик,—если вор этот не успел еще что-нибудь вытащить из кошелька, то в нем должно находиться девятьсот девяносто один червонец и кольцо с моей печатью!

— Высыпай червонцы!—сказал кадий чужестранцу.

Чужестранец вынул из-за пазухи кисет и высыпал его содержимое на стол. Каково же было его изумление, когда, пересчитав золото, он нашел там девятьсот девяносто один червонец и серебряное кольцо с именем Мемета.

Кадий согласно закону тотчас же передал червонцы и кольцо Мемету, а дерзкому чужестранцу приказал всыпать пятьдесят палочных ударов.

Выполнив так искусно свою задачу, Мемет, в сопровождении Амета, вернулся домой и рассказал жене обо всем, что с ним случилось.

— Вот доказательство моего искусства!—сказал он, передавая ей заработанные червонцы.

Женщина похвалила Мемета и сказала, что ни один карманщик в мире не превзошел его искусной и чистой работой.

— Теперь твоя очередь,—обратилась она к вору.—Иди и ловкой проделкой покажи свое умение!

Амет дождался ночи, взял веревку и, захватив с собой Мемета, направился с ним прямо ко дворцу падишаха.

Как только они подошли к высокой стене дворца, Амет закинул веревку на стену и в мгновение ока забрался внутрь двора. Затем он втащил туда же Мемета и пошел искать помещение, где хранилась казна.

С ужасом смотрел Мемет на действия смелого вора. А тот, достав отмычки, немедленно открыл тяжелую дверь и набрал из казны столько драгоценностей, сколько поместилось у него в широких карманах шаровар. Выйдя с драгоценной ношей из сокровищницы и снова закрыв за собой дверь, Амет поймал в птичнике гуся и придушил его так, что тот не издал ни звука. После этого он разложил перед самым окном ханских покоев костер и приказал дрожавшему от страха Мемету зажарить жирную птицу.

— Ради аллаха!—взмолился вне себя от ужаса Мемет,—не губи ты мою душу, Амет-эффенди! Уйдем отсюда, пока не приказал падишах предать нас смерти!

— Переверни на другой бок, а то пережаришь,—ответил вор.

Сказав так, он подошел к окну ханской спальни и вскочил на подоконник.

— Богом тебя прошу,—зашептал чуть живой от ужаса карманщик.—Отпусти меня, ради пророка, дамой! Бери, пожалуйста, эту женщину себе в жены,

я навеки откажусь от нее, только, заклинаю тебя, уйдем отсюда!

— Знаем мы вас!—засмеялся вор.—Сейчас отказываешься, а стоит только вернуться домой, как у тебя из памяти вышибет эти слова. Нет уж лучше я спрошу у самого падишаха, кто из нас двоих более достоин наслаждаться этой женщиной!

И с этими словами Амет нырнул в окно и без шума проник в ханскую спальню. Там он увидел падишаха, который лежал на тахте под балдахином и дремал, а подле него сидел молодой евнух и чесал ему пятки. Этот евнух, как видно, тоже хотел спать, потому что то и дело клевал носом и, чтобы не заснуть совсем, жевал ароматную мастику. Амет подкрался к евнуху и тихонько всунул ему в рот конский волос, который тот сейчас же жевал в мастику. Как только голова евнуха снова опустилась на грудь, вор ловким движением руки вытащил за волос эту мастику у него изо рта. Потом поднес к его носу пузырек с сонным снадобьем и усыпил его.

Евнух окончательно повалился на бок и захрапел, как поросенок. Амет поднял его, положил в стоявшую рядом корзину и повесил на крюк, торчавший в потолке. А сам уселся на его месте и принялся почесывать падишаховы пятки.

Мемет, жаривший под окном своего гусака, чуть не умер от страха, когда увидел все это. Его то бросало в жар, то обливало холодным потом.

— Государь мой,—зкрадчиво обратился Амет к

дремавшему падишаху,—проснись на минутку, я расскажу тебе сказку.

Шах приоткрыл глаза и, не различив перемену, сказал в полусне:

— Говори, я слушаю!

И Амет начал повествование о своих и Меметовых приключениях, начиная с того момента, когда они впервые встретились. Так он рассказал, как они условились, что выиграет женщину тот, кто отличится наибольшей ловкостью и самой искусной проделкой. В это время карманщик, окончательно уже терявший от страха разум, начал громко возносить моления аллаху.

— Ты лучше переверни гуся, а то он пережарится!— крикнул ему из спальни Амет и снова продолжал рассказ.

Он поведал шаху о том, как ловко околпачил Мемет на базаре чужеземца, как они пошли потом вместе, Амет и Мемет, ко дворцу и как перелезли они через высокий забор. Рассказал о том, как обокрал он казну и как пролез к шаху в спальню и усыпил евнуха.

— «Вот и сидит этот вор Амет и почесывает падишаху пятки и улаживает его слух занимательными сказками. Спи-спи, государь, висит твой евнух в корзине и видит хорошие сны». Переверни-ка гуся, чтобы не пережарился!

Ни жив, ни мертв сидел Мемет в продолжение этого рассказа над своим гусаком и видел себя в мыслях уже на колу.

А Амет наклонился над падишахом и спросил его:
— Скажи же, о мудрый царь, кто из этих двух ловкачей заслуживает объятий той неверной женщины?

И падишах в полусне ответил:

— Конечно же вор! Он с честью победил в этом состязании, показал больше искусства в своем деле и заслужил поэтому право быть мужем этой красавицы.

— Ты слышал решение царя?—обратился Амет к карманщику.

— Слышал, слышал,—зашептал, стуча зубами, Мемет.—Бери ее, ради аллаха, она твоя, только отпусти ты меня отсюда, пока я жив! Уйдем, прошу тебя, из этого места, пока не поздно. Не только жену, все мое наворованное добро возьми себе, только давай, пожалуйста, скорее бежать отсюда!

Убедившись, что соперник действительно не будет больше претендовать на его жену, Амет вылез из ханской спальни, подкрепился спокойно гусятиной и вернулся с Меметом домой. Там он рассказал жене обо всем происшедшем, и когда Мемет подтвердил его слова, жена настолько была восхищена деяниями Амета, что приняла его, как мужа, и заявила, что впредь только с ним одним будет разделять свое ложе.

С тех пор так и осталась поговорка: «переверни гуся, чтобы не пережарился»¹.

Когда падишах утром проснулся и посмотрел вокруг себя, он с удивлением заметил, что верного его евнуха нет возле кровати. Сколько ни окликал его

падишах, все было тихо, ответа не последовало. Вне себя от гнева намеревался уже было падишах ударить в ладоши и созвать людей, как вдруг увидел, что евнух преспокойно спит в подвешенной к потолку корзине. Встал тогда падишах, вытащил его оттуда и привел в чувство.

— Как попал ты в эту корзину?—спросил он его сурово.

Евнух вытаращил глаза и забормотал, что он ничего не знает и не помнит.

Тогда только и понял падишах, что это не приснилось ему, тогда только догадался, кто ему чесал пятки и рассказывал сказки. Тотчас же он созвал Большой Диван², всех своих визирей, эмиров и беев. Рассказав им о невероятном событии, и выслушав их мнения, шах приказал немедленно послать по всей стране телялов³, чтобы нашли они этого вора во что бы то ни стало и чтобы привели перед его падишаховы очи. И в ту же минуту тысяча телялов побежала по улицам и площадям столицы объявлять народу о розыске ловкого пройдохи. Под звуки тамбуров клялись они и призывали в свидетели пророка, что ни один волос не упадет с головы этого человека и что падишах отдаст ему все, что унес тот из его казны, да еще и одарит его своими милостями.

Слушал, слушал Амет эти призывы, выступил вперед да и объявил, что он и есть этот самый сказочник. Глашатаи сейчас же взяли его и повели впереди себя во дворец падишаха.

— Селям Галейкум⁴, Амет-ага!—поздоровался с ним падишах, как только Амет вошел к нему.—Поведай мне, искуснейший из грабителей моей страны, что принудило тебя совершить такой смелый подвиг! Говори смело и не бойся моего гнева!

Амет снова повторил свой рассказ и объяснил, что суждение о своем искусстве хотел он услышать от самого падишаха, потому и пролез он в его спальню.

Когда он окончил повествование, шах обнял его и сказал:

— Не дело такому ловкому артисту пропадать на мелком воровстве и жульничестве. Ты достоин, сын мой, занять место главного моего визиря⁵ и применить свое искусство в деле управления всей страной. Иди же в Диван и займи место среди тебе подобных.

И, одарив Амета драгоценностями, падишах сделал его главным своим визирем.

СКАЗКА О ПОРТНОМ И О ЖАДНОМ МУЛЛЕ

ИЛ был некогда в Египетском царстве один юноша, который занимался портняжным ремеслом. Был этот юноша беден и не знал другой пищи, кроме той, которую употребляли все ремесленники. И как ни был он искусен в своем деле, а приходилось ему все же испытывать нужду и голод.

Вот решил однажды этот портной отправиться в Мекку, чтобы вымолить у аллаха лучшую судьбу. Взял он котомку, вышел из города и побрел в священный город вместе с другими паломниками. Долго ли коротко ли шел он так по разным странам и вот наступил, наконец, день, когда достиг он цели своего путешествия. Возблагодарил он аллаха, вошел в город и направился к священному камню¹.

В это самое время паломники, собравшиеся тысячами тысяч со всех мусульманских стран, совершали вокруг камня свой обычный таваф². Посмотрел на это зрелище портной и присоединился к пилигримам, которые обходили толпою святыню. И вот случилось, что, передвигаясь вместе с другими, в тесноте и давке, споткнулся он вдруг о какой-то твердый предмет, валявшийся под его ногами. Нагнулся портной, поднял эту вещь и увидел с удивлением, что это не что иное, как битком набитый кемер³. Сунул он этот кемер, не рассматривая, в карман своих шаровар и пошел дальше.

Не прошло и десяти минут, как раздался в толпе оглушительный крик, и юноша увидел, как какой-то толстый мулла с воплями и стенаниями бил себя кулаком в грудь и рвал с отчаянием волосы на голове.

— Да будет проклят день моего рождения! — орал он во все горло. — О, зловредная моя судьба, потешающаяся надо мной! Выручите, о правоверные, если вам дороги законы корана и имя пророка. Ведь в этом кемере, который я потерял, было все, что заработал я длительным восхвалением аллаха. Во имя священной Каабы возвратите мне, о, благочестивые паломники, плоды моей богоугодной жизни. Я награжу вас так, как мать награждала меня из сосцов своих. Я сейчас же отдам половину кемера тому, кто вернет мне его. Ой, злосчастная моя судьба! Ой, окающий день моего рождения!

Послушал, послушал портной вопли этого крикуна и так порешил в уме своем:

— Если не дал мне аллах богатства от труда моего, то может быть даст его в награду за мое благочестие из рук этого святого хаджи⁴.

Рассудив так, подошел он к беснующемуся мулле и, показав ему тяжелый кемер, сказал:

— Ну, благоверный хаджи, возблагодари аллаха, я нашел твой кемер. Вот он в целости и сохранности.

Такая радость охватила муллу при виде кемера, что, хлопнув себя по ляшкам, принялся он, как козел прыгать вокруг мошны.

— Ну так как же ты отблагодаришь меня?—спросил портной, не выпуская из рук кемера.

— Ля иллях иль алла!⁵—воскликнул мулла.—Пойдем, дорогой человек, ко мне, будь моим гостем и я отблагодарю тебя по всем правилам шариата.

И хитрый мулла, уцепившись за рукав юноши и не переставая поглядывать на вожделенный мешок, повлек его в свою палатку, чтобы выгадать по дороге время и придумать, какой бы хитростью выманить безвозмездно свой кемер.

Когда они вошли в шатер и усьелись за стол, портной снова обратился к мулле и сказал:

— Ну чего же нам медлить, святой отец, давай обещанную половину, и да будет на тебе благодать пророка.

С этими словами он протянул старику свою походку и стал ждать награды. Мулла тотчас же открыл кемер и высыпал его содержимое на стол. Глазам портного представилось такое богатство, какое

ему и во сне никогда не снилось. Десятки алмазов, бриллиантов, яхонтов и сапфиров засверкали на столе, как звезды, рассыпанные по небу.

Хитрый мулла разложил сокровища на две равные кучки и, обратившись к юноше, сказал:

— О, сын мой, знай, что пророк не позволит совершиться ни одному деянию, если оно не будет освящено угодным аллаху благословением. Скажи же мне теперь, взял ли бы ты одну из этих половин, если бы не было на то моего святого благословения?

— Нет, хаджи,—ответил благочестивый портной,— без твоего благословения не хочу я этой половины.

Мулла снова разделил одну из кучек на две части и опять спросил:

— А эту часть взял бы ты без моего благословения?

И опять ответил юноша, что не взял бы без него и этой части.

— Ну, а если бы и на эту часть не дал я благословения,—сказал мулла и еще раз разделил кучку надвое.—Неужели бы взял ты ее, о правоверный сын пророка?

И в третий раз ответил юноша, что не хочет он брать без благословения муллы даже одного карата драгоценностей.

— Ну вот видишь! — воскликнул мулла вне себя от радости, — неправда ли будет лучше, если ты откажешься от бранных сокровищ и получишь в награду за твою находку мое богоугодное благословение под сенью святыни великой Каабы.

И разгадал тут портной хитрую алчность служителя корана.

— Будь по-твоему, — воскликнул он, — пользуйся своим добром, щедрый даритель, но попомнятся тебе когда-нибудь твои щедроты.

И, не дожидаясь драгоценного благословения, молодой ремесленник покинул благочестивца и направился по улице Мекки к базару.

Однако, пройдя несколько кварталов, вспомнил он, что идти-то ему некуда, а работу искать нужно. Поэтому повернул он обратно и, снова войдя в шатер муллы, спросил, не возьмет ли тот его к себе в работники. Так как мулла собирался уже возвращаться на родину в Багдад и ему нужен был погонщик, то, не раздумывая долго и обрадовавшись в душе даровому покладистому работнику, немедленно принял он предложение юноши. На другой день двинулись они в Багдад и прибыли туда по истечении необходимого для этого времени.

Но алчному старику недолго пришлось радоваться бесплатному слуге. Вскоре разгадал портной все плутни муллы и открылись у него глаза на служителей корана. Понял он, как обманывают глухих молельщиков слуги пророка, и отшатнулся от их деяний. И ушел он из дома муллы, поступил в мастерскую одного шведа и взялся опять за свое ремесло. Первая же его работа оказалась такой искусной и так удивила старого мастера, что тот созвал всех багдадских портных, чтобы ею любоваться. Те долго восхищались,

разглядывая произведение чужеземного подмастерья. Слава об искусном юноше распространилась по всему Багдаду, и в мастерскую, где он работал, посыпались богатые заказы.

Случилось однажды, что старый мулла поссорился со своей женой (а жена у него была молодая и очень красивая). Вот кричал он и ругался до того, что в гневе вдруг выскочило из уст его слово «талах»⁶. Спохватился мулла, да было уже поздно, нельзя было взять обратно вылетевшего слова. С этой минуты, согласно закону шарията, не мог он больше соединяться с женой своей, как бы того ни хотелось ему. А молодой женщине того только и нужно было, ибо не любила она этого старого слюнтяя и не знала, как от него избавиться.

На горе муллы слышали это необдуманное слово соседи, и нельзя уже было утаить сказанного. Немедля ни минуты, побежал огорченный мулла к кадию, ибо только этот толкователь законов мог разобраться во всех фетвах⁷ и найти какую-нибудь уловку, которая помогла бы старику удержать при себе молодую женщину.

Как только рассказал мулла о своем несчастье кадию, тот сразу сообразил, что на этом деле можно хорошо нажитья.

— Увы,—сказал он мулле,—плохо обстоит твое дело, добрый брат. Почти невозможно найти в шарияте подходящую фетву для такого случая. Но аллах велик, и ты сам хорошо знаешь, что нет под луной

ничего невозможного для того, кто имеет толстую шишу. Я-то ведь должен подкармливаться на божьем деле, а у тебя от этих благостей скопилось не мало, придется тебе разделить со мной плоды твоего благочестия.

— Смиloserдись, ага,—испугался скряга,—откуда у бедного муллы деньги, у меня за душой и пиастра ломаного нет.

— Знаем мы вас,—засмеялся кадий,—это ты своей пастве говори, а меня не проведешь. Хочешь удержать свою ханум⁸ —гони деньги.

Нечего было делать мулле, пришлось раскошеляться. Так дорожил он ласками своей молодой жены, что согласился, скрепя сердце, на такую жертву и отсыпал после долгой торговли пять кисе золота. Жалко было скупцу этих денег, но утешался старый сластолюбец тем, что сейчас же получит он снова право наслаждаться в объятиях красавицы.

— Есть единственное средство, чтобы выпутаться тебе из неприятного положения,—сказал кадий, спрятав бережно деньги.—И это средство—хиле-шер⁹. Для того чтобы жена, получившая развод по твоей глупости, опять могла стать твоей по праву, ты должен пуститься на такую уловку. Дай ты несколько грошей какому-нибудь надежному человеку и пусть он запрется с твоей женой в отдельной комнате. А ты позови соседей, и пусть они засвидетельствуют, что этот человек с твоей разведенной женой соединился браком. И пусть потом этот подставной муж объявит, что он разводится с этой своей женой. Вот

и получишь ты тогда право вторично жениться на своей красавице.

Как ни злился мулла на кадия, а все же обрадовался такому легкому и скорому выходу и побежал домой, обдумывая по дороге, кого бы позвать ему для выполнения этого обряда. Рассказал он жене обо всем, потому что должен был он предупредить ее, и попросил, не может ли она указать такого подходящего человека. Хитрая женщина тотчас же придумала, что ей сделать. Давно уже приглянулся ей молодой красавец-портной, которого привез из Мекки ее муж. Давно уже возжелала она любви этого юноши, и потому особенно противны были ей объятия дряхлого муллы.

— Кого же и пригласить нам, как не портного, привезенного тобой из Мекки,—сказала она, почтительно поклонившись старику.—Так как он однажды уже сделал тебе добро, то неужели откажется он сделать его и в другой раз.

Мулла нашел слова жены разумными, ибо сейчас же решил, что сможет не заплатить за эту услугу покладаистому портному и хоть на этом сэкономить. Немедленно призвал он юношу и рассказал ему, в чем дело. А тому только этого и нужно было, потому что и он уже давно полюбил красавицу и хотел с нею встречаться. Когда были приглашены свидетели, мулла впустил юношу в темную комнату, где сидела женщина, а сам стал за дверью, чтобы выпустить его через минуту.

С волнением ожидала молодая женщина портного, и сильно забилося у нее сердце, когда вошел он в комнату. А юноша приблизился к ней и заключил ее в объятия. Пылавшая страстью красавица позволила юноше делать все, что тот захочет, и влюбленные познали все сладости любви.

Мулла, стоявший за дверью, должен был выслушивать все, что происходило в комнате. В бешенство приходил он от ревности, увещания сменял угрозами. Но ничего нельзя было поделать против шарията.

— Дети мои!—воскричал он, стуча в дверь и подпрыгивая от нетерпения,—дети мои, чтобы шайтан подстелил хвост свой на ваше ложе! Дети мои, не кажется ли вам, что срок испытания уже закончился. Выметайся, окаянный портняжка, из моего дома, пока я не напустил на тебя псов! Открывайте, наконец, двери, порождения иблиса!¹⁰

Свидетели, которые слушали это, никак не могли удержаться и покатывались от смеха. А влюбленные, утолив многократно жажду наслаждений, встали с ложа и принялись совещаться, как бы перехитрить муллу и остаться супругами навсегда. Наконец они открыли дверь и предстали пред очи благочестивого хозяина.

— Именем пророка,—воскликнул мулла,—прошу тебя, богом посланный странник, разведись при свидетелях с этой женщиной, произнеси трижды слово «талах».

— О благочестивый мулла,—ответил портной,—

согласился ли бы ты взять обратно эту женщину, если бы не было на то моего благословения?

— Ах ты, нечестивец!—закричал мулла,—да ты что, смеяться вздумал надо мной!

— Что ты, что ты, как можно!—воскликнул юноша.—Я только следую твоим наставлениям, которые в своих щедротах дал ты мне у священной Каабы, оставляя себе драгоценности. Не сердись, служитель бога, но ты же сам говорил, что пророк не позволит совершиться ни одному деянию, если оно не будет освящено угодным аллаху благословением. Не правда ли, будет лучше, если ты откажешься от этой женщины и получишь в награду за это мое богоугодное благословение.

И, весело смеясь, находчивый портной поцеловал свою возлюбленную в губы и, невзирая на вопли старого крикуна, повел ее в свою саклю.

СКАЗКА О ТРЕХ БЛАГОЧЕСТИВЦАХ

И.И. некогда в Крыму великий хан и было у этого хана три сына.

Призвал он однажды своих сыновей и говорит им:

— Дорогие мои дети, светочи моей души, я чувствую, что могущественный аллах зовет меня к себе. Мне предстоит надолго разлучиться с вами. Но пусть печаль ваша умерится сознанием того, что отец ваш в последние свои минуты заботится о вашей судьбе. В угловой комнате дворца, в тайнике, спрятал я для вас ларец с драгоценностями. Возьмите его и поделите между собой поровну все, что там есть. Этого хватит вам на всю жизнь.

Сказав так, хан сделал последний вздох и испил чашу смерти.

Как только тело хана было предано земле, а душа

унесена Азраилом¹ в рай, сыновья его пришли к указанному месту, чтобы взять завещанное сокровище. Каково же было их удивление и ужас, когда они увидели, что тайник был пуст,—кто-то похитил драгоценности. Братья стали ссориться и спорить, обвиняя друг друга в воровстве. Так они спорили и бранились до тех пор, пока старший из них не сказал:

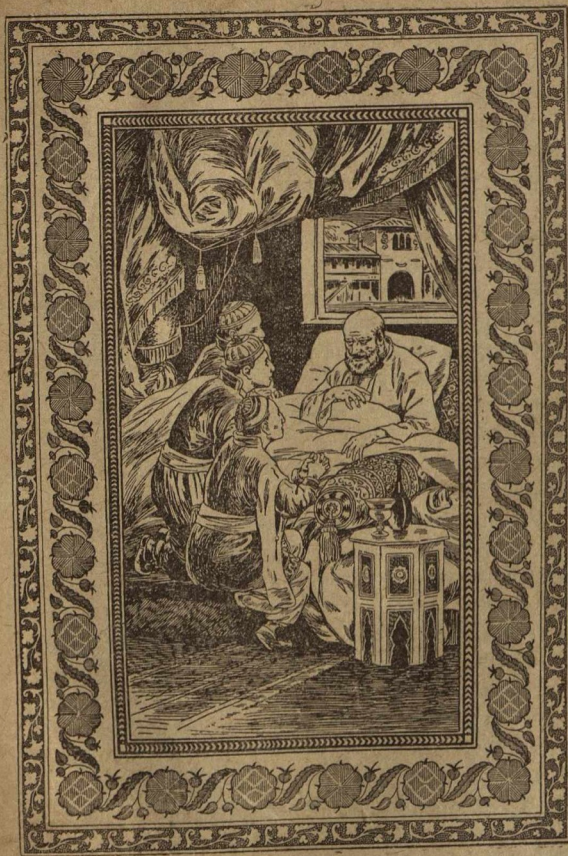
— Нет сомнения, дорогие братья, что драгоценности похитил один из нас, ибо только мы знали о их существовании. Вряд ли кадий сможет рассудить нас. Но есть здесь в одной деревне старик, который прославился своею мудростью. Давайте перестанем ссориться и обратимся к этому мудрецу из народа, чтобы разрешил он наш спор.

Поразмыслив, что так будет и вправду лучше, царевичи согласились с предложением старшего брата и немедленно направились к старику. Мудрый старец принял их, выслушал, как следует, и наконец сказал:

— Прежде чем объявить вам свое решение, прошу вас выслушать сказку о трех благочестивцах.

Братья приготовились слушать, и старик рассказал им следующее:

— «В очень давние времена в одной счастливой стране жили юноша и девушка, которые сильно любили друг друга. Но девушка, помимо ее воли, была наречена невестой другого человека. Когда приблизился день свадьбы и молодым людям нужно было разлучиться, юноша горячо обнял свою возлюбленную и сказал ей:

— О, свет моих очей, властительница моих мыслей! Теперь мы еще вместе, и я наслаждаюсь твоим присутствием, но что будет со мной, когда ты покинешь меня и уйдешь к мужу!

— Не огорчайся, господин моего сердца, — ответила девушка. — Я не стану женой этого человека до тех пор, пока не разделю твоего ложа. Ты первый отворишь врата моей любви!

И она дала своему возлюбленному клятву верности, призвав в свидетели аллаха.

В день свадьбы, когда нареченные вошли в спальню, девушка, перед тем как лечь на ложе, открылась своему жениху и рассказала о той клятве, которую она дала. Обливаясь слезами, она упала к ногам мужа и умоляла отпустить ее к возлюбленному, чтобы выполнить свой обет.

Выслушав признание своей невесты, жених, как истинный благочестивец, сказал:

— О, жена моя, ниспосланная небом! Верность аллаху должна быть сильнее, чем верность мужу. Раз уж ты поклялась этому юноше, то встань и иди выполнить свое обещание.

Обрадованная девушка поблагодарила мужа и, выйдя из его дома, отправилась к своему возлюбленному. Итти было далеко, а ночь стояла темная. Случилось же, что когда она вышла за город, ей встретился на дороге разбойник. Увидев беззащитную девушку, украшенную драгоценностями, разбойник преградил ей путь, чтобы ограбить ее. Но это желание заменилось

всем, что с ней случилось, и тот долго удивлялся благочестию разбойника и юноши. А, девушка, чувствуя себя освобожденной от клятвы, взошла на ложе своего супруга и поделила с ним все радости брачной жизни».

Окончив этот рассказ, мудрец обратился к трем братьям, которые со вниманием его слушали, и спросил:

— Скажите, дети мои, кто из этих трех мужчин оказался самым благочестивым?

Первым выступил вперед старший сын хана и сказал:

— Самое большое благочестие я вижу в поступке мужа этой чистой, как алмаз, девушки. Он имел право не выслушивать просьб своей невесты и исполнить закон шариата. Но он благородно отпустил ее выполнять данный ею обет. Муж—вот наиболее благочестивый из всех троих!

— О, верный хранитель мудрости и справедливости!—сказал, выступая, второй сын хана. —Позволь мне сказать, что самым благочестивым я считаю возлюбленного этой женщины. Увидев перед собой мечту своих мыслей, пришедшую выполнить обещание, он не захотел злоупотреблять ее честностью и, сняв с нее обет, отпустил ее в дом мужа. Не может быть большего благочестия, чем поступок этого благороднейшего юноши.

С этими словами он сел на свое место. Тогда встал младший брат и, поклонившись старику, сказал:

— Как же назвать, скажите мне, поступок разбойника, который встретил ночью вдалеке от города прекрасную девушку и не захотел воспользоваться ею! О, благоверный мудрец, нет и не может быть большего благочестия, чем благочестие этого благочестивейшего воина, достойнейшего из правоверных.

Внимательно выслушав всех троих, старик обратился к младшему сыну хана и сказал:

— Ну-ка, царевич, доставай ларец, да побыстрее! Нет сомнения, что драгоценности у тебя. Ибо честный заступается всегда за честного, влюбленный всегда защищает влюбленного, а вор вора видит издалика и горой становится на его защиту!

Услышав такое неожиданное решение, младший сын хана был так ошеломлен, что немедленно принес спрятанный им ларец с сокровищами и отдал его старику. А тот пересчитал все драгоценности и, разделив их на три части, передал в руки трех братьев.

СКАЗКА О ЧАМАШИРДЖИ-ОГЛАНЕ

АВНЫМ-ДАВНО, так что никто не скажет, было ли то в самом деле или не было¹, жил в Крыму один парень. Зарабатывал себе хлеб он тем, что стирал грязные тряпки своих соседей и получил он поэтому прозвище «Чамаширджи-оглан»². Не дала судьба Чамаширджи-оглану богатства, но одарила зато красотой и силой, доблестным сердцем и смелыми помыслами. И начертала судьба для него в звездных скрижалях жизнь, полную приключений.

Хоть и приходилось постирале частенько подтягивать живот от голода, но не унывал он от этого, а был всегда весел и беззаботен. И распевал свои песни, бродя по городу с бельевой корзинкой за плечами.

Однажды стирал Чамаширджи грязное белье под старой чинарой, около своей сакли. Вдруг, откуда ни возмись, прилетела большая птица невиданной красоты и села над его головой на ветке. Поглядев пристально на Чамаширджи, она расправила крылья, взмахнула ими и, поднявшись на воздух, исчезла в небе.

На следующий день снова появилась она в тот же самый час и снова, поглядев на Чамаширджи, скрылась из виду. И стала с тех пор каждый день прилетать в одно и то же время.

И так понравилась ему эта невиданная посетительница, что решил он во что бы то ни стало поймать ее. Вот однажды, когда уселась она опять на чинаре, подкрался Чамаширджи к ней, улучил мгновение и схватил крепко за ноги. Каково же было его удивление, когда чудесная птица не только не уступила его силе, но, раскрыв крылья, поднялась со своим похитителем на воздух. Чамаширджи хотел было заставить ее опуститься на землю, но потом решил, что это путешествие довольно приятно, и позволил нести себя, куда ей хочется.

А птица уносила его все выше и выше.

Долго ли, коротко ли летели путники, семь дней и семь ночей пролетели они, а на восьмой день опустились в густом лесу у ворот мраморного дворца ослепительной красоты. Коснувшись земли, чудесная птица издала оглушительный крик, и в ту же минуту ворота дворца открылись и из них вышла такая красавица,

с очарованием которой могла бы поспорить разве лишь луна на четырнадцатый день своего света. Сорок молодых телохранителей сопровождали ее, оберегая каждое ее движение. Ласково встретив Чамаширджи-оглана, красавица с приветливой улыбкой взяла его за руку и повела с почестями и уважением во дворец.

Удивлению молодого Чамаширджи не было предела. Такое богатство было повсюду в этом дворце, что Чамаширджи и во сне того никогда не видал. Сапфиры, яхонты и смарагды, изумруды и агаты, сердолики и порфиры сверкали во всех углах комнат, а главная зала сделана была целиком из чистейшей воды алмазов. Еще более удивился Чамаширджи, когда стена залы раздвинулась, и он увидел новую комнату, в которой стоял стол, накрытый всякими яствами и сладостями. Красавица усадила гостя на почетном месте под балдахином и сама села с ним рядом. Начался пир, равного которому никогда еще никто не видел. И опять многому пришлось удивляться Чамаширджи-оглану.

Когда пир кончился, Чамаширджи обратился к девушке и спросил:

— Поведай мне, джаным³, кто же владелец всего этого богатства? По чьей воле удалось мне попасть в эти великолепные палаты, в гости к тебе, такой красавице?

— О, Чамаширджи-оглан,—ответила девушка.—Перед тобой единственная дочь великого падишаха,

властителя подземного Таберистана, повелителя волшебниц-пери⁴. Все, что видишь ты здесь, принадлежит моему отцу, обладателю несметных сокровищ. Знай, что давно уже внимаю я звукам твоего голоса, когда поешь ты свои дивные песни, знай, что давно уже пленилась я твоей красотой и силой. Я должна выбрать себе жениха, и сама судьба принесла ко мне тебя, юношу из человеческого рода. По истечении трех дней стану я твоей женой, а пока будем ждать, пока вернется мой царственный отец.

Очарованный красотой царевны, Чамаширджи при этих словах так сильно возжелал ее, что бросился к ней, схватил в свои объятия и принялся умолять:

— Зачем же ждать, о, джаным! Я не в силах вытерпеть эти три дня, будь моей женой сейчас же!

Не понравилось это прекрасной дочери падишаха, отстранила она Чамаширджи и сказала:

— Нет, оглан, не бывать этому! Я обязана подождать, пока вернется отец, ибо только он может благословить нас на это.

Но Чамаширджи, совершенно обезумевший от желания, с еще большей настойчивостью стал добиваться ласк красавицы.

— Если ты не согласишься сейчас же разделить со мной ложе,—воскликнул он,—то я сам преступлю твою волю!

И, прижав царевну к груди, он начал покрывать ее лицо горячими своими поцелуями.

Такая настойчивость избранника совсем вывела из

себя красавицу. Она рассердилась вконец и крикнула своих телохранителей.

— Немедленно изгнать дерзкого!—гневно приказала она.

В ту же минуту, откуда ни возьмись, появилась огромная птица, схватила когтями Чамаширджи за шиворот и через окно взвилась с ним в небо. Дворец прекрасной пери навсегда исчез из глаз нетерпеливого постиралы.

Долго ли, коротко летел Чамаширджи в цепких объятиях чудо-птицы, семь дней и семь ночей пролетел он, а на восьмой день очутился в огромной безводной пустыне. Птица опустила юношу на землю и тотчас же исчезла из виду, а Чамаширджи упал в песок и заснул крепким сном. Долго лежал он неподвижно, забыв об опасностях, подстерегающих в пустыне.

На его счастье случилось, что мимо этого места проходил караван и остановился на отдых как раз неподалеку от неудачника. Один из погонщиков увидел лежащего в песке человека, подошел к нему и разбудил его.

— Откуда ты родом и как очутился в таком безлюдном месте?—спросил он юношу.

Чамаширджи огляделся вокруг и ответил:

— Родом я из Крыма, а сейчас иду из Таберистана.

— Сын мой,—сказал старый погонщик,—не бредишь ли ты? Ведь от Таберистана до Малого Самарканда, вблизи которого мы находимся, более тридцати трех

лет пути. А тебе, как я вижу, не больше двадцати лет. Встань же, сын мой, и следуй за нами. Я постараюсь пристроить тебя в Самарканде на какую-нибудь работу, и ты быстро восстановишь ясность своего рассудка.

Обрадовался Чамаширджи и воспользовался участием доброго старика. Поднялся он со своего места и поплелся вслед за верблюдами.

Как только прибыли они в Малый Самарканд, на другой же день, по обычаю той страны, повели Чамаширджи к кадию⁵.

Кадий обратился к постирале и спросил его, долго ли намеревается он оставаться в Малом Самарканде и имеет ли он жену?

— О, благоверный кадий-эффенди⁶,—ответил на это Чамаширджи,—не по своей воле попал я в этот край и, видно, сама судьба велит мне остаться здесь жить. Что же касается второго твоего вопроса, то позволь мне ответить, что не удостоила еще меня судьба сделаться мужем какой-нибудь женщины.

Тогда кадий сказал:

— В нашем городе есть обычай, освященный проком. Каждый, кто вознамерится прожить у нас более трех дней, должен найти себе ремесло и обязательно связать себя браком с какой-нибудь из наших женщин. Тот, кто не захочет подчиниться этим законам, немедленно подвергается оскотлению и с позором изгоняется за пределы страны. Скажи же теперь, согласен ли ты подчиниться нашим законам?

— Согласен, согласен!—воскликнул Чамаширджи, который вовсе не хотел сделаться евнухом.

— В таком случае отведите его к наибу!—приказал кадий аскерам⁷.

Когда Чамаширджи предстал перед наибом, тот поставил перед ним ларец и предложил тянуть жребий. Чамаширджи вынул из ларца камень с высеченным на нем именем и протянул его наibu. Прочитав надпись, наиб призвал каваса⁸ и повелел ему отвести юношу в дом женщины, которой судьба назначила стать его женой. Явился воин и повел Чамаширджи к дому невесты. Там он стукнул трижды в ворота, и к ним вышла прекраснейшая из женщин Малого Самарканда.

— О, прекрасная Саибэ,—обратился к ней кавас,—этого молодого странника прислал к тебе благочестивейший наиб, а к нему он попал от кадия. Жребий судьбы пал на тебя, о, роза Шираза, юноша этот должен стать твоим мужем, и да пошлет вам алах счастье на земле и на небе!

Прекрасная Саибэ поднесла руки к сердцу и пригласила своего нареченного в комнату. Не было конца изумлению Чамаширджи, когда увидел он всю роскошь и изобилие убранства в доме своей жены. Еще больше пришлось ему удивиться, когда на другой день повела его Саибэ-ханум осматривать все дома и лавки, которыми она владела.

— С сегодняшнего дня ты вступаешь в управление всем этим имуществом,—сказала она.—Но знай, что

обычай у нас таков: весь товар отпускается из лавок по той же цене, по которой он куплен. При этом ты должен отпускать в долг всякому, кто того пожелает.

Чамаширджи с удовольствием осмотрел выпавшее на его долю состояние и хоть удивлен был этими странными обычаями, но повиновался и стал выполнять их так, как принято в этой стране. Вскоре он привязался к своей жене, быстро научился вести торговые дела. Так прошел год жизни.

Когда до конца года осталось всего два дня, Чамаширджи услышал на базаре глашатая, который кричал:

— О, правоверные обитатели Малого Самарканда, города, благословенного аллахом и его пророком! По повелению благочестивого нашего кадия знайте, о, жители, что послезавтра наступает конец этого года! Спешите завтра же уплатить свои долги каждый, кто кому-нибудь должен! И да пошлет аллах проклятие тому, кто осмелится не выполнить закон государства!

На следующий день Чамаширджи увидел, как в его сокровищницу потекли деньги за все те товары, которые в течение целого года отпускал он всем в долг. А когда в первый день другого года подсчитал он свой годовой оборот, то увидел нечто еще более удивительное. Несмотря на то, что он покупал за пять и продавал за пять, у него оказалась все же большая прибыль. Тут уже не мог больше удержаться Чамаширджи, чтобы не высказать своего удивления.

Придя домой, он рассказал об этом своей жене и воскликнул:

— Как много странных дел творится в этом удивительном городе!

Услышала жена это восклицание и побежала к наибу, потому что не позволял закон удивляться чему-нибудь в Малом Самарканде.

— О, благочестивый наиб,—сказала она,—мой муж, которого ты прислал мне вот уже год тому назад, нарушил наши священные обычаи. Он позволил себе громко выразить удивление тому, что видел, и вмешался в дела аллаха. Отныне по воле наших законов я отказываюсь от этого нечестивца и считаю себя свободной!

Разгневался наиб на Чамаширджи и приказал призвать его к себе. Сурово объяснил ему, какой великий грех совершил он, и повелел бросить нарушителя законов в темницу.

Как ни оправдывался Чамаширджи, закон был неумолим. Бедного постиралу повели под стражей в подземелье на верную и неумолимую смерть.

Но случилось так, что пока его вели, откуда ни возьмись, появилась опять чудесная птица, схватила прачечника в свои могучие лапы и взвилась с ним в небо. И полетел Чамаширджи опять в неведомые страны.

Долго ли, коротко летели они, семь дней и семь ночей пролетели, а на восьмой день опустились в глубоком и темном ущелье. Птица тотчас же скрылась,

а Чамаширджи самому пришлось выбираться из этого проклятого места. Долго мучился он, карабкаясь по отвесным скалам, пока не добрался, наконец, до проезжей дороги. Сел он около нее, чтобы отдохнуть, и заснул крепким сном.

В это время, на его счастье, проходил по той дороге один путник. Поравнялся этот путник с Чамаширджи, разбудил его и спросил, как очутился он в таком пустынном месте? Чамаширджи ответил, что он из Малого Самарканда. Странник улыбнулся и сказал:

— Сын мой, не бредишь ли ты? Разве можно идти пешком из Малого Самарканда, который, по словам нашего ученого кадия, отстоит от Большого Самарканда на расстоянии тридцати трех лет пути? Я вижу, что ты собираешься идти в Большой Самарканд, не так ли?

— Да,—ответил Чамаширджи, которому ничего больше не осталось сделать, как согласиться с этим.— Объясни, прошу тебя, добрый человек, как найти мне путь в этот город?

— Следуй за мной!—сказал прохожий.

И путники двинулись к городу.

Так шли они три дня и три ночи, а на четвертый день подошли к одному месту, где дорога расходилась на две стороны. Путешественник указал Чамаширджи путь в Самарканд и, попрощавшись с ним, пошел своей дорогой. А Чамаширджи двинулся по указанному направлению. Семь дней и семь ночей шел

он так один по дороге, а на восьмой день увидел вдалеке стены большого города. Так как солнце уже садилось и идти дальше не имело смысла, то остановился Чамаширджи на ночевку на старом кладбище, встретившемся ему на дороге.

Там он выбрал себе место в развалинах старого дюрбэ⁹, лег на землю, подложил под голову камень и уснул тотчас же, как только закрыл глаза.

Долго ли коротко ли спал Чамаширджи, только вдруг среди ночи услышал он над собой сильный шум и пронзительный свист, от которого заledenела у него кровь в жилах. Открыл он глаза и с ужасом увидел огромного ифрита¹⁰, который неподалеку от него вытаскивал с корнем из земли высокий кипарис. Выдернув дерево, чудовище положило его в сторону и подняло из могилы ослепительной красоты девушку. Очнувшаяся красавица, увидев перед собой чудовище, сделала попытку вырваться из его лап, но страшный ифрит вонзил в тело девушки свои черные когти и так дико захохотал, что мертвецы начали переворачиваться с боку на бок в своих могилах.

— Ха, ха, ха!—гремел он.—Не думаешь ли ты уйти от меня, дорогая джаным, не думаешь ли ты, что я отпущу тебя, не выведав талисмана, охраняющего твою невинность? Последний раз говорю тебе—не сопротивляйся моему желанию и уничтожь чары сего талисмана! Вот уж тридцать восемь дней мучаюсь я с тобой. Знай же, дочь султана, что осталось тебе жить только два дня. Если не уступишь ты мне и не

исполнишь того, чего я хочу,—умрешь ты мучительной смертью в моих руках!

— Нет,—раздался в ответ чуть слышный голос девушки.—Лучше я погибну в твоих когтях, проклятый злодей, чем отдамся тебе! Не воспользоваться тебе никогда моим талисманом!

Услышав это, ифрит издал оглушительный вой, сбросил красавицу обратно в могилу, навалил на яму кипарис и умчался с такой быстротой, что земля задрожала под его ногами.

Чамаширджи не мог сомкнуть глаз в течение остатка ночи; дождавшись рассвета, бросился он по дороге в город и уже к вечеру достиг его стен.

Еще до закрытия городских ворот постирала вошел в Самарканд и направился к главной площади. Проходя через базар, увидел он толпу, которая собралась вокруг глашатая и внимала его призывам. Чамаширджи тоже присоединился к толпе и услышал, что глашатай кричал следующее:

— О, правоверные,—возглашал он,—услышьте голос нашего непобедимого падишаха, могущественного даря царей! Вот уже тридцать восемь дней, как я призываю пророка в свидетели страшного преступления. Да услышит мои моления всемогущий аллах, повелитель всех царей земных и подземных! Знайте, что кто найдет единственную дочь нашего повелителя, или хотя бы покажет то место, где она находится, тот получит ее руку или, если захочет, столько золота, сколько весит она вся!

Чамаширджи, услышав эти призывы, решил, что случая упускать нельзя. Он подошел к глашатаю и расспросил у него все, что тот знал о похищении падишаховой дочери.

— Проведи меня к шаху,—сказал он глашатаю.

Явившись к царю, Чамаширджи поведал ему о зрелище, виденном им прошлой ночью на кладбище.

— О, повелитель большого Самарканда,—сказал он падишаху, когда тот его выслушал,—я спасу твою дочь! Дай мне сорок самых сильных твоих воинов, и пусть они следуют за мной. И если у них достанет храбрости, чтобы победить этого проклятого ифрита, твоя дочь, а моя будущая невеста, будет спасена!

Так был обрадован падишах этим известием, что немедленно повелел своему сераскиру¹¹ приготовить отборных джигитов и отдал их в распоряжение Чамаширджи. К вечеру другого дня Чамаширджи привел этих воинов на кладбище и разместил их в засаде у кипариса, приказав напасть на ифрита в тот самый момент, когда он откроет могилу и вынет оттуда падишахову дочку. Все ждали со страхом появления страшного чудовища.

Наконец в самую полночь раздался сильный шум, и страшный ифрит полетел к дереву. Он вытащил, как перышко, огромный кипарис и поднял из могилы лежавшую без чувств красавицу. В эту самую минуту Чамаширджи дал знак, джигиты быстро окружили ифрита и набросились на него с кинжалами.

Началась битва. Ифрит с корнем вырывал целые деревья и бил ими направо и налево, как простыми тростинками. Так велика была ярость чудовища, что от одного только рева его разрывались сердца отважных воинов. Один за другим падали аскеры, но и ифриту доставалось немало от метких и сильных ударов. Раны покрыли его скользкое тело, кровь потоками текла по спине и груди чудовища. Наконец, после того, как ифрит уложил тридцать пятого воина, Чамаширджи изловчился и так глубоко вонзил свой кинжал в его туловище, что чудовище рухнуло на землю бездыханным. Тут все пятеро воинов, которые еще остались в живых, бросились на чудовище и разорвали его труп на части.

Когда красавица очнулась и открыла глаза, она не поверила своему спасению. Велика была ее радость при виде храброго юноши, освободившего ее от насильника, но так сильна была ее слабость, что не могла она даже подняться на ноги. И победители, хотя и истекали сами кровью, понесли ее на руках во дворец падишаха.

С великими почестями встретил повелитель Самарканда свою воскресшую дочь и ее избавителя Чамаширджи. Вся дорога от городских ворот до дворца устлана была богатыми коврами и тканями. А когда Чамаширджи с красавицей взошел на ступени дворца, падишах перед всем народом объявил их женихом и невестой. Дочь падишаха, хотя и измучилась в плену у ифрита, но так быстро поправилась и так

похорошела, что даже красота четырнадцатидневной луны поблекла бы в сравнении с ее очарованием. По истечении сорока дней глашатай объявил на всех площадях и базарах города, что царь царей, падишах Большого Самарканда выдает свою царственную дочь за пехлевана¹², который вернул ей жизнь. Глашатай объявил также, что падишах приглашает своих подданных на пир и милует всех, кто когда-нибудь чем-нибудь провинился.

Пир был такой, какого никогда еще не видали, и длился он сорок дней и ночей. И бедняк Чамаширджи стал зятем и первым визирем могущественного падишаха.

Осыпанный милостями стал жить Чамаширджи, не зная никаких забот; поднимаясь утром, брал он из казны сто золотых червонцев и растрачивал их за день на подарки и милостыню.

Вскоре зависть обуяла визирей шаха, взирающих на почет, оказываемый нищему пришельцу. И вот, желая погубить соперника, злобные царедворцы распустили слух, будто зять падишаха замыслил захватить у властителя трон и будто подослан он народом, чтобы погубить падишаха. А другие визири говорили так:

— Это сам он в образе ифрита мучил дочь властелина, чтобы потом притвориться ее спасителем и пробраться к трону.

И все визири соглашались с наветами клеветников.

Наконец и у самого падишаха, который слышал все, что говорилось, закралось в сердце сомнение в верности своего зятя. А ненавистники уже и самую царевну сумели восстановить против ее спасителя Чамаширджи. Настолько успели злые визири в своих кознях, что падишахская дочь уговорила наконец отца посадить Чамаширджи в темницу. И повелел падишах воинам своим бросить Чамаширджи в подземелье и по истечении трех дней казнить его смертью перед всем народом.

Повели беднягу по улицам на неминуемую гибель.

Но случилось, что когда шел он так под охраной сорока воинов и в сопровождении джелыда (палача), откуда ни возьмись появилась его избавительница птица, схватила его в лапы и в одно мгновение взлетела с ним в небо.

И понесла снова в неведомые края на новые радости и страдания.

Долго ли коротко летели они так, семь дней и семь ночей пролетели, а на восьмой день опустила птица Чамаширджи в пустыне около источника.

Когда Чамаширджи очнулся, напился он из колодца и пошел в путь-дорогу, ибо ничего не оставалось ему делать больше.

Так шел он по дороге целый день и к вечеру достиг ворот незнакомого ему города. Вошел он в город и двинулся по улицам к базару. И довелось ему стать свидетелем странного и непонятного зрелища.

Увидел он на базаре слепого дервиша, который вымаливал у прохожих милостыню. И как только подавал кто-нибудь ему монету, дервиш хватал тотчас же дарителя за рукав его одежды и не отпускал до тех пор, пока тот не ударит его дважды по лицу. Вокруг слепого стояла толпа празднующихся и наблюдала за этим диковинным зрелищем.

Разобрало Чамаширджи любопытство, и он подошел к дервишу.

— Скажи мне, о возлюбленный пророком, за какие грехи возложил ты на себя такое наказание?

Нищий не пожелал ответить, но Чамаширджи дал ему монету, повел в кофейню, и тогда дервиш поведал следующее:

— Да будет проклят шайтан и злые его пособники! Знай, о, юноша, что в молодости служил я у одного богатого купца в Исфагани¹³. Этот купец ценил меня за мою изворотливость и ловкость в торговом деле, и получал я от него за службу хорошую плату.

Вот однажды собрался хозяин в далекое путешествие из Исфагани в Самаркандское царство. Если бы видел ты все сокровища, которые он взял с собой! Одними драгоценными камнями нагрузил он сорок верблюдов. В погонщики же каравана старик взял меня, любимого своего приказчика.

Когда я увидел все несметные богатства купца, злой дух вселился в мое сердце и направил мои помыслы на то, чтобы завладеть этими сокровищами. Он не давал мне покоя и шептал все время:

— Если ты хочешь стать богатым и жить припеваючи, воспользуйся случаем, убей старика и ты легко завладеешь его драгоценностями!

Когда мы достигли пустыни, где на сотни верст не было ни одной живой души, я решил привести в исполнение свой замысел. И вот, когда караван остановился на отдых, я как одержимый бросился на хозяина, творившего в это время намаз, и занес над ним копьё.

Увидев это, хозяин упал мне в ноги и стал умолять о пощаде.

Я остановил удар.

Но злой дух, сидевший во мне, с новой силой стал принуждать меня:

— Глупец, чего же ты зеваешь? Разве не хочешь ты стать богатым? Пользуйся случаем и убей его немедленно!

Снова поднял я копьё, и ещё сильнее стал умолять меня старик:

— Сын мой,—кричал он,—не убивай меня! Если уж хочешь ты стать богатым, то ты им будешь! Пощади меня, и я отдам тебе самое ценное, что у меня есть—чудесный талисман, который приносит мне богатство. У меня при себе есть такая мазь, что стоит только помазать ею левый глаз, станет он таким зорким, что увидит все города и деревни на тысячу верст. Никто кроме меня не знает о действии этого талисмана, я отдам его тебе, и ты сможешь тогда всегда следить за тем, где что стоит дорого и где

дешево. И ты будешь искусно перевозить твои товары и получать такой барыш, о котором никто не слыхивал.

Мне тотчас же захотелось испытать силу талисмана, и я потребовал, чтобы купец помазал мне глаз этой мазью.

И как только сделал он это, увидел я окрест себя сотни городов и деревень так ясно, что можно было разглядеть, кто чем торгует на базарах.

— Но помни,—сказал старик,—эта мазь действует столь чудесно только на левый глаз. Если же смазать ею и правый, то зрение твое погаснет совсем, и не увидишь ты больше солнечного света.

Я подумал, что старик хочет утаить от меня всю силу талисмана и, разъярясь, ударил его копьём и убил его. Потом я выхватил из его мертвых рук мазь и смазал ею мой правый глаз.

Но как только талисман коснулся моего правого глаза, в тот же момент зрение мое погасло, и меня окутала черная темнота.

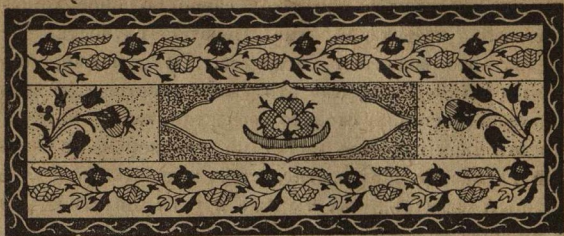
Долго я кричал, стонал, проклинал и опять призывал аллаха, но ничего не помогло. Солнечный свет был для меня потерян.

Так был я наказан за свою жадность. Этого убийства я себе не простил и дал обет поступить в текие¹⁴, чтобы служить голосу истины. И вот теперь, как ты видишь, я подставляю свою голову под удары в назидание всем правоверным!

— Да и наделила же тебя судьба глупостью,—сказал Чамаширджи, выслушав дервиша.—Теперь я еще

больше убедился в том, что самое большое лишение—это недостаток ума. Первую глупость ты сделал—это возжелал богатства. Ты думаешь, что если стал богачом, так это уже и счастье. Да ведь кто же и причиняет столько несчастий, как не богачи? Но эта твоя глупость ничто по сравнению со второй глупостью. Вот постигло тебя несчастье (так тебе видно и следует), так ты уже и руки опустил, уже и по лицу даешь бить себя. Дурак! Если судьба хлопнула тебя по одной щеке, никогда не подставляй ей другую. Ты бы послушал о моих приключениях. Двадцать раз выносила меня судьба наверх и сорок раз вниз сбрасывала. А я и не унываю! Записана или не записана жизнь человека в книгах судеб, а рассчитывать на милость аллаха нечего. И если бьет тебя судьба, то старайся дать ей сдачи. Путь к радости лежит через пески пустынь и мрачные ущелья. И правильно говорит пословица: «Пусть молодец будет молодцом, пусть постель его будет под кустом»¹⁵.

СКАЗКА О ДЖИГЕРДЖИ-ДЕДЕ

ИЛ когда-то один богатый старик, который прославился своей скупостью. До того велика была его жадность к деньгам, что, боясь потратиться на мясо, покупал он к обеду одну только печенку. И получил он за это прозвище—Джигерджи, что значит печенка. Вот додумался однажды Джигерджи, что на скотобойне за городом печенка стоит на копейку дешевле, чем на базаре, и решил пойти за ней туда, чтобы не переплачивать такие большие деньги. Каково же было его разочарование, когда, придя на бойню, узнал он, что на его несчастье мясник продает печенку только на полкопейки дешевле. Начал тогда расспрашивать Джигерджи у мясника, где продается печенка еще дешевле. Мясник посмеялся

над скрягой и указал на соседнюю деревню, где можно выгадать на печенке целую копейку.

Джигерджи-деде, недолго думая, поплелся по дороге в указанном направлении. Деревня оказалась не очень близко, и идти ему пришлось долго. Когда он добрался туда и выторговал, наконец, копейку, то утомился так, что возвращаться домой уже был не в силах. Пришлось ему заночевать в первой попавшейся по дороге кофейне. К счастью кофейщик оказался таким добрым, что разрешил старику переночевать бесплатно.

Войдя в кофейню, Джигерджи-деде был удивлен богатым убранством, коврами и дорогой посудой, которая стояла повсюду на полках. Среди этого богатства ходила молодая красивая женщина, раздетая в шелк и парчу. Все это так не соответствовало скромному положению хозяина, что старик, обдумывая все увиденное, решил, что здесь что-то неспроста.

Ночью всякие подозрения стали мучить его, и он, решив не спать, поставил перед собой печенку и принялся караулить ее.

Около полуночи в доме раздался шорох, и две тени проскользнули из сеней во двор. Джигерджи-деде поднялся с кровати, взял печенку и последовал за ними. На дворе он увидел странное зрелище. Кофейщик и молодая женщина стояли по сторонам могилы, находившейся в углу двора, и изо всей силы колотили по ней палками.

— Вот тебе, вот тебе!—приговаривали они разом

после каждого удара,—так тебе и нужно, жадный скряга, не сумел пользоваться своим добром, получай-ка по заслугам! Гнила душа твоя при жизни, сгнивай весь после смерти. Скрыге гнить! Скрыге гнить!

Так наколачивали они по могиле до тех пор, пока палки их не поднялись и не опустились по сто раз. Закончив этот странный обряд, они спокойно вернулись в комнату и легли спать. А Джигерджи, изумленный всем виденным, не мог сомкнуть глаз до самого рассвета.

Рано утром он уже был на ногах и ждал с нетерпением появления хозяина, чтобы расспросить его как следует обо всем. Как только он увидел кофейщика, то сейчас же обратился к нему и спросил:

— Скажи мне, чорбаджи ¹, чем объяснить то непонятное зрелище, свидетелем которого я был этой ночью?

И Джигерджи подробно изложил хозяину, что он видел. Кофейщик сначала смутился и не хотел отвечать на расспросы, но видя что от назойливого старика не уйти, поведал ему следующее:

— Слушай же, эффенди-деде. Все, что ты здесь видишь,—и дома, и чаиры, и кофейня, куда ты пришел искать ночлега,—все это принадлежало раньше одному очень богатому хаджи, который был таким скрягой, что не только не помогал бедным, но и сам почти ничего не ел. Он так трясся над деньгами, что питался только кусочком хлеба и печенкой. Еще в более черном теле держал он свою красавицу-жену,—он не

только мори́л ее голодом, но и заставлял ходить в старых постолах² и в заплата́нных платьях. Я слу́жил у него в то время кофейщиком и тоже испытал на себе всю тягость его скупости. Когда наступил его час, и должен был скряга покинуть этот мир, его обуяла еще бо́льшая жадность и стал его мучить страх, что не сможет он ничего захватить из своего добра. И повелел он похоронить себя в этом дворе среди всего своего имущества. Воля его была исполнена—ты видел его могилу. Но судьба вознаградила по заслугам старого скрягу—молодая жена его недолго оплакивала своего старого мужа; однажды она позвала меня к себе и, признавшись в своей страсти, предложила мне жениться на ней. Так как я тоже любил ее, то и согласился с радостью на это предложение. Так я стал ее мужем и владельцем всего, что осталось от старика. И стали мы жить в радости и довольстве. Одно только отравляло нам наше благополучие. Ежедневно в полночь тень старика поднималась из могилы, садилась на ней и ела печенку, оглядывая свои владения. Никакие наши мольбы аллаху не помогали, тень не исчезала, продолжала нарушать наш покой и совсем нас измучила.

И вот однажды зашел в нашу кофейню один странник и сказал нам, что покойник превратился в шайтана и из могилы хочет погубить наше счастье.

— Если не хотите вы попасть в беду,—сказал нам странник,—то должны вы каждую ночь наказывать этого шайтана. Ровно в полночь выходите к этой

проклятой могиле и не возвращайтесь в дом свой до тех пор, пока не опустите на нее сто палочных ударов, приговаривая заклятие: «Скряге гнить». И не будет тогда беспокоить вас этот окаянный злодей.

Вот ты и был свидетелем того, как нужно поступать со скупыми богачами,—закончил свой рассказ кофейщик.

Ни жив, ни мертв слушал Джигерджи рассказ кафежди³, ибо увидел он себя в образе этого скряги.

И открылись у него глаза на собственную скупость и испугался он своего будущего. Поблагодарил он хозяина за рассказ и покинул гостеприимный приют. Как только вышел он на улицу, тотчас же подозвал первую попавшуюся собаку и бросил ей печенку, на которой с таким трудом сэкономил копейку. А войдя в свой город, стал ходить по лавкам и закупать всякой еды и сладостей. Так он купил целый мешок риса, пуд масла, ведро халвы, целого барашка и послал носильщика отнести все это в свой дом.

Когда жена Джигерджи открыла дверь и увидела все это, она подумала, что носильщик попал к ним по ошибке, и никак не хотела принять покупок. Бедная женщина никогда не видела в своем доме даже горсточку риса или кусочка масла. Несмотря на настойчивость носильщика, она приказала ему поставить покупки у ворот сакли, пока не вернется сам Джигерджи. Пока она ожидала мужа, хаммал⁴ постепенно нанес целую гору всяких продуктов.

Наконец к вечеру вернулся Джигерджи-деде.

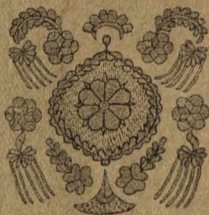
Жена показала старику продукты и сказала, что их принес какой-то носильщик, вероятно, по ошибке.

— Нет, благочестивая жена моя, — сказал старик, — тут нет никакой ошибки. Все это действительно купил я. Аллах открыл мои глаза. Я никак не хочу, чтобы ты кричала над моей могилой «Скряге гнить. Скряге гнить».

СКАЗКИ
ХАТИДЖЕ УМЕР

ХАТИДЖЕ УМЕР

д. Алушка

Родилась в 1900 году в семье крестьянина-середняка в деревне Алушке. Несмотря на то, что у отца ее был небольшой виноградник, Хатидже пришлось еще девочкой зарабатывать поденщиной хлеб для прокормления многочисленной семьи. Впрочем ей удалось попасть в школу и с трудом обучиться грамоте. Отец пошел против запугивания муллы и отдал Хатидже в народную мектебе. Татарская девочка в школе—это было почти небывалое дело в дореволюционной Алушке. Но Хатидже не пришлось закончить мектебе—настигла нужда и заставила идти в батрачки к богатому кулаку.

В настоящее время Хатидже Умер работает технической работницей в одном из алушких домов отдыха.

Запас сказок т. Умер приобрела от своей бабки. Обладая богатой памятью, Хатидже широко, однако, пользуется импровизацией и из каждой сказки умеет сделать законченное оригинальное произведение. Так же, как и Мустафа Топал, она является пионером передачи текстов Алушкскому музею.

СКАЗКА О БЛУДЛИВОМ КАДИИ

О ВРЕМЕНА Менгли-Гирей-хана¹ жил в Бахчисарае один кадий. Был кадий-эффенди уже стар и дрябл, сморщенным было его тело и тряслись руки, но не давал он проходу бахчисарайским красавицам своими ухаживаниями. А у соседа его, как на зло, была молодая жена. Вот и прельстился кадий своей соседкой, прекрасной Эминэ. Каждый день, возвращаясь из мечети, проходил он мимо ворот Эминэ и не упустил случая, сделать ей какое-нибудь соблазняющее предложение.

— О, джаным,—говорил он ей, и голос его звучал слаще шербета,—твои глаза подобны двум звездам и взгляд твой обжигает мое тело. Отчего ты не позовешь меня к себе, когда муж твой уезжает из дому?

И говоря так, старый сластолюбец обещал Эминэ

угостить ее таким рахат-лукумом, какого не найдешь ни в одной бахчисарайской лавке, и такой халвой, какой не едал и сам константинопольский падишах. И сулил ей такие наряды и украшения, какие не снились ни одной женщине во всем ханстве.

Но напрасны были сладкие речи кадия: верная Эминэ с негодованием отвергала его соблазны. Она рассказывала обо всем своему мужу и умоляла его защитить ее от благочестивого служителя аллаха. Наконец, когда от назойливости старика бедной женщине совсем стало невмоготу, разгневанный муж придумал средство избавиться от соблазнителя.

— Вот что, дорогая Эминэ, — сказал он, — когда этот пакостник снова начнет искушать тебя, ты не отвергай его предложений, но ответь улыбкой и пообещай быть более ласковой. А когда я уеду, пригласи его к себе и позволь заигрывать с тобой до тех пор, пока дело не дойдет до греха. В эту минуту я постучу в дверь, а ты, как будто испугавшись моего неожиданного возвращения, поспеши спрятать искушителя в сундук. Я войду, и уж мы придумаем, как лучше осрамить нечестивца.

На этом и сговорились.

На следующий же день, проходя мимо саки прекрасной Эминэ, хранитель корана начал, как обычно, свои восхваления. Каково же было его торжество, когда он увидел, что красавица не только не возмущается, но, напротив, отвечает ему кокетливой улыбкой. В это время муж Эминэ, подслушивавший

из-за сарая, крикнул жене, чтобы она приготовила ему лепешек, так как он уезжает в степь и вернется никак не раньше, чем через пять дней.

— Сегодня вечером, — шепнула Эминэ кадию и побежала, как будто бы снаряжать мужа.

Обнадеженный кадий, собственными ушами слышавший о приглашении и об отъезде мужа, не мог от нетерпения дожидаться вечера. Как только окончился вечерний намаз, он тотчас же под покровом темноты направился к соседке. Эминэ встретила его у калитки и с ободряющей улыбкой повела в саклю. Едва вошли они в комнату, как сластолюбец бросился на молодую женщину и стал ее обнимать. Лукавая Эминэ кокетливо сопротивлялась. Это еще более разожгло страсть благочестивого эффенди, и он стал еще более настойчивым.

В эту самую минуту, как было условлено, раздался громкий стук в дверь.

Кадий обомлел от ужаса. Стук возобновился с новой силой. Эминэ схватилась за голову и заметалась по комнате.

— О, милосердный Аллах! Это он! Какой позор! Какой стыд! Он застанет чужого мужчину в своем доме! Он убьет нас обоих! Мы погибли!

От этих слов кадий перепугался еще больше, из него как поленом вышибло последние остатки страсти. Он принялся бегать за своей возлюбленной, прося дрожащим голосом спрятать его куда-нибудь подальше. Этого только и нужно было хитрой

женщине. Она тотчас же распахнула сундук, втокнула туда трясущегося эффенди и, захлопнув крышку, заперла его на замок. Потомпустила мужа и с веселой улыбкой подмигнула ему.

Вдоволь посмеявшись между собой, довольные супруги постелили на сундуке постель и легли спать, предоставив кадию слушать, что над ним происходит.

Три дня и три ночи сидел бедный эффенди в своем убежище без пищи и воды, пачкая под себя и задыхаясь от зловония. Но считая, что хозяин ничего не подозревает, он терпел и не издавал ни одного звука, хотя и мучился от голода и неудобства.

На третий день хозяин заметил под сундуком странную сырость и, как будто не понимая, в чем дело, спросил у жены:

— Что это там у нас в сундуке, дорогая Эминэ?

— О, возлюбленный муж мой,—ответила Эминэ, так чтобы слышал кадий,—это напачкали, вероятно, крысы, которых у нас так много развелось за последнее время. Никак не соберусь достать кота, чтобы вывести их, окайнных!

Кадий, слушавший разговор с замиранием сердца, при этих словах успокоился и мысленно возблагодарил Аллаха за мудрость и верность своей возлюбленной. Однако хозяин, немного помолчав, сказал:

— Знаешь что, Эминэ, я боюсь, как бы эти проклятые крысы не испортили моего сундука совсем. Отнесу-ка я его завтра на базар, да продам, пока он еще цел.

Как только услышал кадий эти слова, с ним сделался такой приступ страха, что лужа под сундуком немедленно увеличилась. До эффенди доносились громкие голоса спорящих, и он трепетал от злых предчувствий. Когда звенел голосок Эмина, он успокаивался, ибо хитрая женщина нарочно громко упраскивала мужа не продавать ее сундука. Когда же раздавался голос хозяина, эффенди мертвел от ужаса, ибо тот настаивал на продаже. Наконец хозяин заявил, что завтра же он отправит сундук на базар.

Очень плохие сны снились кадию в эту несчастливую для него ночь. Ему казалось, что иблис² хватает его за брюхо своими страшными когтями, а джины тешатся над ним, кусая его за пятки.

На другое утро хозяин погрузил сундук с закрытым в нем кадием на арбу и повез на базар.

В этот день как раз был курбан-байрам, и на базаре толпился весь Бахчисарай. Ходили по базару и три сына кадия, которые тщетно разыскивали своего пропавшего отца. Увидев толпу, собравшуюся вокруг сундука, они протолкались поближе и полюбопытствовали:

— Эй, кероглан³, что это за сокровище ты продаешь?

— Покупайте, покупайте! — ответил хозяин, — по дешевке продаю: три тысячи золотых всего-навсего. Не сундук дорог, а то, что в сундуке. Тот, кто купит эту вещь, навсегда избавится от лихорадки, от трясушки, от поноса, от запора и от сладостного глаза женщины, как бы ни был он обворожителен!

Трудно рассказать, что почувствовал бедный кадий, когда услышал над собой голоса своих сыновей, торгующихся над проклятым сундуком. А достойные дети уже развязали кисеты и отсчитывали продавцу наличные, радуясь приобретению чудодейственного талисмана. С благоговением подошли они к сундуку и, восхваляя Аллаха, принялись действовать ключом. Почти весь базар сбежался посмотреть, какой талисман купили сыновья кадия. Подошла к сундуку и лукавая Эминэ.

Только что начали подымать крышку, как из сундука послышалось страшное рычание и ударила вонь. Все собравшиеся в великом ужасе бросились бежать, сыновья кадия впереди всех. За ними послышался из сундука провзительный голос их отца.

— Эй, сыновья мои, не бойтесь, вернитесь, талисман этого сундука в моих руках!

С опаской и с предосторожностями сыновья снова приблизились к сундуку, а за ними придвинулся и весь народ. С ужасом увидели сыновья кадия представившееся им зрелище.

В сундуке сидел, дико озираясь на толпу, сам кадий-эффенди, скрученный в три погибели, без следа бывшего кругленького животика, весь в лохмотьях, грязный, мокрый, вонючий. Сыновья были в крайнем смущении. А народ кругом разразился оглушительным смехом, прокатившимся, как буря, по всему Бахчисараю.

Громче всех смеялась Эминэ.

СКАЗКА О ТРЕХ СЫНОВЬЯХ ПАДИШАХА И МУДРОМ АШУТЕ

Ил некогда один турецкий султан и было у него три сына. Почувствовал однажды султан приближение смертного часа, призвал к себе сыновей и так им сказал:

— О, возлюбленные дети мои, я чувствую, что всемогущий аллах зовет меня к себе. Мне предстоит горестная разлука с вами и всем этим суетным миром. Вам в наследство оставляю я мои несчетные сокровища, но все они тленны и преходящи. Поэтому даю я вам, светочи очей моих, нечто более ценное— три завета, которые доставят вам удовольствий больше, нежели все сокровища.

— Мы слушаем тебя, царственный наш родитель,— сказали сыновья.

— Ты, мой старший сын,—начал султан,—в каждом городе и в каждом селении нашей страны построй по одному сераю. Много радостей получишь ты, празднуя со своими визириями в каждом из них. А ты,—обратился он к среднему,—каждую ночь соединяйся с девственницей. Нет большего наслаждения, чем соединение с невинной девушкой. Что же касается тебя, о младший мой сын, то тебе я завещаю—при каждой трапезе употребляй в пищу только мед да масло. И познаешь ты, сколь приятно можно прожить на свете.

Сказав так, падишах испустил последнее дыхание и отправился к аллаху. А сыновья его, немало подивившись заветам родителя, с великим удовольствием принялись исполнять его волю.

Вскоре города и деревни государства покрылись дворцами, в которых пировали царевичи и их визири, исеякли в стране мед и масло, пожираемые приближенными, не осталось в стране ни одной девственницы, не обесчещенной сластолюбцами. Дани и подати задавили правоверных, и повсюду стали слышаться плач и стенания, ибо много закровов и много человеческих вздохов затрачивалось на выполнение заветов хитрого и жестокого покойника. Так велики были невзгоды страны, что один мудрый ашуг¹ решил помочь соплеменникам и облегчить их участь. Предстал он перед очи царевичей и сказал им так:

— О, мудрые правители. Чьими благословенными устами научил вас пророк творить такие великие дела?

— Покойный наш родитель, могущественный падишах, дал нам перед своей кончиной эти благочестивые заветы,—ответили сыновья султана.

— О, верные хранители драгоценных обетов,—возразил ашуг,—знайте же, что справедливейший из падишахов, покойный ваш отец, да вкусит он все сладости рая, оставляя вам свою последнюю волю, вовсе не хотел научить вас тому, что делаете вы сейчас. Прежде чем бросить меня в темницу, выслушайте, достойные отпрыски благородной крови, притчу, которую я хочу вам рассказать, чтобы поняли вы, как нужно истолковывать слова и отгадывать загадки. Ибо то, что сказал вам в свои последние минуты отец, есть не что иное, как мудрая и воистину благочестивая загадка.

Братья изъявили согласие выслушать историю, и ашуг рассказал им следующее:

— «Жил был в давние времена в отдаленной от нас стране сильный и властный падишах. Много хараджа (дани) брал он с подчиненных ему племен и нестерпимо было их существование. И сказали раз племена: «Довольно кормить нам султана и его визирей, придумайте нам, о, мудрейшие, такую хитрость, чтобы не смог падишах разгадать ее и чтобы вынужден был он за это освободить нас от ненавистного хараджа». Три дня и три ночи думали мудрецы и, наконец, взялись выполнить поручение. Собрали племена в последний раз дань и отправили ее с этими мудрецами в столицу шаха. А мудрецы, представ перед

очи грозного повелителя, предложили ему собрать всех его улемов², чтобы состязаться с ними в хитрости. Шах так и сделал. Созвал он мудрейших из улемов и так сказал им:

— О, мудрейшие из моих приближенных. Великий аллах одарил вас частицей своей премудрости, выступите же состязаться в хитрости с этими людьми, и да одолеет мудрость правоверных затхлые познания сих неверных пришельцев.

Напутствовав так улемов, падишах принял старейшего из пришедших мудрецов и сказал ему:

— Ну, дерзкий нечестивец, открой уста и задавай свои вопросы. Мои верные улемы встретят их отточенными остриями кинжалов своей мудрости.

Тогда старейший из мудрецов раскрыл пять пальцев своей правой руки и, показав глазами на ладонь, опустил пальцы вниз.

— Ответьте-ка, улемы, что означает моя загадка.

Улемы углубились в раздумье. Долго прочитывали они в памяти все айет и хадисы (изречения) пророка, но не смогли найти там никакого ответа.

Случилось же, что в это время стоял поблизости рехбан—богомолец, который странствовал, призывая правоверных к повиновению корану. Видя замешательство улемов, служитель корана выступил вперед и испросил у падишаха позволения ответить на загадку мудреца. Потом обратился к мудрецу и сказал:

— Ну-ка, хранитель законов шайтана, повтори свой ребус, я готов дать тебе ответ. Как видно,

мудрость пророка сможет зазвучать только устами возлюбившего коран. Да поможет аллах принять на себя сей подвиг.

Мудрец вторично раскрыл ладонь и вытянул ее вперед. Странник тотчас же сжал свою руку в кулак и протянул ее вверх. Тогда мудрец опустил пальцы к земле. Странник тотчас же разжал кулак и поднял пальцы к небу.

— Правильно,—сказал мудрец,—ты победил меня, о, рехбан, ответы твои верны. Забирайте харадж, слуги падишаха.

И, признав мудрость рехбана, мудрец передал султану привезенные подати.

Падишах ничего не понял в загадочных ребусах и, мучимый любопытством, приказал оставить его наедине с побежденным мудрецом.

— Поведай же мне теперь, о, считавший себя мудрым, что хотел ты сказать своими хитроумными загадками.

— О, умеющий карать и обременять,—ответил печально мудрец,—смысл моих вопросов был таков: когда я поднял пять пальцев вверх, я спрашивал, с благословения ли аллаха свершаются в твоём дворце пятикратные намазы. И рехбан, сжав кулак, ответил мне утвердительно. Тогда, опустив пальцы вниз, я спросил его, почему же в таком случае аллах посылает кары, которые опустошают закрома народа. Поднятием ладони вверх рехбан ответил, что так предопределено в священных книгах пророка.

Понял султан сокровенный смысл вопросов мудреца и изгнал его вместе с теми, кто пришел с ним. И пошли мудрецы, побежденные и печальные, ни с чем к своим племенам. А султан призвал странника и спросил его:

— Скажи же теперь ты, помогший мне получить харадж, как понял ты вопросы старика?

Служитель корана поднял глаза вверх, рассмеялся и воскликнул:

— О, благословенный наместник пророка на земле, благочестивейший шах-ин-шах! Как бы ни понял я эти дьявольские загадки, но, как видишь, ответил к твоему благополучию. Когда старик раскрыл пальцы и указал на ладонь, мне показалось, что он хочет наградить меня доброй оплеухой за то, что я взялся помогать твоим улемам. Я же в ответ показал ему кулак, чтобы он понял, какую добрую сдачу дам я, если он попытается выполнить свое намерение. Тогда этот старый шайтан опустил пальцы вниз, и я подумал, что за мое упорство он, чего доброго, хочет еще свалить меня на землю. Но я, хоть и испугался, однако успел поднять пальцы вверх, чтобы он знал, что и я уловчусь схватить его снизу за горло.

Восхищенный султан возблагодарил рехбана-богомольца за удачное толкование ребуса и, не переставая смеяться и радоваться счастливому исходу, сделал его своим визирем. А новый vizирь, став у власти, принялся во всем угождать своему повелителю. И еще большие хараджи легли на плечи подданных».

— Понятно ли вам теперь, — закончил ашуг, — как не нужно доверяться загадочным словам и темным по смыслу заветам. Уразумели ли вы, о изумруды мудрости, как от ложных толкований гибнут правоверные?

— Любопытно все сказанное тобой, — возразили сыновья хана, но скажи нам, что же тогда означали слова нашего отца, поучавшего нас со своего смертного одра?

— Ну, так знайте, — сказал ашуг, — что, завещая старшему из вас строить серали, отец ваш хотел сказать, что в каждом городе и в каждом селении нужно добрыми делами и милосердием приобрести себе верных и достойных друзей. Завещая среднему жить с девственницами, этот справедливейший из повелителей давал понять, что только воздержание и уничтожение разврата поможет от собственной жены получать такое наслаждение, как если бы она всякую ночь была девственницей. Что же касается завета младшему сыну, то как не смогли вы понять, о распоряджающиеся жизнью подданных, что только умеренность при дворе и сокращение податей сделает простую пищу слаще меда и масла.

Ханские сыновья так были поражены толкованием ашуга, что со следующего же дня стали следовать его указаниям. А мудрый ашуг, доброй хитростью облегчивший тягости народа, стал воспеваться по базарам и кофейням бродячими певцами и сказочниками.

СКАЗКА О ГРОЗНОМ ХАНЕ И ЛУХМАН-ХЕКИМЕ

ДАВНИЕ времена жил был на свете могущественный хан. И жил в стране этого хана великий мудрец и целитель Лухман-Хеки¹. Был Лухман-Хеки¹ прямодушен и добр к народу и смело обличал все козни гордого хана.

Не взлюбил его за это хан и повелел однажды заключить в темницу. Бросили Лухмана в глубокий колодезь и прикрыли сверху тысячепудовым камнем.

Думал хан избавиться так от мудреца, но разве может гордыня бороться с мудростью. Была у Лухмана-Хекима склянка с чудесным бальзамом, который составил он из разных трав. Каждый день отпивал он по несколько капель из этого сосуда, и пролетали мимо него голод и жажда, как ветер мимо старой чинары. Долгие годы провел так Лухман-Хеки¹ в

темнице без солнца и чистого воздуха. Умер уже хан, а мудрец продолжал оставаться живым в своем заточении. А думали все, что давно уже истлели в темнице даже кости Лухмана-Хекима.

Вот стал у власти новый хан. Еще более грозен и несправедлив был он. Текли потоки крови от несправедливых его деяний и велики были несчастья народа.

Но тут случилось, что сама судьба наказала нового хана за грехи его. Наслала она на хана тяжкую неизлечимую болезнь. Овладело телом хана оцепенение, и не мог он двинуть ни одним членом. Сколько ни пытались придворные лекари излечить своего повелителя, все было напрасно, не было средств облегчить недуг, и увеличивался он с каждым днем все более и более.

Приходил хан в ярость и повелевал отсекал безжалостно головы у неповинных врачей.

И явился однажды к хану некий старик и сказал ему:

— О, достойный наследник своего отца, всемогущий царь царей. Если бы жив был Лухман-Хеким, то нашел бы он средство облегчить твой недуг. Только он смог бы исцелить тебя и отогнать шайтана от твоего ложа.

— Расскажи мне об этом Лухмане, — приказал хан.

Покачал старик головой и долго ничего не отвечал. Потом посмотрел на хана и промолвил:

— Слушай же, государь, но не гнеvisь и не приказывай предать меня смерти. Не было никогда более

мудрого человека, чем этот Лухман-Хеким, ибо изведал он тайны мироздания и познал ключи от человеческого здравья. Но был он целителем бедных и осуждал властелинов, гнетущих народ непосильными тягостями. И приказал твой отец казнить его за это тяжкой и незаслуженной смертью. Бросил он Лухмана в колодезь и навалил над входом тысячепудовый камень. Двести новолуний прошло с тех пор и не осталось, вероятно, и праха от величайшего из мудрецов.

— Откройте колодезь,—приказал хан слугам,—и покажите мне это место.

Воля хана была исполнена.

Тотчас же направились слуги к этому проклятому колодцу. Много пришлось им приложить усилий, пока отвалили они тысячепудовый камень в сторону.

Каково же было их удивление, когда увидели они на дне колодца Лухмана-Хекима живым и невредимым. Только побелели волосы мудреца, как вершина Чатырдага от выпавшего снега, да избороздили его чело глубокие овраги морщин.

Вышел Лухман из колодца спокойный и печальный и спросил, чего захотели от него живущие под солнечным светом.

И поведали ему слуги о болезни хана и о том, что возжелал он увидеть кости великого целителя.

— Пойдем, о, мудрейший из ученых, хан наградит тебя за твое искусство, если сумеешь ты излечить его недуг.

— Нет,—ответил Лухман-Хеким.—Не буду я воз-

вращать жизнь тем, кто не жалеет жизней своих подданных. Оставьте меня здесь и возвращайтесь обратно.

Но слуги бросились к ногам старика и начали упрямить его следовать за ними.

— Он убьет нас, если узнает, что ты жив и не соглашаешься пойти с нами. Смилуйся над нами, о, мудрец, не подвергай нас опасности.

Смягчилось сердце старого Лухмана и уступил он просьбам этих людей.

— Но прежде чем явиться к хану,—сказал он,—должен я провести сорок дней в уединении, вдали от городского шума.

И удалился Лухман-Хеким в хижину одного бедняка и провел там сорок дней в размышлении. Когда же наступил сорок первый день, пришли от хана посланцы и повели мудреца во дворец.

С нетерпением ждал хан целителя и обрадовался его появлению. А Лухман-Хеким посмотрел на хана и увидел болезнь его, как у себя на ладони. И увидел Лухман, что излечить эту болезнь можно, только сильно подействовав на душу одержимого ею.

— Есть ли у тебя сын, о, считающий себя непобедимым?—спросил он властелина.

— Да,—ответил хан,—но почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Знай,—ответил Лухман,—что для того, чтобы избежать смерти, ты должен принести его в жертву. Только тогда отлетит твой недуг, когда омоешь ты лицо свое кровью сына.

— О, мудрец!—воскликнул в ужасе хан.—Что за лекарство предлагаешь ты мне. Я не хочу убивать своего наследника.

— Делай, как хочешь,—отвечал Лухман,—но помни, что это единственное средство.

И повернувшись, мудрец удалился медленно и спокойно.

Несколько дней прошло, и еще больше усилился страшный недуг властелина. Снова призвал он Лухмана и снова начал упрашивать излечить его.

— О, Хеким, требуй у меня, чего хочешь, я одарю тебя многими сокровищами, только отгони от меня болезнь. Нет у меня больше сил выносить мучения.

— Есть только одно средство, и я говорил о нем,—сказал Лухман опять.—Зачем же ты утомляешь меня своими стонами?

Иссякло уже терпение у хана, а думал он всегда только о самом себе.

— Хорошо!—воскликнул он.—Если так, то зарежьте сына, но так, чтобы не видел я этого.

— Не принесет это пользы,—возразил мудрец.—Мне известно, что только тогда это средство достигнет цели, когда совершится оно на глазах больного.

— Ну делай, как хочешь!—закричал хан.

Привели ханского сына и связали его руки крепкими веревками. И привязал незаметно Лухман-Хеким к шее жертвы пузырь, наполненный овечьей кровью.

— Ну, гляди же сюда, не закрывая глаз,—приказал Лухман хану.

Вперил хан свои глаза в сына, а Лухман взялся за острый нож. Высоко взмахнул Лухман ножом и глубоко вонзил его будто бы в горло ханского наследника. Проткнула сталь тугой пузырь и полилась из него кровь, обливая тело.

Пять лет не двигался с места хан, а тут вскочил с носилок, как ужаленный, и бросился к сыну. Усмехнулся Лухман-Хеким и протянул хану пробитый пузырь.

Сильно обрадовался властитель, когда увидел сына невредимым, но не было пределов его изумлению, когда почувствовал он себя совершенно исцеленным.

А Лухман-Хеким, мудрый врачеватель, обратился к хану и сказал:

— Видишь, как сильно действует на человека душевное потрясение. Но еще скажу тебе, о, распоряжающийся человеческими жизнями. Ты теперь видишь сам, как велики страдания человеческие. Ты убедился в том, сколько горя приносит смерть близких. Знай же, гордый тиран, что тысячи людей подвергаешь ты ежедневно таким страданиям. Тысячи матерей оплакивают своих детей, убитых тобою, тысячи братьев оплакивают погубленных тобою сестер.

Ничего не ответил на это хан, и сошли благополучно для мудреца смелые его слова.

В тот же день объявил хан пир и созвал на него весь народ. Сорок дней и сорок ночей продолжалось пиршество и передавалась на пиру из уст в уста молва о том, что на привыкшего к крови хана могла подействовать только кровь собственного сына.

СКАЗКА . О МУДРОМ ИШАКЕ

ОЧЕНЬ давние времена у одного престарелого чабана ¹ был старый и умудренный опытом ишак ². Чабан очень любил своего ишака и никогда не упускал случая похвалиться им:

— Мой осел, да продлит аллах его дни, гораздо умнее визирей ³ нашего падишаха,—говорил он во всех кофейнях.

Однажды слова чабана достигли царственных ушей.

— Как смеет голый чабан сравнивать своего плешивого ишака с моими любимыми визирями?!—закричал в гнев падишах.—Немедленно привести ко мне дерзкого нечестивца!

Стража тотчас же разыскала старика и доставила его перед грозные очи ⁴ властителя.

— Ну,—сказал падишах,—отвечай мне прямо, как осмелился ты, мелкий червяк, унижать моих визирей такими кощунственными уподоблениями?

Чабан, несколько не смутившись, посмотрел султану в глаза и сказал:

— О, мудрейший из мудрых, властелин над властелинами, шах-ин-шах. Я ведь не попусту говорю, что мой осел, да будет благословен час его рождения, умней, чем твои любимцы визири. Поверь мне, что моими устами говорит так чуть ли не сам аллах. Однажды я ехал на этом осле через мост, на котором было не мало дыр и щелей. Как ни был осторожен мой осел, а все-таки попал он одной ногой в дыру и повредил себе колено. И с тех пор, сколько ни приходилось мне проезжать через тот мост, мой мудрый осел, да будет над ним благословение пророка, ни за что не хотел переходить по этому месту, где была дыра. Он всегда благоразумно обходил ее, помня о том, что с ним случилось. Скажи же теперь, о царь царей, так ли благоразумно поступают твои визири?! Я давно живу на свете и видел своими глазами, сколько их перевешал ты за слишком уж явное воровство, вероломство и взяточничество. И ни один из них никогда не хотел учесть опыта своих предшественников и сделать так, чтобы злоупотребления не бросались в глаза. Сколь ни широк мост узаконенных тобой злодеяний, а все-таки не могут твои визири ловко обходить встречающиеся на нем узкие щели выпущенных для вида законов. Как

можешь ты, спрошу теперь я, сравнивать после этого
моего мудрого осла с этими дураками?!

Ничего не оставалось сделать падишаху, как со-
гласиться с доводами чабана и, наградив его попоной
для ишака, отпустить невредимым из дворца.

СКАЗКИ
ИСЛЯМА ДЕМИРАДЖИ

ИСЛЯМ ХАЛИЛЬ ДЕМИРДЖИ

д. Кекенец

В один из июльских дней в Алуштинский дворец-музей вошел человек — старый, седой и ничем с виду непримечательный. Вошел, поздоровался и сразу покори всех.

Он начал рассказывать.

Рассказывал он о муравьях, собиравшихся полчищами, о коршунах, которые помогали дровосеку добывать чудесные камни, о маленьком Кичкенэ и огромном чудовище Аждагеге. Он показывал, как обмакивает крыса свой хвост в бочку с оливковым маслом, как чихает толстый торговец, как ворочает глазами страшный Ифрит, как извивается под ударами кровожадного быка прекрасная змея-дива.

Ислям Халиль Демирджи — это был он, любимейший сказочник Кучук-койского округа, — пришел в Музей, прослышав о сборах фольклорной бригады. Ислям Халиль принес

с собой то, что имел—десятки фантастических сказок, из которых каждая длится по полтора и по два часа.

— Хочешь, пять раз буду говорить одну сказку—и не изменю ни одного слова?—сказал Ислям.

Старый волшебник не даром похвастался своею памятью. Там в извилинах его мозга хранятся целые хрестоматии фольклора. Но немного преувеличил Ислям—не может он повторять одно и то же. И не потому не может, что не помнит. Не может потому, что увлекается, когда рассказывает, и уже не удержит его тогда привычная структура текста. Разламываются тогда узкие рамки сказки, разрываются путы традиционной оболочки и выливается неуправляемый темперамент старика в новые причудливые образы и образования.

Напряженность и энергичность речи, активность писцевки—вот что прежде всего характеризует рассказ Исляма. Он романтик—старый Ислям Демирджи, он любовно оберегает своего героя, но уж если завернет вокруг него опасности, то страшно становится за пехлевана.

Рассказы Исляма Халиля давно уже перестали быть достоянием только одного Кекенеуза. Об интересном старике знают далеко за пределами его деревни. И там, где потребуется добрая кузнечная работа, там наверняка скучать не будут.

Ислям Халиль—колхозный кузнец. Член колхоза с 1929 года. Работает в кузнице вместе с сыном, тоже колхозником. Родился в 1873 году в Биюк-Узенбаше в семье бедняка дроголя. К сказкам пристрастился с детства, много слышал их от матери своей—Саидэ, также бывшей очень популярной сказочницей.

Ниже напечатаны две сказки Демирджи. Они много теряют в письменной передаче. Они теряют прежде всего те живые иллюстрации, которыми так умеет снабжать их Ислям Демирджи.

В запасе фольклорной бригады есть сказка Демирджи, которую он рассказывал три с половиною часа.

СКАЗКА О КИЧКЕНЭ¹

ИЛ на свете бедный лудильщик. Был он женат уже пять лет, но не послала ему судьба сына. Сколько ни обращался он к знахарям и прорицателям, ничего не помогало,—как видно, не суждено было ему стать отцом.

И горевал поэтому лудильщик и считал себя неудачником.

Вот однажды, когда возвращался он из своей мастерской домой, встретила ему у самого порога его хижины цыганка, просящая милостыню. Вокруг цыганки сидело пять голых и оборванных ребятишек, мал-мала-меньше.

— Вот каковы дела аллаха,—подумал лудильщик.— Кто ищет, тому не дает, а кто избегает, тому наплет целый ворох.

— Как же ты кормишь такую ораву?—спросил он у нищенки.

— Ох, добрый человек, не я кормлю, аллах кормит, а как кормит—сам видишь. Все голы, босы и голодны, как собачата. Даже пристанища на ночь не имеем.

Лудильщик хоть и был беден состоянием, но зато был богат сердцем. Разжалобился он несчастьем цыганки и решил поделиться с ней, чем можно. Забрал он нищенку вместе с ее выводком и повел к себе в саклю.

— О, алмаз моей души,—обратился он к жене,—мы плакались, что у нас нет ни одного, а теперь их у нас целых пятеро.

Хоть и испугалась жена этой оравы, но была и она с добрым сердцем и оставила семью цыганки в своем доме.

Каждый вечер добрый ремесленник, возвращаясь с работы, делился с детьми цыганки тем, что он зарабатывал за день. А жена его присматривала за ребятами, пока мать их ходила просить милостыню.

Совсем другая жизнь пошла у цыганки. И решила она отблагодарить этих добрых людей, чем можно. Вот однажды, когда лудильщика не было дома, обратилась она к его жене и сказала:

— О, благочестивая дочь Евы! Мои родные мать и отец не сделали бы для меня того, что сделала ты с мужем. Аллах свидетель, что я готова отплатить вам за добро всем, чем только я в силах. Скажи мне,

сестра моя, какие невзгоды омрачают дорогу вашей жизни? Может быть я смогу как-нибудь облегчить вашу участь.

— О, счастливая мать столько детей!—ответила жена лудильщика.—Пять лет уже, как мы с мужем женаты, но аллах не удосужился наградить нас тем, чем так щедро оделил тебя. Мой муж готов отдать все, что возможно, за одного только ребенка!

— Не горюй, сестра,—ответила цыганка,—в этой беде я смогу вам помочь. Выпроси у соседки куриное яйцо и дай мне сделать над ним заклинания. А когда муж твой вернется домой, брось это яйцо правее его в стенку. И ты увидишь, что желание его будет исполнено.

Хозяйка так и сделала. Едва только муж переступил порог, она бросила в стенку заколдованное яйцо и, о, чудо, из яйца, как из решета высыпались один за другим сорок маленьких, как зерна человечков. С криками «папа, папа» они окружили оторопевшего лудильщика, стали хватать его за руки и ноги, взбираться на плечи и на голову.

— Что случилось!—закричал в испуге лудильщик.—Откуда такое войско!

Хозяйка объяснила мужу, в чем дело, и тогда тот, схватившись за голову, закричал:

— Да какая же это радость. Это горе, а не радость. Я хотел одного, а тут их целых сорок!

И обратившись к цыганке, лудильщик стал ее умолять:

— Избавь меня, дочь пустыни, от этих назойливых мух, ради аллаха избавь!

Нечего были делать, начала цыганка собирать мальцов в свою торбу.

Собрала она тридцать девять, а сороковой тем временем залез в сапог своего отца и спрятался там.

Собрался на другое утро лудильщик в город, стал натягивать сапоги, смотрит вылезает из сапога маленький человечек.

— Как ты попал сюда?—удивился лудильщик.

— Отец мой,—ответил Кичкенэ,—я самый находчивый и ловкий из всех моих братьев. И, как видишь, один из всех сумел спастись.

Посмотрел—посмотрел на него лудильщик и решил, что, значит, так и нужно, чтобы этот паренек стал его сыном.

— Ну раз так,—сказал он сыну,—то будешь ты помогать мне в моей работе. Пока я буду в городе, мать напечет мне чебуреков, а ты принесешь их ко мне в мастерскую.

Дав такое поручение, лудильщик натянул сапоги и отправился на работу. А Кичкенэ тем временем поручил своей новой матери приготовить чебуреков и испечь одну круглую хатламу (блин). Когда все было готово, он сказал:

— Теперь положи чебуреки в саган (миску), поверх них положи меня, а сверху накрой меня хатламой. Саган же как следует завяжи платком и пусти в город. Дорогу я найду сам.

— В уме ли ты, сыночек!—удивилась мать.—Да разве может саган итти сам!

Но Кичкенэ настоял на своем, и матери пришлось подчиниться. Не было конца ее удивлению, когда она увидела, как саган с чебуреками и с Кичкенэ-огланом двинулся себе потихоньку по дороге.

Долго ли, коротко шел саган, только попалась ему на дороге яма; скатился он в яму, а обратно, сколько ни толкал его Кичкенэ, вылезти не может.

А тем временем мимо той ямы проходили два охотника. Увидев завернутую в платок миску, они спустились к ней и начали разглядывать.

— Слава аллаху,—сказал один из них,—сама судьба послала нам ужин после охоты. Ты чуешь, какой соблазнительный запах исходит из этого узелка?

Но не успел он дотронуться до миски, как оттуда раздался тоненький, но сердитый голос:

— Эй, не тронь сагана!

Охотник, испугавшись, отскочил от узла.

— Какой же ты трус,—сказал другой.—Мне самому почудился чей-то голос, да стоит ли на это обращать внимание? Пока хозяин придет, мы уже успеем полакомиться этими чебуреками. Открывай!

Но едва только успел его товарищ прикоснуться к узлу, как оттуда снова послышался гневный крик:

— Я вот тебе открою!

И снова охотник выпустил из рук находку.

— Ну тогда я сам открою, простофиля ты этакий!—сказал товарищ.

И, схватив узел, он стал его развязывать.

— Ах ты дели-баш², шайтаново отродье! Ты вот попляшешь у меня!—закричал изо всей силы Кичкенэ-оглан.

Тут уж охотники не могли выдержать. Бросив саган, они выскочили из ямы и во все лопатки кинулись бежать. А Кичкенэ, посмеявшись над трусостью этих верзил, тронулся в дальнейший путь. Скоро он добрался до мастерской отца, вошел туда и влез вместе с саганом, в котором он сидел, на стол.

Окончив работу, лудильщик подошел к столу и, открыв саган, приготовился к трапезе. Когда же он поднял блин, из-под него, как ни в чем не бывало, вылез улыбающийся Кичкенэ.

— Сын мой,—удивился лудильщик,—да как же ты смог принести этот саган, если сам сидел внутри его?

— Я же говорил тебе, что в некоторых делах я кое-что смыслю,—ответил Кичкенэ-оглан.

— А ведь правда, ты ловкач, сынок. Ты бы попробовал помочь мне и в моем ремесле. Постарайся вылудить, пока я буду есть, вот этот кувшин. А то их так много, что мне одному с ними и не справиться!

— Нет ничего легче,—ответил Кичкенэ и принялся за работу.

Когда отец кончил есть, он взглянул на сына и ахнул от удивления. Кичкенэ сделал столько работы, сколько бы он сам не сделал и за три дня.

— Вот это да!—всплеснул руками лудильщик и посмотрел снова на пятивершковый рост Кичкенэ-

оглана.—Славно сделано. А может быть ты, сынок, и землю умеешь пахать?

— И землю пахать умею,—ответил Кичкенэ.

— Тогда помоги моему брату. Он, ведь, тебе приходится дядей. Окаянный Сары-бей³ измучил его, заставляя работать на своей земле, отнял у него быков, и теперь он лежит больной и ничего не может сделать на своем чаире.

Кичкенэ с удовольствием согласился помочь бедняку. Он тотчас отправился к дяде, взял у него единственного ишака, которого не успел еще забрать жадный Сары-бей, нагрузил на этого ишака плуг и борону и двинулся в поле. Там он запряг ишака в плуг, а сам влез к нему в ухо и принялся щекотать его. Ишак начал работать с таким усердием, что за три часа вспахал земли столько, сколько ее не вспахали бы два быка за три дня.

— Тебя нам послала, как видно, сама судьба, сказал после этого лудильщик.—Хоть ты и мал, но умения твоего хватит на десятерых. Но придется тебе, сынок, еще раз выручить нас всех. Знай, что в реке у самого водополя живет страшный Аждага⁴, сорокаголовое чудовище, которое только в том случае позволяет всей деревне брать воду, если мы ему даем ежегодно в пищу одного быка. В этом году очередь дошла до твоего дяди, и сегодня вечером срок уплаты. Если мы к вечеру не дадим Аждаге быка, то вся деревня останется без воды. А окаянный Сары-бей, да натешится шайтан над его жирным телом,

отнял, как ты знаешь, у дяди его быков. Так вот мы и не знаем, что нам теперь делать!

— Не бойся, отец,—ответил Кичкенэ.—Я выручу деревню из этой беды. Только пусть дядя даст мне и на этот день своего ишака.

Когда Кичкенэ получил осла, он подождал, когда наступит вечер и, оседлав животное, погнал его к водопою.

— Селям алейкум, Аждага-ага⁵,—закричал он изо всей силы, как только подошел к берегу.—Иди, пожалуйста, получать арендную плату.

Аждага приподнял одну из своих сорока голов над водой, увидел мальчика с ишаком и захохотал во всю глотку.

— Ха, ха, ха, ха! Ай да великан! Ха, ха, ха, ха! Однако же ты не трус, если вместо жирного быка привел ко мне эту паршивую костомаху!

— А ты разве не знаешь, что этот толстый шайтан Сары-бей забрал себе за долги почти всех быков деревни? Что же я могу еще сделать, как не привести этого ишака? Да ты попробуй, может быть он вкусный.

Аждага снова посмотрел на малютку и снова покатился со смеха. Видя, что Аждага не такой уж страшный, Кичкенэ влез ему в ухо и принялся щекотать там. А чудовище заливалось смехом из всех своих сорока глоток. Ему так понравился этот паренек, что он уже считал его своим другом.

— Ну ладно, сорокаголовая дубина,—сказал нако-

нец Кичкенэ,—вола своего ты получишь. Но лучше тебе полакомиться Сары-беевой скотиной. А у него среди собственных быков есть два особенно жирных—один черный, другой желтый. Какого тебе привести?

— Приведи желтого,—ответил Аждага,—я давно уже точу на него зубы. Но смотри, смех смехом, а чтобы к вечеру бычок был здесь. А не то я проглочу и твоего никудышного ишака и тебя самого!

Кичкенэ напоил осла и вернулся домой. Вся деревня высыпала встречать ловкого паренька, когда увидела его целым и невредимым.

Когда стемнело, Кичкенэ направился к Сары-бею. Этот Сары-бей был самый богатый из богачей и от жадности его не было житья всей деревне. Подойдя к его дому, Кичкенэ пролез под воротами во двор и через замочную скважину проник в хлев. Там он забрался в ухо желтого быка и закричал громким голосом:

— Сары-бей, Сары-бей! Черного или желтого?

— Кто там кричит?—спросил Сары-бей.

— Сары-бей, Сары-бей! Черного или желтого?

— Ну-ка ступайте, посмотрите на крикуна,—приказал богач своим сыновьям.

Те тотчас же отправились в хлев, но никого там не обнаружили.

А Кичкенэ-оглан опять закричал из воловьего уха:

— Сары-бей, Сары-бей! Черного или желтого?

— Вы слепы и глухи, как колоды,—рассвирепел на сыновей богач.—Сейчас же приведите того, кто там орет.

Снова пошли сыновья Сары-бея в хлев и снова вернулись ни с чем. А из хлева продолжали нестись крики маленького пехлевана.

— Придется, видно, самому итти,—закричал богач и кинулся в хлев.

— Кто там орет?—закричал он, войдя туда.

— Сары-бей, Сары-бей! Черного или желтого быка взять?

— Бери желтого и убирайся к шайтану!—закричал в ярости и страхе бей, подумав, что над ним подшучивает джин.—Ля иллях иль алла, спаси, пророк, от наваждения!

Получив разрешение хозяина, Кичкенэ отвязал быка и, не переставая щекотать в его ухе, погнал к Аждаге.

— Получай своего желтого любимца,—сказал он чудовищу.—Только ставлю тебе одно условие: эчек (прямую кишку) со всем содержимым оставь мне.

Аждага снова захохотал так, что в деревне подумали, не гром ли гремит. Потом чудовище с удовольствием исполнило волю Кичкенэ-оглана. Оно сожрало быка, а эчек положило у ног маленького богатыря.

— Теперь бери эту кишку, два ведра и дудку и двигайся, куда я тебе укажу,—приказал Кичкенэ чудовищу, влезши к нему в ухо.—Да передвигайся быстрее, нас ждет веселое дело. За работу получишь черного быка!

Почувяв, что можно еще пожить, Аждага послушно исполнил приказание хитреца и через мгновение ока был уже вместе с ним во дворе Сары-бея.

Там они пробрались на чердак беева дома, и Кичкенэ отдал такое распоряжение:

— Ты подожди меня здесь, а я спущусь в комнату. Потом ты спустишь мне то, что мы притащили с собой и будешь наблюдать за представлением.

Так и сделали. Маленький пехлеван⁶, как горошина, скатился через трубу вниз и очутился у самой постели Сары-бея.

Богач спал крепким сном под своим пуховым одеялом. Спиной к его спине спала под тем же одеялом его толстая жена.

Кичкенэ-оглан кивнул Аждаге и тот спустил ему эчек. Ловкий паренек приподнял одеяло и вывалил все вонючее содержимое кишки на постель, под спины спящих как раз там, где ему и полагалось быть. После этого он вставил дудку в эчек самого крепко спавшего Сары-бея и снова накрыл его одеялом. А ведра, спущенные с чердака Аждагой, он налил водой и привязал к спинам спящих сарыбеевых сыновей. Закончив дело, он спрятался за сундук и принялся пищать тонким-претонким голоском.

Первой проснулась жена Сары-бея. Протянув руку вниз, чтобы почесаться, она погрузила ее в нечистоты и вскрикнула:

— Ах ты старый поскудник, что же это ты наде-
лал! Ты же загадил всю постель!

И, разбудив мужа, она укоризненно показала ему на огромную кучу.

— Да ты с ума сошла, что ли?—обиделся муж,—

Сама напакостила, как корова, а на меня сваливаешь! Мне пятьдесят лет и я, слава аллаху, ни разу в жизни еще не загадил постель!

И рассердившись окончательно, Сары-бей крепко изругал свою жену.

— Но, господин моих мыслей,—не унималась та,—посмотри, ведь это же под тобой куча!

— Как подо мной!—рассвирепел окончательно бей.—Ты разве ослепла, дочь шайтана, что не отличишь моего зада от своего!

И началась драка. Оплеухи посыпались так, что брызги нечистот разлетались по всей комнате. Наконец проснулся старший сын. Услышав крики и не понимая, в чем дело, он бросился зажигать огонь. В это время ведро опрокинулось и облило его с ног до головы. Смертельно испуганный, он закричал благим матом и разбудил второго брата. Тот вскочил ошарашенный и так кинулся к постели отца, что второе ведро, перелетело через его голову, грохнулось на Сары-бея и окатило супружескую чету целым ливнем воды.

— Тьфу ты, проклятый шайтан,—завопил бей.—Он опять орудует в моем доме. Мало еще ему быка. Совсем хочет опутать меня.

И вскочив с кровати, Сары-бей кинулся к очагу, чтобы раздуть огонь. Но только начал он дуть на угли, как дудка от напряжения заиграла и начала исполнять разные мелодии.

— Ля иллях, иль алла!—заорал бей, чуть не потеряв от ужаса рассудка.—Джемаат, джемаат, спасите!

И стуча зубами, мокрый, как курица, он начал отплясывать такой дикий танец, от которого пришло в ужас все его семейство.

А в это время из-за сундука раздался тоненький, но пронзительный смех:

— Хи, хи, хи,— надрывался Кичкенэ.

— Ха, ха, ха, ха,—ревело басом с чердака, где сидел Аждага.

А дудка играла всякие напевы, которые походили на духовные стихи и еще больше увеличивали суматоху.

На этот шум сбежались сначала соседи, а потом и вся деревня. Это было такое интересное представление, что все наблюдали, боясь проронить слово.

Стараясь спастись от позора, бей спрятался в уборной, но музыка дудки доносилась и оттуда. Ребятишки, сбежавшиеся на зрелище, услышав эту музыку, решили, что в доме Сары-бей свадьба, и во все горло стали кричать:

— Свадьба! свадьба! У Сары-бей свадьба! Сюда, сюда, на свадьбу!

Тем временем Кичкенэ-оглан отворил хлев, вывел всю скотину богача на двор и погнал ее на общественное пастбище.

Аждага так надрывался от смеха, что лопнул и издох, а Сары-бей, вместе со всем своим семейством, в ту же ночь покинул деревню, чтобы скрыться от позора.

Так маленький пехлеван, сын бедного лудильщика, спас деревню сразу от двух врагов: от кровожадного чудовища—Аждаги и от ненасытного богача Сары-бей.

СКАЗКА О БЕДНОМ ДРОВОСЕКЕ И ЧУДЕСНОМ ТАЛИСМАНЕ

ДАВНЫМ-ДАВНО, было ли то в самом деле или не было, жила бедная старушка. И был у этой старушки единственный сын, которого звали Асаном. Занимался Асан тем, что рубил в лесу дрова для всей деревни и тем добывал пропитание себе и своей матери. И жили так в бедности мать и сын, и не было у них другого имущества, кроме старенькой сакли на опушке леса.

Вот однажды возвращался Асан из лесу домой и пришлось ему забраться в такую чащу, в которой он никогда еще не был.

Долго ли, коротко ли карабкался он по косогорам и оврагам, как вдруг услышал неподалеку от себя

в зарослях какой-то свист и тяжелое топанье. Полюбопытствовал он узнать, что там происходит, и подкрался незаметно к тому месту.

Каково же было его удивление, когда он увидел такое странное зрелище!

Огромное чудовище в образе страшного быка, изрыгая дым и пламя и ударяя хвостом по деревьям, боролось со змеей необыкновенного вида. Тело змеи блистало на солнце, как ятаган Азраила¹, переливаясь всеми цветами радуги, а голова была украшена белоснежной чалмой с большим бриллиантом посредине. Повидимому, змея потерпела поражение в этой схватке, потому что бык прижал ее рогами к земле и норовил раздавить копытом ее извивающееся тело. Вся трава вокруг была сожжена огнем, выходящим из ноздрей чудовища.

«Не уйти змее живой из-под копыт этого шайтана», — подумал Асан и захотелось ему помочь попавшей в беду твари. Выхватив из-за пояса свой топор и выскочив из засады, он со всего размаха нанес удар между рогов быка-чудовища. Велика была сила дровосека, и повалился бык на землю, как срубленное дерево.

Вытер Асан топор о шкуру быка и готовился уже двинуться в дальнейший путь, но тут подползла к нему спасенная змея и заговорила человеческим голосом.

— О, сын адамова племени! Как благодарить мне тебя за свое избавление! Сорок лет ведет наш род

борьбу с этим злодеем, и многие погибли под его смертоносными копытами. Три дня и три ночи единоборствовала я с чудовищем и иссякали уже у меня силы. Если бы не вызволил ты меня из беды, погибла бы я страшной смертью. О, добрый юноша! Не отпущу я тебя без награды за твою милость ко мне. Знай, что я единственная дочь царя дивов², и не пожалеет отец за мое спасение никаких сокровищ. Проси, что хочешь, и не получишь ты ни в чем моего отказа!

Удивился дровосек этим словам и ответил змее-царевне:

— Ничего не хочу я брать у тебя, дочь царя дивов, отпусти меня с миром, ибо спешу я к своей старушке-матери!

— Нет, не оставляю я тебя так,—возразила змея,—следуй за мной, спаситель мой, я поведу тебя в сераль моего повелителя-отца.

Заинтересовался Асан словами змеи и, подчинившись ее желаниям, последовал за ней. Так двинулись они неведомыми тропами, по оврагам и пещерам в подземное царство дивов.

— Слушай же мой совет,—сказала по дороге чудесная змея.—Пусть не страшит тебя, доблестного пехлевана³, грозный вид моего родителя. Чтобы попасть в его царство, нам придется сначала пройти чрез утробу моей матери, а затем чрез брюхо моего отца. Страшный мрак окутает нас по этой дороге и невыносим будет этот путь для слабого сердца. Но это

единственный путь в наше царство, и должен ты набраться смелости. Зато встретит тебя царь-змея с почетом и милостями и наградит тебя за доблестный подвиг. Будет он одаривать тебя драгоценностями—откажись от них, будет давать чудесное зеркало—отвергни его; захочет вознаградить волшебным мечом—отвернись от меча. Но попроси ты себе в награду чудодейственный камень, который лежит у него под языком. И принесет тебе этот талисман счастье и все блага мира, каких только ты пожелаешь в своей жизни.

— А не убьет ли меня твой родитель, когда увидит мою дерзость?—усумнился Асан.

— Делай так, как я сказала тебе!—повторила змея.

Так добрались путники до огромного провала в горе. У самой пещеры, закрывая в нее вход, лежало два чудовищных тела, переливаясь на солнце твердой, как алмаз, чешуей. И вошли путники в пасть первого тела, и содрогнулось от ужаса сердце дровосека. И вошли потом они в утробу второго тела, и остановилась, заледенев, кровь Асана. Но не выдал он своего испуга и уверенно шел за своим проводником. Вышел Асан из утробы змея-царя и предстал перед его страшные очи вместе с своей спутницей. Ужасен был вид царя дивов и блистали, как две луны, два его глаза, налившиеся кровью. Но рассказала спутница Асана о своем спасении и указала на дровосека:

— Вот пред тобой, царственный мой родитель, доблестный пехлеван, спасший меня от гибели!

И взглянул на Асана страшный змей с ласкою и благодарностью:

— Проси, чего хочешь,—прошипел он,—ни в чем не будет тебе отказа. Видишь ты эти алмазы—бери, сколько хочешь, видишь сапфиры и топазы—насыпай их в карманы, сколько поместится!

— Не нужны мне алмазы и сапфиры,—сказал Асан,—дай мне талисман, который ты держишь у себя под языком!

— О, доблестный сын Адама!—воскликнул змей,—ты достоин великих наград, но зачем ты просишь у меня невозможного? Слушай, добрый мой гость, есть у меня чудесное зеркало, возьми его, оно охранит тебя от многих невзгод!

— Не хочу,—сказал Асан.

— Но ведь подъязычный камень дороже мне всего на свете,—взмолился змей.

— Отец мой,—вмешалась Дива,—если не отдашь ты этого талисмана моему избавителю, то уйду я с ним от тебя навеки!

Тяжело было расставаться гордому змею со своим камнем, но разлука с дочерью была еще страшнее. И отдал он дровосеку чудесный талисман, который держал он у себя под языком.

Поблагодарил Асан царя дивов и вышел через его чрево из его царства. А Дива-змея, проводив юношу до дороги, сказала ему на прощанье такие слова:

— О, добродетельный мой спаситель! Когда настигнет тебя рок своими карами, положи под язык свой

этот камень. И явятся к тебе в тот же миг сорок джигитов-богатырей и помогут выбраться с честью из затруднения. Но береги талисман, как зеницу ока, и храни его, как хранишь свое сердце!

Поблагодарил Асан Диву, простился с ней и пошел своей дорогой к сакле старушки-матери.

Долго ли, коротко ли шел он так, только проголодался к вечеру и пожелал проверить силу талисмана. Положил он его под язык, и в ту же минуту предстали перед ним сорок чудо-богатырей.

— Мы ждем твоих приказаний, о повелитель,—проговорили они.

— Я хочу есть,—сказал дровосек,—подайте мне пообедать.

— Слушаем, эффенди,—сказали богатыри.

И не успел Асан мигнуть глазом, как появилась перед ним скатерть, а на скатерти сорок блюд с разными яствами. Слаще меда, ароматнее мускуса были эти кушанья. С жадностью набросился дровосек на еду, а слуги-богатыри стояли возле, скрестив на груди руки и ожидая дальнейших приказаний своего повелителя.

— Благословенна судьба, я уже сыт,—сказал обладатель талисмана, наевшись.

Тотчас же после этих слов скатерть с пустыми блюдами исчезла, а с ней исчезли и сорок джигитов.

— Значит Дива сказала правду,—воскликнул Асан, не переставая удивляться,—однако, пора продолжать путь.

И еще раз возблагодарив судьбу, дровосек двинулся по дороге. Вскоре он добрался домой и радостный вошел в саклю. В сакле он нашел свою мать сидящей у окна и горько плачущей.

— Не плачь, родительница,—воскликнул Асан.— Твой сын никогда еще не попадал впросак, а теперь и подавно не попадет. О мать, вскормившая меня из сосцов своих, слушай, что скажу я тебе. Иди сегодня во дворец нашего падишаха и сосватай мне падишахскую дочь.

— Сын мой,—воскликнула в ужасе старуха.— Опомнись! Проклятый шайтан помутил твой разум! Заклинаю тебя, не повторяй больше этих безумных слов ни разу! Ты только подумай, как расправился бы с нами падишах, если бы услышал он о твоих помыслах. Молчи же, мой сын, и возноси молитву аллаху. И да хранит он тебя от наваждений окаян-ного иблиса!

— Нет, дорогая матушка,—возразил Асан,—аллах не отнял разума у твоего сына. И я не попусту говорю тебе. Иди же и проси для меня руку дочери падишаха.

Снова принялась старуха увещевать сына, и еще больше настаивал Асан. Нечего было делать, собралась бедная женщина и, обливаясь слезами, направилась к падишаху сватать для сына его дочь. Но так велик был ее страх за судьбу свою и сыновью, что не дошла она до дворца и вернулась обратно.

— О, месяц моей жизни,—сказала она Асану,—

падишах чуть не лишил меня этой седой головы. Страшен был гнев его, и еле-еле унесла я свои пятки от его ярости.

— Не верю я твоим словам,—возразил Асан.— Я видел, что ты не дошла до дворца падишаха. Иди же и принеси мне его ответ!

Тщетно умоляла старушка пощадить их жизни, непреклонен был Асан. Пришлось ей исполнить его волю.

У самого дворца встретила старушку дворцовая стража и преградила ей путь своими ятаганами⁴.

— Именем аллаха, пропустите меня к падишаху,—взмолилась женщина.—Я несу повелителю очень важное известие.

Поверила стража этой хитрости и привела старушку пред очи властителя.

— О царь царей!—сказала старушка, представ перед падишахом.—Да не обрушится гнев твой на мои седины, никак не могла образумить я сына. Вздумалось парню сделаться твоим зятем. Смилуйся надо мной, шах-ин-шах, но возжелал он взять в жены царственную твою дочку!

Рассевирепел падишах, глядя на такую невиданную дерзость, и захотелось ему поиздеваться над дерзким дровосеком.

— Ладно,—сказал он усмехаясь,—ладно, седовласая сваха, так и быть, пусть берет твой сын мою дочь, я согласен стать его тестем. Но обязан он выполнить мое условие: пусть выстроит он из камня зюберджета⁵

дворец, который был бы вдвое больше моего дворца. И пусть соединит он оба эти дворца мостом из чистого золота. И войдет по тому мосту, не ступая на землю, дочь моя в покои твоего сына. И станет он ее мужем и моим зятем. Даю я сроку на это дело ровно сорок дней и сорок ночей. Но передай жениху, что если не будет к сорок первому дню готово то, о чем говорю я, не миновать тогда его голове секиры моего джеяда⁶.

В отчаяньи возвращалась несчастная женщина в свою саклю. «Придется нам погибнуть обоим,—думала она.—Придется нам подставить наши неразумные головы под топор палача». Рассказала она сыну об условии падишаха и залилась еще больше горькими слезами. А Асан, хитро улыбнувшись, воскликнул:

— Вот когда повернет к нам судьба свое милостивое лицо!

Быстро пролетали дни за днями, как стаи журавлей по чистому небу, но не торопился Асан приступать к работе и спокойно ожидал окончания срока. В ужас приходила мать, и спал безмятежно по ночам отважный дровосек.

Наступила тридцать девятая ночь и наступило сороковое утро. И прошел весь сороковой день. К вечеру вышел Асан из сакли и положил под язык свой чудодейственный талисман.

В тот же миг предстало перед ним сорок чудо-богатырей.

— Буюрун эффендим! (чего изволите!)—промолвили

они, склонив головы.—Мы ждем твоих приказаний, повелитель.

— Пока я закрою глаза и вновь открою их,—сказал Асан,—выстройте мне, о джигиты, дворец из зюберджета. И пусть окна этого дворца будут из порфира, а двери из изумруда. И пусть этот дворец будет вдвое больше, чем дворец падишаха. Дворец же падишаха поверните лицом к востоку, придвиньте на утро к нему мой дворец и соедините их оба мостом из чистого золота!

— Слушаем,—проговорили аскеры и исчезли из глаз Асана.

Закрыв Асан глаза и когда открыл их через минуту, его взорам предстал необычайной красоты дворец, переливавшийся огнями драгоценных камней во всем своем ослепительном блеске.

На утро проснулся падишах, и защемило у него в глазах от яркого света. Удивился падишах, ударил в ладоши и спросил появившихся слуг:

— Неужели же солнце взошло с запада и слепит меня своими лучами через окна моих покоев?

— Нет, шах-ин-шах⁷,—ответили слуги,—солнце сегодня взошло там, где всегда, и обычный свой путь совершает по небосклону. Но встань, повелитель, и посмотри в окно. И ты увидишь чудо из чудес, никогда еще не виданное ни одним человеком. За ночь повернулся твой дворец лицом в ту сторону, где рождается солнце. И еще большее чудо увидишь ты, когда посмотришь в окно: вырос за ночь перед твоим

дворцом другой дворец и несравнима ни с чем его ослепительная красота.

Соскочил падишах с подушек, подбежал к окну и увидел волшебное зрелище. Прямо перед глазами стоял величественный дворец из зюберджета и переливались его украшения драгоценными камнями. Вдвое больше был этот дворец царственных хором падишаха и в тысячу раз превосходил их пышностью и красотой. И соединялись оба дворца мостом, сделанным из чистого золота.

— Кто создатель сего чуда?—воскликнул изумленный падишах.—Кто смог за ночь выстроить этот замок!

И вспомнил падишах, что сегодня настал день, когда должен был джеляд казнить дерзкого дровосека. И сказал падишах царедворцам:

— Немедленно приведите ко мне этого чародея и его хитроумную старуху!

Царедворцы бросились выполнять волю повелителя, и через некоторое время Асан со своей матерью предстал пред очи падишаха.

Падишах усадил их около трона и сказал Асану:

— Ты достоин руки моей старшей дочери, доблестный пехлеван! Хвала твоему искусству. Отныне ты будешь моим великим визирем. Сегодня же справим свадьбу и попируем на радостях!

Тотчас же начался пир. Сорок дней и сорок ночей длился он, и много съедено было барашков бесчисленными гостями. А на сорок первый день сделался

Асан мужем красавицы и первым визирем могущественного падишаха. И стал он жить со своей матерью в роскоши и довольстве.

Но недолго продолжались эти радости. Вскоре начала визирей и царедворцев мучить зависть, и досадно им стало, что бедный дровосек, никогда не видевший ничего, кроме кукурузных лепешек, питается со стола падишаха и носит драгоценные одежды. Особенно бесновался визирь — хранитель печати и начал он строить свои козни и подговаривать остальных против удачливого дровосека. И решили злые визири и коварные царедворцы погубить Асана и лишить его всех благостей и всего почета. Подкупили они невольницу царевны и выведали у нее о чудесном талисмани Асана. Позвал тогда к себе хранитель печати одного пройдоху-торговца и сказал ему:

— Вот тебе, ага, кiset золота, выполни мне одно поручение. Возьми вот эти украшения и побрякушки, на которые падка дочь падишаха, и проникни под ее окно, зазови царевну выглянуть вниз и покажи ей лицом весь товар. А когда пожелает она купить эти вещи — ты ответь ей, что получил украшения в дар от соседнего шаха и что аллах не велит продавать дареное. Но она будет все же просить тебя, чтобы уступил ты ей и продал товар. И скажи ты ей тогда так: «Если уж понравились тебе, царевна, эти драгоценные украшения, то согласен я обменять их на другую драгоценность, любимую тобою. Слышал, я, что у твоего мужа, доблестного пехлевана, есть красный,

как кровь газели, камешек, который он всегда носит при себе. Раз уже так сильно желаешь ты получить эти ожерелья, то отдай мне за них этот красный камень». И как только получишь ты из рук ее этот чудесный талисман, немедленно носи его мне!

Не согласился торгош выполнить такое поручение за один кисет золота, и дал ему хранитель печати (так велика была злоба его на дровосека) десять кисетов с червонцами.

Получив свою мзду, торгош забрал побрякушки, нарядился индийским купцом и проник под окна опочивальни царевны. Увидела царевна браслеты и кольца, ожерелья и запястья, и возгорелось у нее желание приобрести все это.

— Сколько просишь ты за эти вещи?—спросила она у торговца.

Хитрый торгош покачал головой, и, вздохнув, ответил:

— О, царевна, прекраснейшая из земных существ! Как жаль мне, что не могу я обрадовать тебя и продать эти украшения. Как бы пристали к твоим белоснежным рукам эти браслеты, и как бы красива была твоя лебединая шея с этими ожерельями. Но видит аллах, не могу их продать я ни за какие деньги!

— Почему же не можешь?—поинтересовалась дочь падишаха.

— Увы, звезда моей ночи, эти прекрасные вещи получил я в дар от индийского шаха за услугу, которую оказал я ему однажды. А ты знаешь, что пророк не велит продавать подаренное.

— Не обменяешь ли ты тогда, о, чужеземец, эти вещи на такую же подаренную вещь. Уступи моим просьбам, добрый купец, и да простит тебе пророк все твои прегрешения, которые ты когда-нибудь сделал!

Хитрый торговец вздохнул, покачал головой и сказал:

— Ну, видно, сам аллах велит мне отдать тебе эти вещи, прекрасная царевна. Я готов усладить твое сердце радостью. Да минует старость того, кто будет носить эти браслеты. Пусть вечно будет молодо и упруго тело, украшенное этими ожерельями.

Радостно потянулась царевна к украшениям. Но остановил ее руку коварный купец.

— Только должна ты дать мне в обмен одну вещь, дочь падишаха. У твоего супруга хранится в потайном месте красный камешек. Если подаришь ты его мне, возьми тогда все эти записки и ожерелья.

И согласилась царевна на это условие. Так прельстилась она красивыми побрякушками, что ночи не спала, обдумывая, какую бы хитростью выманить у мужа чудодейственный камень.

Тщетно пыталась она найти в тайниках и ларцах мужа этот камень—скрыт был камень от взоров царевны. И придумала лукавая дочь падишаха такую хитрость. Притворилась она больной, отказалась от сна и пищи. Призваны были лучшие лекари и прославленные целители. Долгие часы проводили они у постели коварной женщины, но напрасны были их

усилия, не могли они определить болезнь, не умели найти средств от недуга.

— Видела я во сне,—сказала царевна мужу,—что есть только одно средство, которое может умерить мои страдания. Приснилось мне, будто хранишь ты у себя красный камешек. Он-то и сможет отогнать от меня болезнь. Дай мне этот камешек и ты увидишь, как отлетят от меня бессовница и немощь!

Не выдержало тут сердце доброго Асана, вынул он из сокровенного потайника свой талисман и протянул его своей супруге. А та вскочила с кровати и захлопала от радости в ладоши.

Еле-еле дождалась изменница вечера. Вышла сна к окну и подозвала ожидавшего там торговца. Протянула она ему камешек и получила, наконец, вожделенные драгоценности.

А купец спрятал на груди полученный талисман и вне себя от радости побежал домой. Хитрый торгаш, зная о свойствах волшебного камня, и не думал отдавать его хранителю печати. В ту же ночь он пожелал проверить силу талисмана и положил его под язык. И появилось перед ним сорок послушных джигитов.

— Что прикажет эффенди?—поклонились купцу джигиты.

— Пока я закрою глаза,—приказал тот,—перенесите дворец визиря-дровосека вместе с его женой и со мной за тридевять земель, а самого визиря водворите обратно в его саклю!

И не успел торгош разомкнуть очей, как его веленье было исполнено.

Когда на утро проснулся Асан и открыл глаза, то увидел себя в сакле своей матери в прежнем состоянии. На месте сказочного дворца гулял ветер, и дровосека снова окружала нищета и убожество.

Вспомнил Асан о том, что отдал он камень, и впал в отчаянье. Волосы рвал он на себе и проклинал за доверие к дочери падишаха.

Долго горевал он так и долго печалился над своим жребием. Но твердым сердцем наделила судьба Асана, и принялся он снова за свою прежнюю работу.

Случилось однажды, что, идя по лесу, увидел Асан, что перебегает ему дорогу дикий кот. Замахнулся дровосек своим топором и хотел убить этого зверя. Но не успел он пустить топор, как кот очутился у самых его ног и заговорил вдруг человеческим голосом:

— Добрый дровосек, не губи меня, пощади мою жизнь, прошу тебя. Чем угодно вознагражу я тебя за это. Возьми меня с собой и увидишь ты, как буду я тебе полезен!

Подумал-подумал Асан и пощадил кота. И последовало по его пятам благодарное животное.

Прошло немного времени, встретила Асану в лесу огромная крыса. Взмахнул дровосек топором и вознамерился убить крысу. Но взмолилась тут крыса голосом человека:

— Добрый юноша, будь милосерден ко мне, не губи мою жизнь. Возьми меня с собой и ты увидишь

как пригожусь я тебе, когда придется тебе попасть в беду!

Смиловивился Асан и пощадил крысу. И последовало за ним и это спасенное животное. Пришли они трое: Асан, кот и крыса, в саклю и обратились там звери к своему спасителю с такою речью:

— Милосердный ага! Ты подарил нам жизнь, и мы готовы отплатить тебе всем, чего ты ни пожелаешь. Мы знаем о несчастьи, постигшем тебя, и готовы выручить из этого бедственного положения. Знай же, эффенди, что жена твоя, падишахская дочь, продала твой талисман одному купцу за горсть украшений, которыми тот соблазнил ее. И живет она теперь с этим купцом, и получает он от нее все радости. Но не горюй, юноша, мы найдем купца и вернем тебе камень в целости и сохранности. Прикажи своей верной собаке служить нам в качестве лошади, пусть возьмет она нас на спину и переплывет с нами через море за тридевять стран, куда мы укажем. И достигнем мы дворца твоего, которым обладает теперь коварный торгаш, и выманим у него чудодейственный камень.

Обрадовался Асан и сделал все так, как сказали ему добрые звери. Когда наступило утро, взобрались звери на спину верной собаки и отправились в дальнее странствие.

Долго ли, коротко ли плыли странники, сорок дней и сорок ночей плыли они. А на сорок первый день добрались они до дворца торговца.

И сказали собаке кот и крыса:

— Подожди нас, ага, у берега и будь наготове, чтобы снова принять нас на свою спину.

Отправились кот и крыса в пышный дворец. И сказала крыса своему приятелю коту.

— Слышала я, что любит дочь мадишаха пушистых и ласковых кошек. Потормоши ланкой дверь и помяукай погромче. И впустил тебя царевна в свои покои, а я уже сама прогрызу себе норку и проникну туда вслед за тобой.

Замаяукал кот и постучал лапкой в двери опочивальни. Услышала это царевна,пустила кота в комнату, взяла его к себе в постель и положила между собой и торговцем. А крыса прогрызла норку и тоже проникла в спальню. Подобралась она к подушкам и шепнула на ухо коту:

— Проследи-ка, приятель, куда прячет купец свой талисман!

И высмотрел кот, как, ложась спать, вынул торгош из кармана камешек и положил его в рот под самый язык.

— Теперь нужно придумать средство, чтобы выкрасть из-под языка этот камень,—сказала крыса. И, немного подумав, добавила:

— Вот что, дружище! Завтра утром пройду я по базару и постараюсь достать щепотку бурнота³. Вдуну я ему в нос этого бурнота, чихнет он, и выскочит у него изо рта волшебный талисман. А ты в это время схватишь его и через окно выскочишь к морю, где ждет нас верная наша собака.

Прошла ночь, наступило утро. Вышла на базар крыса и подобралась сначала к продавцу масла. Обмакнула она хвост в чан с оливковым маслом и побежала дальше к продавцу табака. Опустила там хвост в ящик с бурнотом, и налил порошок на оливковое масло. Вернулась крыса ко дворцу и стала терпеливо ожидать ночи.

Вечером вернулся торгош, лег в постель к царевне и положил под язык вынутый из кармана талисман. Выждала мудрая крыса, когда уснет купец, и всунула ему в нос свой хвост с крепким бурнотом.

— Ап-чхи!—чихнул изо всей силы торгош,—Ап-чхи! Ап-чхи!

И когда чихнул он так третий раз, выскочил изпод его языка красный камешек и упал на ковер. Кот, который только того и ждал, подхватил камень и, выскочив в окно, стремглав бросился к морю. За ним побежала и крыса.

Верный пес честно ждал своих всадников на берегу. Принял он их на широкую спину и поплыл через море в обратный путь.

Долго ли, коротко ли плыли странники, только обратилась на полпути крыса к коту и сказала:

— Ну-ка, оглан, мы проплыли половину пути, дай-ка теперь мне охранять талисман!

— Нет не дам!—воскликнул кот.—Раз я первый схватил его, значит, я и вручу его нашему благодетелю!

— Но ведь я же придумала главное средство, чтобы выкрасть камень,—возразила крыса.

— А я, думаешь, даром мучился с этим толстым пройдохой?

И начали спорить между собою кот и крыса. Спорили они и ругались все больше и больше и, сколько ни успокаивал их верный пес, дошло, наконец, дело до драки. Вцепились звери друг в друга, и в это самое время выскочил камешек изо рта кота и незаметно булькнул прямо в море.

Заплакали тут все три путешественника и загоревали. Стали упрекать себя кот и крыса за позорную потерю талисмана.

Грустные вышли на берег и не весело им было смотреть в глаза встретившего их дровосека. Признались они ему во всем и рассказали о своем несчастье.

— Ну ничего,—ответил Асан.—Слезам горю все равно не поможешь. Как быстро судьба одаряет человека, так же быстро и отнимает у него свои милости!

Махнул дровосек рукой и принялся за обычную свою работу.

На следующий день пришлось ему пойти к морю, чтобы поймать к обеду рыбы и прокормить себя и свою старушку. Много раз забрасывал он невод, но только не попадалось ему даже и самой малой рыбешки. К вечеру вытащил он опять пустой невод и решил идти домой ни с чем. Глядь,—запуталась в складках сети золотая рыбка.

— Хватит хоть на похлебку,—подумал Асан и взял эту рыбу в руки.

Но заговорила рыба человеческим голосом и принялась умолять дровосека:

— Не губи меня, добрый человек. Даруй мне жизнь и отплати за это самым драгоценным, что есть на дне моря. Я дочь падишаха всех морских рыб, и мне известно, что твой чудесный камень упал к нам в подводное царство. Если ты обещаешь отпустить меня, я тотчас же прикажу, чтобы разыскали мне этот талисман.

— Хорошо,—сказал Асан,—я жду твоей награды!

И не успел дровосек сомкнуть и разомкнуть глаз, как по велению чудесной рыбы явился посланец ерш и выплюнул к ногам юноши красный камешек.

Не было пределов радости Асана, когда увидел он возвращенное сокровище. Схватил он талисман, отпустил рыбу и побежал домой к старушке матери. Показал он матери камень и сказал:

— Вот дар, полученный мною от многих животных, к которым был я милосерден и благостен. Спас я змею—и подарила она мне этот талисман. Поощаил кота и крысу—и отняли они его от дерзкого похитителя. Отпустил я живую золотую рыбку—и достала она камень со дна моря.

Сказал это Асан и положил камень под язык. И, повинуясь его желанию, предстало опять перед ним сорок чудо-богатырей.

— Верните мой дворец на прежнее место!—сказал Асан.

И не успел он закрыть и открыть глаза, как

появился снова роскошный замок во всем своем ослепительном величии.

Проснулся утром падишах и увидел снова чудо: попрежнему стоял дивный дворец перед окнами его покоев, попрежнему соединял оба дворца мост из чистого золота.

И явился к падишаху Асан и сказал ему:

— Ну-ка, царь, погляди в окно этого дворца.

Посмотрел падишах в окно и увидел в спальне старшую свою дочь, лежащую в объятиях торговца.

Пришел падишах в ярость и велел привести к себе обоих нечестивцев.

И признался ему торговец в своем коварстве и поведала дочь о своем предательстве.

Призвал падишах джелда и приказал ему отрубить нечестивцам головы. И приказал падишах бросить в темницу завистливых визирей. А Асана произвел опять в главные визири и отдал ему в жены младшую свою дочь.

Сорок дней и сорок ночей продолжался свадебный пир, и неисчислимы были яства, подаваемые к роскошному столу.

СКАЗКИ
АХТОТАЙ ХУРТБЕДИН

АХТОТАЙ КУРТБЕДДИН

д. Симеиз

Много работы прошло за восемьдесят семь лет жизни через морщинистые руки старой Ахтотай. Много невзгод видели за восемьдесят семь лет эти, уже теряющие зоркость глаза. Но не выветрились годы из памяти Ахтотай тех причудливых легких сказок, которые еще рассказывала ей мать в самом раннем детстве.

Тихим старческим голосом, чуть-чуть покачиваясь в его такт, умеет Ахтотай так рассказать сказку, что долго еще потом думаешь об ее герое. В старой деревне Симеиз нет лучшей сказочницы, чем Ахтотай Куртбеддин, оттого так любит послушать ее симеизская колхозная молодежь.

Родилась т. Куртбеддин в 1848 году в той же деревне, в которой и прожила все 87 лет до нынешнего дня. Неграмотна. Член колхоза имени Калинина.

СКАЗКА О ХАДЖИ ТИЛЬКИ И ПРАВОВЕРНЫХ ПИЛИГРИМАХ

ОДНАЖДЫ петух, курица, индюк, гусь и утка порешили пойти в Мекку на поклонение святым местам. Вот двинулись они в путь, а дорога была не близкая. Шли они, шли—сорок дней и сорок ночей шли, а на сорок первый день встретился им на дороге в лесу Тильки (лис), который так же, как и они, был облечен в одежду хаджи¹. Тильки ласково поклонился паломникам и приветствовал их:

— Селям алейкум, хаджи агалар!² В какие края направил аллах ваши благоверные стопы?

— Алейкум селям, ага,— ответили пилигримы.— Держим мы путь, коли на то будет воля аллаха, в Мекку на поклонение бороде пророка, По твоему облачению

видим мы, что и ты тоже решил замаливать свои грехи у священного камня Каабы.

— Совершенно верно, дорогие друзья,—ответил хитрый лис,—вы угадали мое намерение. Я так же, как и вы, направляюсь в Мекку и принял бы за великую честь, если бы вы сочли меня достойным себе спутником и позволили присоединиться к вашему благочестивому обществу.

— Отчего же,—сказал гусь,—мы с радостью примем тебя в свою компанию, кого же и принимать нам в товарищи, если не тебя—святого хаджи, богоугодного пилигрима?

Обрадованный лис тотчас же присоединился к путешественникам и начал обдумывать, какою бы хитростью заманить их в свою нору. Вскоре богомольцы поравнялись с его жилищем, и Тильки обратился к ним с почтительной речью:

— О, друзья мои, благословенные Мухаммедом. Идете вы из далеких стран и, как я вижу, сильно утомились. Не откажите, прошу вас, принять мое гостеприимство, да наградит вас за это великий аллах. Войдите в мой сераль и отдохните, как следует. А завтра подкрепимся, помолимся всем джемаатом³ богу и с новыми силами двинемся в дальнейший путь.

— Велик аллах, пославший нам тебя в счастливый час, добрый хаджи!—воскликнула курица.—С радостью примем мы приглашение и воспользуемся твоим гостеприимством.

— Как видно, сам пророк посоветовал тебе сделать

такое добродетельное предложение,—добавил индюк, утомившийся больше всех.—Да будет благословен час, когда мы встретили тебя!

А утка подняла глаза к небу и воздала про себя восхваление аллаху.

Вся процессия тотчас же направилась в сераль ласкового хозяина. Но петух, который всегда во всем сомневался, почувал в приглашении что-то неладное, остановился у самой шоры и заявил:

— О, святой хаджи! Нет предела твоей добродетели и благочестию! Пусть имя твое будет восхваляться каждым правоверным и дела твои, записанные в книгу пророка, станут примером для всех ищущих святой жизни. Но позволь мне, прежде чем осчастливить себя посещением твоей благословенной обители, немного побыть здесь на воздухе, чтобы подготовить себя к столь высокой чести.

С этими словами петух поднялся на самую высокую ветку соседнего дерева и стал следить за тем, что будет дальше. А лукавый хаджи Тильки, впустив пилигримов в комнату, закрыл за ними двери и незаметно запер их на замок. Потом он обратился к гостям и сказал:

— А ну-ка, дорогие гости, предъявите документы, подтверждающие ваше происхождение и род занятия.

Удивленные паломники в один голос заявили, что документов они с собой не взяли, так как считали, что чалма на голове является самым лучшим доказательством их благочестивых намерений.

— Так, значит, вы не знаете законов султана!— воскликнул лис.— Ведь мы находимся в его владениях, а всякий, вступающий в эту страну, обязан предъ- явить доказательство своей благонадежности. Так как документов у вас нет и вас все равно повесят, то не лучше ли будет, о, правоверные, если я вас, да про- длит аллах ваши дни, съем и, тем самым, спасу от неугодной богу смерти.

Так как двери были заперты и гостям все равно де- ваться было некуда, то пришлось согласиться с убедительными доводами хозяина. И добрый Тильки, вняв желаниям пилигримов, отправил их души на- встречу святому фериште⁴.

Когда же и от индюка остался только хвост да ко- сточки, наступил рассвет и подошел час утренней молитвы.

Петух, который сидел всю ночь на дереве, захо- лопал крыльями и стал призывать правоверных к вос- хвалению пророка.

— Ля иллях иль алла, кукареку!!—закричал он во все горло.— Нет бога, кроме бога и Магомет пророк его. Кукареку, о, правоверные!!

Тильки услышал священный призыв и вышел из сераля, чтобы приготовиться к молитве. Увидев, что это взывает петух, он поклонился ему и сказал:

— О, благоверный мулла, спускайтесь с минарета и пойдите совершим намаз вместе в моей сакле. Я хочу, чтобы вы присоединились ко всему благочести- вому джемаату!

— О, святой хаджи,—ответил на это петух.—Мне кажется, что спутники мои уже покинули твой сераль. А ты разве не знаешь, что согласно воле пророка из двух человек составить джемаат нельзя. Аллах все равно не примет такой молитвы. Впрочем утешься. Вон там, я вижу, приближается к нам охотник с двумя собаками. Сейчас они будут здесь, впятером мы составим законный джемаат и сообща воздадим утреннюю хвалу пророку.

— Хорошо,—сказал лис,—только подожди меня минутку. Я вспомнил сейчас, что еще не подготовил абдест (омовение). Я в одно мгновение сбегая, чтобы сделать необходимые приготовления и немедленно же вернусь сюда.

И, не дожидаясь ответа петуха, добродетельный хаджи с такой быстротой устремился в чашу леса, что только его там и видели. А паходчивый «мулла», видя, что нельзя терять ни одной минуты, прыгнул со своего минарета и пустился бежать в другую сторону, воздавая аллаху единолично хвалу за свое спасение.

СКАЗКА ОБ УСЕИНЕ—СЫНЕ АСАНА

АВНЫМ-ДАВНО, так что нельзя и сказать, было ли то в самом деле или не было, жил в некотором государстве один человек по имени Асан, и был у Асана сын, которого звали Усеином. Добывал себе пищу этот Усеин только тем, что убивал в лесу диких зверей, и был он поэтому хорошим и смелым охотником.

Вот взял однажды Усеин свой лук и пошел в лес на охоту. Долго ходил он по лесу, и не встретилось ему за целый день никакой, даже самой мелкой, дичи. Приуныл Усеин и хотел уже было вернуться домой, как вдруг увидел на одном дереве какую-то невиданную доселе им птицу. Натянул он лук и спустил стрелу, но не убил дичину, а только подстрелил ее.

Подбежал он к этой птице, чтобы поймать и добить, но как только схватил ее за крыло, заговорила, вдруг диковинная птица человеческим голосом:

— Не убивай меня, добрый охотник, прошу тебя. Я смогу еще пригодиться тебе, если ты пожалеешь меня. Знаю я семьдесят два языка, и сможешь ты заработать много золота, если продашь меня падишаху.

Удивился Усеин таким словам и пощадил свою жертву. Взял он ее в руки и отнес во дворец к самому повелителю. Увидев чудесную птицу и узнав о ее способностях, падишах немедленно заплатил охотнику ровно столько золота, сколько весил этот диковинный товар. А самого Усеина, который сильно понравился ему, оставил у себя во дворце главным своим телохранителем.

Много ли или мало прошло времени после этого, только возненавидели визири удачливому охотнику и порешили между собою восстановить против него падишаха. Вот однажды они улучили минуту и шепнули падишаху такие слова:

— О, великий хан. Раз уж отвалил ты столько золота за эту птицу—потребуй, чтобы построила она тебе дворец из слоновой кости.

Послушал падишах визирей, и заманчивым показался ему этот совет. И приказал он Усеину, чтобы выполнила птица эту задачу.

Опечалился Усеин, услышав такое невыполнимое повеление, но нечего было делать, пошел он и передал своему крылатому другу слова падишаха.

— Не горюй, добрый мой повелитель,—ответила птица.—Это еще не такая трудная задача. Знаю я в лесу большое озеро, из которого пьет воду стадо слонов. Потребуй у падишаха пятьсот бочек вина, выпусти из озера воду и влей в озеро вино. Выпьют слоны вино, опьянеют как следует, и отломим мы тогда у них столько клыков, сколько нужно, чтобы построить дворец.

Послушался Усени слов птицы и сделал все так, как она сказала. Взял он у хана пятьсот бочек вина, отыскал в лесу озеро и заменил в нем воду сладким и крепким напитком. А сам притаился в зарослях и стал ждать, когда придет стадо.

Недолго пришлось ждать охотнику, появились вскоре слоны, напились они, ничего не подозревая, приятной влаги и, не будучи в состоянии передвинуть ногами, попадали опьяненные на берегу. Вышел тут Усени из засады и отпилил несметное количество драгоценных клыков. Выстроил он из этих клыков дворец и вышел дворец этот таким прекрасным, что съезжались полюбоваться им падишахи из всех соседних государств.

Еще более полюбил после этого падишах Усеина, и еще больше возненавидели его визиря. И сказали они однажды падишаху:

— О, владыка земли и морей. Ты ведь достоин взять в жены прекраснейшую из женщин, единственную дочь самого царя джинов¹. Прикажи же твоей чудесной птице, чтобы достала она тебе эту красавицу.

И опять соблазнился хан советом визирей и опять повелел Усеину выполнить это поручение. Больше прежнего опечалился Усеин, ибо решил он, что невыполнима эта задача. Но нечего было делать, пошел он и передал своему крылатому другу слова падишаха.

— Не горюй, добрый мой спаситель, — ответила птица. — Это хоть и потруднее задача, но и ее все-таки можно выполнить. Потребуй у падишаха пятьсот кантаров² мяса, пятьсот кантаров пшена и пятьсот кантаров меду. По дороге к царю джинов встретится тебе стая коршунов, — накорми их этим мясом. Встретишь ты дальше тысячу тысяч муравьев, — угости их этим пшеном, а когда попадется тебе рой пчел, — дай им этого меду. И помогут они тебе все в трудном твоём деле.

Пошел Усеин к падишаху и потребовал у него всего, о чем говорила птица. И дал падишах пятьсот кантаров мяса, пятьсот кантаров пшена и пятьсот кантаров меду. Взял это все Усеин, нагрузил хамма-лов и пошел в путь искать царство джинов.

Вот шел он так по дороге в лесу и попалась ему на поляне небольшая сакля. Заглянул туда Усеин и увидел пекаря, который вытаскивал из печи многое множество калачей.

— Кому это печешь ты так много хлеба? — спросил он у пекаря.

— Тут живет человек, — ответил пекарь, — который за один присест съедает столько, сколько хватило бы нам с тобой на целый месяц. Вот я и готовлю ему эту гору хлеба.

В это время подошел к скале человек, который и оказался этим самым объедалой. Усеин поздоровался с ним, похлопал его по плечу и сказал:

— Ну и молодец же ты, батыр-ага?

— Я-то еще не молодец,—ответил объедала,—а вот кто настоящий молодец, так это Асан-оглу-Усеин.

— Я и есть этот Усеин,—ответил охотник,—а иду я искать для падишаха прекрасную царевну, дочь царя джинов.

— Возьми меня с собой,—попросил объедала,—авось я пригожусь тебе.

И, получив согласие, объедала проглотил весь испеченный хлеб и присоединился к Усеину. И пошли они по дороге дальше. Шли они, шли и встретился им на пути человек, который разбивал кулаком целую скалу, так что на целых десять верст летели осколки.

— Ну и молодец же ты, батыр-ага!—воскликнул, обращаясь к нему, Усеин.

— Я-то еще что,—ответил скалолом,—увидел бы ты Асан-оглу-Усеина,—вот тот молодец, так молодец!

— Я и есть этот Усеин,—ответил охотник,—а идем мы за дочерью царя джинов, которая понадобилась падишаху.

— И я пойду с вами,—сказал скалолом и присоединился к путешественникам.

И пошли они втроем путем-дорогою.

Шли они, шли и встретилась им на пути стая коршунов. Взял и накормил Усеин этих коршунов мясом,

и съели они мясо без остатка. Подлетел после этого к Усеину старший коршун, сел ему на плечо и сказал так:

— Дам я тебе в благодарность, добрый человек, вот это коршунье перо, и если понадобится тебе моя помощь, потри ты им себе брови. И где бы ни пришлось мне летать в это время,—тотчас же появлюсь я со всей моей стаей перед твоими глазами.

Взял Усеин это перо, поблагодарил коршуна и пошел со своими спутниками дальше. И встретилось им на дороге огромное полчище муравьев. Покормил их своим просом Усеин и предстал перед ним муравьиный начальник.

— Возьми ты, добрый человек, это муравьиное крыло,—сказал он,—и когда попадешь ты в тяжелое положение, потри этим крылом свои брови. И я вмиг появлюсь перед тобой, где бы ни находился я до этого, со своими полчищами.

Взял Усеин это крыло и пошли они дальше. Долго ли они так прошли, и встретился им по дороге рой пчел. Бросил Усеин этим пчелам весь мед, который у него был, и подлетела к нему сама пчелиная царица.

— Спасибо тебе, добрый человек, за то, что наплатил ты нас. Возьми ты себе в награду вот это пчелиное крыло и потри им свои брови, когда понадобится тебе моя помощь, и я прилечу к тебе в ту же минуту, где бы ни летала я до этого, со всем своим войском.

Взял Усеин и это крыло, поблагодарил шах-пчелу и двинулся со своими спутниками дальше.

Долго ли, коротко ли шли они так, и вот, наконец, пришли к самому повелителю джинов. Поклонился Усеин царю и обратился к нему с такой речью:

— О, великий правитель царства джинов. Пришли мы к тебе от повелителя правоверных, чтобы у тебя взять твою красавицу-дочь ему в жены.

— Хорошо,—сказал царь джинов,—я отдам ему в жены мою дочь, но выполните сначала, о, посланники, пять задач, которые я вам задам. Если выполните вы их,—забирайте дочь, если же не выполните,—пеняйте на себя, прикажу я посадить вас на кол, и умрете вы страшной смертью. Вот вам первая моя задача: видите вы эту миску катыку—съешьте его весь сразу, не переводя дух.

И царь указал путешественникам на сорокаведерную бочку, доверху наполненную овечьей простоквашей.

— Что же тут такого особенного?—удивился объедала.—Да я и один съем это за один присест.

И не успел царь джинов вымолвить слово, как от катыка не осталось ни одной капли.

— Ну, и здоров же ты,—воскликнул царь.—Так не напасешься на тебя пропитания. Слушайте же тогда вторую мою задачу. Вон там видите вы эту скалу, уберите-ка ее оттуда, чтобы не осталось от нее и следа. А землю после нее сравняйте и засейте пшеницей.

— Вот так задача!—воскликнул скалолом.—Да что же тут такого трудного?

С этими словами он подошел к скале и так трахнул ее кулаком, что она разбилась на мелкие кусочки, которые отлетели на десять верст по сторонам. Потом он разравнивал ногами всю площадь, где была скала и засеял этот чаир⁴ пшеницей.

— Да и силен же ты!—удивился падишах.—Этак ты все мои горы разнесешь вдребезги. Выполнили вы легко первые мои две задачи. Но так ли легко выполните третью. Мой любимый жеребец околеет вчера, принесите-ка мне к вечеру из Мекки зем-зем-сувы⁵ и воскресите моего скакуна.

Призадумались посланцы, ибо трудной показалась им эта задача. Но вспомнил Усеин о своих друзьях коршунах, достал он коршунье перо и потер им свою бровь. В ту же минуту потемнело солнце и, откуда ни возмись, налетела огромная стая коршунов. Рассказал Усеин их предводителю о своем затруднении и вызвался тот немедленно выручить парня. Унеслись коршуны тотчас же в Мекку и к вечеру вернулись, неся в клювах по капле чудесной воды. Усеин собрал эту водичку, sprysнул ею околевшего жеребца, и поднялся скакун на глазах изумленного царя живым и невредимым. Подивился царь джинов чародейству пришельцев и задал им следующую задачу:

— Вот вам десять мешков пшеницы,—сказал он Усеину,—сосчитайте мне к вечеру число зерен и не ошибитесь при этом ни на одну крупинку.

Трудной показалась богатырям эта задача, и долго думал Усеин, как бы ее выполнить. Наконец вспомнил

он о своих друзьях-муравьях, достал муравьиное перо и потерял им свои брови. В ту же минуту появилось несметное полчище муравьев, и предстал перед глазами Усейна их предводитель.

— Чем могу я помочь тебе?—спросил он охотника.

— О, повелитель муравьиных народов, выручи меня из беды,—сказал Усейн.—Царь джинов приказал мне сосчитать все зерна в этих десяти мешках и чтобы выполнил я эту работу до утра, не ошибившись ни на одно зерно.

— Нет ничего легче!—воскликнул муравьиный шах.

И повелел тотчас же каждому из своих подчиненных взять из мешка по одному зерну. Всем муравьям досталось по одной группинке и предводитель их, зная количество своих войск, сразу же назвал точное количество зерен.

И опять удивился царь джинов быстрому и точному выполнению задачи. И задал тогда путникам пятую, самую трудную задачу.

— Если вы завтра из девятисот девяносто девяти девушек, которых я вам покажу, узнаете мою дочь, то возьмите тогда ее и везите к своему падишаху. Если же не узнаете вы ее, то напрасно трудились вы над выполнением предыдущих задач, не миновать вам все равно страшной казни. Даю вам срок одну ночь для того, чтобы придумали вы, как разрешить эту задачу.

Долго думал Асан оглу-Усейн, и долго думали его товарищи, но ничего не могли придумать, чтобы

выполнить трудную задачу. И запечалился Усеин в ожидании смерти, а с ним затосковали и его верные друзья.

Вдруг вспомнил Усеин о пчелином крыле, достал его и потер им свои брови. И в ту же минуту, откуда ни возьмись, налетел огромный рой пчел и опустился на дерево перед Усеином. И подлетела к Усеину пчелиная царица.

— Выручи, пчелушка, из беды,—обратился к ней Усеин.—Задал мне царь джинов задачу, и не знаю я, как ее выполнить.

Рассказал Усеин обо всем шах-пчеле, и сказала та ему в ответ:

— Я рада помочь тебе, о, благодетель-батыр, только не знаю я, видел ли кто-нибудь из моих подданных хоть раз эту царевну.

Обратилась царица к своему рою и спросила пчел, знают ли они дочь царя джинов.

— Нет, мы ни разу не видели ее,—загудели пчелы,—и не смогли бы узнать ее даже среди пяти девушек.

— Что же нам делать?—опечалилась царица.

— Есть еще у нас в улье старая пчела,—прожужжала вдруг одна пчелка.—Много видела она на своем веку, может быть знает она царевну джинов.

— Выиг принесите ее ко мне,—приказала шах-пчела.

Пчелы сейчас же отправились к улью, а Усеин и его товарищи принялись с нетерпением ждать их возвращения.

Через полчаса вернулись крылатые слуги, неся на своих крыльях старую-престарую пчелу.

— Знаешь ли ты, бабушка, царскую дочь, дочь повелителя джинов?—спросила ее шах-пчела.

— Как не знать—прошамкала старуха.—Когда я летала еще по цветкам, собирала мед, эта красавица гуляла часто по лугу и рвала себе цветы.

— Завтра выведет царь девятьсот девяносто девять девушек, похожих друг на друга, как родные сестры. Узнаешь ли ты между ними царевну и покажешь ли этому батырю?

— Конечно узнаю и покружусь у нее над головой,— ответила старая пчела.

Открылись на утро ворота дворца и предстали перед глазами батырей девятьсот девяносто девять девушек необычайной красоты. И были эти девушки похожи друг на друга, как девятьсот девяносто девять капель воды. Ни за что не смог бы отгадать Усеин,—которая из них царская дочь. Но вылетела старая пчела и стала кружиться над одной из девушек. Асан-оглу-Усеин подошел к этой девушке и положил свой платок ей на плечо.

— Вот твоя дочь, повелитель!—воскликнул он.

Удивился тут царь и запечалился, но отступить от сказанных слов уже было нельзя. Победили люди-батыри царя джинов, и нужно было отдавать обещанное.

Выстроил царь золотой корабль и отпустил на нем свою дочь с храбрыми победителями. Поплыли батыри с девушкой к падишаху. И приплыли они на родину

и остановились у берега. Вышел из дворца падишах со своими визирями, и пошли они посмотреть на чудесный корабль. Но как только приблизились они к этому заколдованному кораблю на десять шагов, в ту же минуту превратились визири в собак и стали лаять и прыгать вокруг корабля. Подошел падишах еще на пять шагов и превратился в огромную толстую свинью. И начал хрюкать и кататься по берегу с боку на бок. А Асан-оглу-Усеин, отогнав собак и жирного кабана, повел красавицу и верных друзей во дворец и приказал слугам приготовить богатый пир. В тот же день была сыграна свадьба Усеина с прекрасной девушкой, ибо полюбили они сильно друг друга.

Сорок дней и сорок ночей длился пир и нечисленны были яства, подаваемые к столу.

СКАЗКА О ТРЕХ ТАЛИСМАНАХ

ДАВНЫМ-ДАВНО, так что нельзя сказать, было ли это в самом деле или не было, жил в одной деревне бедный-пребедный крестьянин. Было у него три сына и убогая сакля. Бедность его была так велика, что часто нечем было ему накормить своих сыновей.

Однажды, когда нужда стала совсем невыносима, решил он хоть охотой достать себе пропитание. Выпросил он у соседа ружье и пошел в лес в надежде добыть хоть какую-нибудь дичь.

Долго ли коротко ходил он так, только довелось ему подойти в лесной чаще к какому-то дереву со странными, невиданными листьями. На ветке дерева сидела птица, тоже небывалой породы. Недолго

думая, прицелился крестьянин, выстрелил и ранил птицу.

Но не успел он взять ее в руки, как птица заговорила человеческим голосом:

— Не убивай меня, добрый охотник, я помогу тебе в твоей нужде!

С этими словами она достала из-под крыла тонкий свернутый платочек и, подавая его охотнику, сказала:

— Если ты проголодаешься и тебе нечем будет утолить свой голод, то взмахни этим платочком и в один миг стол твой покроется всякими богатыми и вкусными яствами.

Обрадовался бедный крестьянин такой находке, взял платок и отпустил птицу на свободу.

Вернувшись домой, показал он платочек своим сыновьям и испытал его волшебную силу. Взмахнул он платочком, и вмиг украсился стол богатыми блюдами. И зажил он со своей семьей сытой и спокойной жизнью. Как только нужно было им насытиться, взмахивал он над столиком чудесным платком, и всякий раз таинственным образом являлись на нем всякие обильные блюда.

Много ли прошло с того времени, только попал в эту деревню сам хан со своей свитой, возвращаясь с охоты в горах. Сильно проголодался хан и послал своих охотников найти в деревне дом, в котором можно было бы покушать. Стали расспрашивать ханские охотники по деревне, кто из крестьян лучше всего может угостить хана, и все указали на бедного

крестьянина. Явился хан со свитой в гости к обладателю талисмана.

Не успел хан усесться на подушке в почетном углу комнаты, как уже внесли сыновья хозяина стол, уставленный всевозможными кушаньями. Даже сам хан редко едал такие вкусные блюда. И заподозрил хан, что неспроста у бедного крестьянина вмиг появляются такие богатые яства, и решил в сердце своем как-нибудь раскрыть эту тайну.

Через некоторое время получил как-то хан извещение, что приближается к его столице великое посольство из Стамбула от самого падишаха правоверных. Послал хан гонцов в деревню за бедным крестьянином с приказанием ему явиться во дворец, чтобы достойно угостить султанских послов.

С шумом и угрозами ворвались ханские гонцы в бедную саклю крестьянина и стали тащить его к хану.

Испугался крестьянин и увидел, что, хочешь не хочешь, а придется ему угощать ханских гостей. Позвал он своего старшего сына Османа, вручил ему чудесный платок, наказал крепко беречь его и велел ехать к ханскому двору.

Предстал Осман перед очи хана и объявил, что готов он исполнить его волю. Но поставил он одно условие, чтобы дано ему было во дворце отдельное помещение, где мог бы он готовить, не боясь быть увиденным. Хан согласился на это условие и предоставил Осману большую комнату.

Когда осталось до прихода посольства всего-навсего полчаса, пошел хан посмотреть, готов ли обед. Каково же было его удивление, когда увидел он пустые столы и Османа, спокойно возлежащего на подушках.

— Где же твои приготовления, безумец?—воскликнул хан, пораженный его беспечностью.—Да за такую дерзость я прикажу немедленно сбросить тебя с башни, чтобы неповадно было другим обманывать повелителя!

— Пусть не беспокоится доброе сердце хана, все будет готово к приходу достойных гостей,—отвечал спокойно повар.—Введите меня в зал, где будет происходить пиршество и оставьте одного.

И, войдя в пустой зал, Осман помахал платочком над каждым из расставленных здесь столов, и в ту же минуту все они покрылись неисчислимыми яствами.

Поразился хан уменью Османа, когда вошел туда, и понял, что владеет тот каким-то чудодейственным талисманом. И решил хан во что бы то ни стало завладеть этим талисманом.

В тот же день он приблизил к себе Османа, осыпал его милостями и объявил ему:

— Такой великий чародей и витязь достоин быть супругом моей единственной дочери!

На другой день была отпразднована свадьба, и дочь падишаха стала женой Османа, сына бедняка. А вероломный властитель научил свою дочь, как провести

о чудесном талисмани и выманить его из рук искусного повара.

Вечером, как только молодых ввели в спальню, невеста, как будто ничего не зная, обратилась к своему жениху с ласковым вопросом:

— Скажи мне, о, муж, ниспосланный мне небом, какими чарами достиг ты такой силы и власти при дворе?

— Вот этим платочком,—ответил, ничего не подозревая, Осман.

С этими словами он вынул из-за пазухи свой талисман и показал его невесте. Как только ханская дочь увидела платочек, она выхватила его из рук простака и ударила в ладоши.

— Бросьте его в темницу,—приказала она вбежавшим телохранителям.

Те тотчас же схватили бедного Османа и заключили его в зиндан¹. А царица вручила волшебный платок своему отцу.

И остался бедный крестьянин и без платочка и без старшего сына. И снова пришла к нему такая нужда, что нечем было ему кормить своих двух сыновей.

Выпросил он однажды опять у соседа ружье и пошел в лес в надежде подстрелить там какую-нибудь дичь. И привелось ему на том же самом дереве увидеть опять птицу, сидевшую на ветке. Выстрелил в эту птицу бедный крестьянин и ранил ее. Упала птица к ногам бедняка и заговорила человеческим голосом:

— Не добивай меня, добрый человек, я помогу тебе в твоей нужде. Возьми этот кисет, встряхни им, когда тебе понадобятся деньги, и посыплется из него столько червонцев, сколько ты пожелаешь.

Обрадовался бедняк этому подарку, взял кисет и понес его домой. Показал он его своим сыновьям и испытали они вместе чудесное его свойство. Взмахнул кисетом отец и посыпались из него на стол золотые монеты.

— Вот и будем мы теперь жить сытыми и одетыми!—сказал старик сыновьям.

Вскоре построил себе старик новую саклю, такую саклю, какой не было у самых богатых ни в этой деревне, ни во всех окрестных деревнях, ни даже в самом Бахчисарае. И стал жить припеваючи.

Много ли прошло с того времени, только проехал однажды хан, возвращаясь с охоты снова через эту деревню. Очень ему понравилась новая сакля старика и снова заподозрел он здесь чародейство.

Через некоторое время задумал хан строить себе новый роскошный дворец. Нехватало у него денег на эту затею и вспомнил он о старике и о его новой сакле. Послал он в деревню своих гонцов за стариком, чтобы явился тот к нему строить новый дворец.

С шумом и угрозами ворвались ханские гонцы в новую саклю крестьянина и стали тащить его к хану. Испугался старик и увидел, что, хочешь не хочешь, а придется ему строить ханский дворец. Не смог по старости поехать сам, послал своего второго сына

Мустафу. Вручил он ему чудодейственный кисет и наказал беречь его крепко-накрепко.

Привезли Мустафу к хану, и потребовал повелитель, чтобы он приступил к постройке. Когда Мустафа спросил о деньгах на постройку, хан сердито ответил:

— Твой отец бедняк, а построил себе саклю без денег. Построй и мне дворец без денег. А не построишь, сброшу я тебя с высокой башни в речку. На завтра же достань тысячу червонцев для начала.

Пришлось Мустафе согласиться строить ханский дворец на деньги из своего кисета. Но потребовал он себе отдельную комнату.

На следующий день пришел к нему хан и увидел на столе тысячу золотых червонцев. С жадностью любовался хан блеском денег и решил в мыслях своих, что есть у Мустафы какой-то таинственный талисман и что нужно им завладеть во что бы то ни стало.

И начал Мустафа строить дворец для хана и за все немедленно расплачивался звонким золотом. А хан всячески возвеличивал Мустафу, приблизил его к себе, осыпал милостями, но никак не мог разгадать, в чем заключается его талисман.

Когда новый дворец был готов, хан объявил Мустафе:

— Такой великий чародей и витязь достоин стать супругом моей единственной дочери. Я дарю тебе новый дворец и делаю тебя своим наследником.

В тот же день была отпразднована свадьба ханской дочери с крестьянским сыном Мустафой.

К ночи, когда молодых ввели в спальню, дочь хана, уже наученная своим отцом, обратилась к своему жениху с ласковым хитрым вопросом:

— О, посланник неба, возлюбленный муж мой! Какие неведомые чары сделали тебя столь богатым и знатным? Ты, вероятно, владеешь каким-нибудь счастливым талисманом, о, господин моей жизни. Открой причину счастья нашего мне, твоей рабыне!

— Вот—этот талисман,—ответил ничего не подозревавший Мустафа и вынул из-за пазухи свой кисет.

Как только хитрая царевна увидела кисет, она выхватила его из рук простака и ударила в ладоши.

— Бросьте его в темницу!—приказала она вбежавшим телохранителям.

И попал Мустафа в мрачный зиндан под семью замками, где сидел уже его брат Осман.

Вручила хитрая царевна чудесный кисет своему жадному отцу, хану. А бедный старик крестьянин остался и без платочка, и без кисета и без двух сыновей. И снова вернулась к нему и к его последнему сыну Таз-оглану бедность и нищета. И снова нечем было им прокормиться. Так велика была нужда, что пришлось старику снова идти на охоту. Выпросил он опять у соседа ружье и пошел вместе с сыном Таз-огланом в лес в надежде подстрелить какую-нибудь дичь.

Долго ходили бедняки по темному лесу, спускались

в пропасти, подымались на горы, и все же не посылала им судьба никакой дичи. Решили уже они вернуться домой ни с чем, как вдруг попали к тому самому дереву, на котором старик дважды находил свое счастье. Велико было их удивление и радость, когда увидели они на дереве птицу.

Недолго думая, выстрелил в нее старик, упала она раненная к его ногам и стала просить по-человечески:

— Не убивай меня, добрый охотник, я тебе помогу выйти из нужды!

Отпустил ее старик, и дала она ему позолоченный лук.

— Стоит тебе только выстрелить из этого лука,— сказала птица,—и попадет твоя смертельная стрела в того, кого ты задумал, где бы он ни был.

Не очень обрадовался старик такому подарку, но взял лук и пошел с сыном домой. Много попадалось им по дороге всякой дичи, и настреляли они столько, что еле могли донести. Хорошо наелись дома и стали после этого часто ходить на охоту.

Однажды приехал опять хан в эту местность на охоту. Велел он согнать всех крестьян этой деревни на облаву. Пришлось и старику идти со своим луком. Заметил хан на охоте, что старик из своего лука попадает во всякую дичь, какую наметит, и где бы она ни была. Заподозрел он и здесь какое-то чародейство и решил как-нибудь при случае проверить.

Через некоторое время нужно было хану идти

войной на своих врагов, неверных. Собрал он большое войско и вспомнил о старике-крестьянине. Послал за ним гонцов в его деревню.

С шумом и угрозами ворвались ханские гонцы в саклю крестьянина и стали тащить его к хану, чтобы итти на войну.

— Где же мне, старику, на войну итти!—взмолился крестьянин.—Лучше уж пусть повелитель возьмет моего сына Таз-оглана.

И пришлось Таз-оглану волей-неволей итти на войну. Принял его хан в свое войско и пошли все вместе в поход.

Перед первой же битвой, чтобы лучше наблюдать за Таз-огланом и его золоченым луком, поставил его хан позади всех, поблизости от себя. Таз-оглан обижен на такое невнимание и с укором сказал хану:

— О, славный из славных царей! О, всемогущий падишах! Я пришел помочь тебе осилить твоих недругов, да будет голова моя принесена в жертву на преуспеяние твоего рода. А ты ставишь меня позади всех, где я и врага не могу увидеть.

Пришлось согласиться хану и поставил он Таз-оглана в первых рядах. Началась битва, и стрелы Таз-оглана без промаха поражали врагов, так что ханское войско одержало полную победу.

Перед следующей битвой Таз-оглан стал просить предводителя войска:

— Разреши сразиться с вражеским войском мне одному!

Предводитель принял его за безумца, но доложил о просьбе хану. И хан повелел Таз-оглану выступить одному на поединок с огромным войском неприятелей.

Вышел Таз-оглан впереди своих воинов и стал вызывать врагов на бой. Смеялись над ним и с той и с этой стороны. Рассердился Таз-оглан и стал пускать в врагов свои стрелы. От каждой стрелы падала тысяча человек, и скоро большая часть вражеского войска погибла на поле битвы, а остальная в страхе разбежалась и была взята в плен воинами хана.

После битвы поехал предводитель к ханскому шатру для доклада. Удивился хан быстрому возвращению войска и спросил своего полководца:

— Не бежали ли вы от врага, не ломались ли ваши стрелы о храбрость его воинов?

— Нет,—ответил предводитель,—совершилось чудо, о, великий наш властелин. Враг наш уничтожен, и мы вернулись с поля битвы, не потеряв ни одного воина.

И рассказал предводитель хану, как один Таз-оглан разбил целую рать.

— Он волшебник и чародей!—воскликнул падишах,—ведите его ко мне.

Решил про себя хан, что нужно каким бы то ни было способом завладеть чудодейственным луком Таз-оглана.

— Ты великий богатырь и волшебник, ты достоин быть моим счастливым зятем, мужем моей любимой

дочери,—так объявил хан, когда ввели к нему Таз-оглана.

С великой победой возвратился хан со своим войском и с Таз-огланом в свою столицу. Вместе с празднованием победы праздновалась и свадьба Таз-оглана с ханской дочерью. Но ни на минуту не расставался Таз-оглан со своим луком. Когда жениха и невесту ввели вечером в их спальню, обратилась дочь хана, наученная отцом, к жениху с ласковыми словами:

— Скажи, храбрый воин, каким волшебством ты уничтожил вражескую рать, какой талисман направляет твой лук, о, мой повелитель.

— Никакого талисмана у меня нет,—ответил сын бедняка,—просто стреляю из лука.

— О, посланный мне небом муж-властитель, разреши своей рабыне осмотреть твой победоносный лук,—настаивала царевна.

— Это не женское дело,—отвечал Таз-оглан и лег в постель, засунув лук под подушку.

Но дала ханская дочь ему питья, в которое коварно подмешала сонного зелья, и поднесла понюхать платочек с одуряющим запахом. Таз-оглан тотчас же заснул. Тогда царевна быстро вытащила из-под подушки волшебный золоченый лук и побежала отнести его к отцу-хану.

Проснулся Таз-оглан и заметил, что нет ни жены, ни лука. Понял он тогда, что попал в ловушку и подвергается смертельной опасности.

Встал он с постели, проскользнул мимо дворцовой

охраны и бежал в дикие горы и дремучие леса. Даже к себе в деревню не решался он показаться.

Бедный старик-отец, лишившийся и волшебного платка, и кисета, и лука, и всех трех своих сыновей, не перенес постигших его невзгод и умер в бедности и горе. Очень горевал Таз-оглан, когда узнал об этом.

Много лишений и невзгод пришлось вынести Таз-оглану в горах и лесах зимою. Наконец решил он испытать свое счастье там, где оно доставалось отцу. Разыскал он в лесу то самое место, где отец трижды находил на дереве птицу. Нашел и увидел, что дерево стоит, несмотря на зимнее время, все зеленое, и листья на нем какие-то странные, и висят на ветках какие-то плоды, не то инжир, не то не инжир, и все спелые. Влез Таз-оглан на дерево, сорвал один плод, другой плод и поел их. Вдруг, о, ужас, почувствовал он, что у него на голове вырастают рога, два больших рога, как у козла. Очень испугался Таз-оглан, стал мотать головой, чтобы стряхнуть рога, коснулся при этом одним рогом листа на дереве, и рог отвалился. Сорвал он тогда лист, потерял им второй рог, и тот отвалился. Догадался тут Таз-оглан, какое волшебство досталось ему в руки. Собрал он этого чудесного инжира целую большую корзину, нарвал также листьев и решил воспользоваться этими подарками.

Достал себе Таз-оглан нищенскую стариковскую одежду, прилепил усы и бороду, надел мохнатую

шапку, взял корзину с инжиром и пошел в город к воротам дворца. Там он стал кричать:

— Продаю свежий инжир, продаю свежий инжир!

Услышала царевна, что продают свежий инжир, и стала просить хана, отца своего, чтобы купил он ей вкусных ягод.

— Разве может быть, чтобы в зимнее время был свежий инжир?—удивился хан.

Но взглянул в окно и увидел, что это правда.

И купил хан всю корзину. А Таз-оглан немедленно скрылся.

Царевна угостила хана, всех придворных и сама съела четыре ягоды. Все съели по четыре инжира, и вдруг выросло у всех на головах по четыре рога.

Был великий плач и стон при дворе хана. Все ходили с рогами. Нельзя было никуда показаться, и никого принимать. Призывал многих лекарей хан, но не нашлось никого, кто бы избавил от ужасных подарков. Объявил хан по всей стране, что тот, кто исцелит его, царевну и придворных от их недуга, унаследует трон падишаха и удостоится руки царевны.

Услышал этот зов Таз-оглан и явился ко двору.

Потер он листком один из рогов хана и отвалился он тотчас же на землю. В изумление пришел хан, а Таз-оглан ответил:

— Царь царей, я могу вас всех исцелить от этих рогов. Но не желаю я из твоих рук твоего трона. Выполни одно мое единственное желание.

— Каковы бы ни были твои желания, пусть все они будут исполнены,—обещал хан.

— Отдай мне мой золоченый лук,—потребовал Таз-оглан.

Узнал тут хан, кто стоит перед ним, и хоть пришел в ярость, но пришлось повиноваться. Принесли лук и вручили его Таз-оглану.

— А теперь,—сказал Таз-оглан,—немедленно дайте мне кисет и платок моих братьев. Да поторاپливайтесь, ибо не миновать вам иначе послушных стрел моего верного лука.

И направил Таз-оглан свое смертоносное оружие в хана и его царедворцев. В ужасе пали все к ногам витязя, а ханская дочь побежала за талисманами.

Взял талисманы Таз-оглан и направился к тюрьме, где сидели его братья. Натянул он тетиву, спустил стрелу и упали с двери все семь замков, как спелые яблоки под ударом ветра. Распахнул витязь двери темницы и вывел из нее всех, кто томился там по воле хана. Потом взял за руки братьев своих и вывел их на свет солнечный.

— Вот вам, братья, талисманы ваши,—сказал он.— Войдите во дворец и будьте первыми моими визирями.

А сам взошел на трон и стал править делами государства. А хан, его дочь и все приближенные остались бегать при дворе, помахивая рогами и блея по-бараньи.

СКАЗКА О СОРОКА ПЛЕШИВЫХ И ОДНОМ КОСОМ

АВНЫМ-ДАВНО, так что и сказать нельзя, было ли то в самом деле или не было, жили в одном царстве сорок плешивых и один косой. И обделила судьба этих плешивых разумом, но одарила зато косого хитростью и сноровкой.

И было в хозяйстве у каждого из друзей по одной корове. Каждый день выгоняли они своих коров на пастбище и оставались там на целый день. Так продолжалось до тех пор, пока косой не сказал однажды своим товарищам:

— Вот что, дорогие друзья. Каждый день выгоняем мы сорок одну корову и сами отправляемся вслед за ними на пастбище. Не лучше ли будет, если каждый из нас поочереди будет пасти все стадо?

Обдумали хорошенько плешивцы совет косого и решили, что так и вправду будет лучше. И стали со следующего дня заниматься этим делом по одиночке. Так прошло еще сорок дней.

Когда наступил сорок первый день, и очередь подошла к советчику, он заявил всем остальным:

— За то, что научил я вас уму-разуму, должны вы освободить меня от этой обязанности и выполнять ее вместо меня сами. Не даром же придумал я для вас такое облегчение.

Заподозрили тут плешивцы косого в лукавстве, обругали его и исключили его корову из общего стада. Ничего не оставалось тому делать, как взять свою скотину и уйти от товарищей. Выбрал он себе хороший чаир, построил на нем саклю и стал ходить за своей коровой самостоятельно.

Спустя немного времени плешивцы, пересчитывая как-то свое стадо, обнаружили в нем не сорок, а сорок одну корову. Проверили внимательно стадо еще раз и видят, что сорок первая корова—та, которая принадлежит косому.

Рассердились плешивцы еще больше, да и прирезали эту корову.

Когда косой обнаружил пропажу, пустился он на поиски и к вечеру нашел свою корову в лесу зарезанной. Нечего было делать, распотрошил он тушу, забрал мясо, а шкуру очистил от шерсти и высушил на солнце.

Через три дня взял он эту шкуру и повес в город,

чтобы продать там ее на базаре. До города было далеко, и дошел туда косой уже к вечеру. Так как было поздно, направился он на поиски ночлега и увидел на одной улице открытые ворота. Вошел он во двор, постучал в дверь сакли и попросил хозяйку, которая ему открыла, приютить его у себя до утра.

— Как же быть?—ответила женщина,—мужа-то моего нет дома, а неприлично женщине впускать на ночлег мужчину. Ну да на одну ночь принять можно. Входи, добрый человек, будь божьим гостем, вижу я, что ты парень непромах.

И, мигнув косому, женщина пригласила его в саклю.

Косой не заставил себя долго ждать, и не прошло много времени, как он сидел уже рядом с хозяйкой, предвкушая все сладости рая. Но случилось так, что только приступил он к самому главному, как раздался стук в дверь. Хозяйка, стараясь скрыть посетителя, сунула косого за полог на тахту и пошла открывать.

Косой увидел, как в саклю вошел еще один гость. Хозяйка приняла его с большим почетом, приготовила ему кофе и подала к столу чебуреки и разные сладости. И увидел косой, что этот гость был не кто иной, как великий визирь самого самаркандского падишаха.

В самый разгар пиршества снова раздался стук в дверь. Хозяйка кинулась было к двери, но визирь остановил ее и шепнул:

— Спрячь меня, джаным, пока что в потайнике.

Хозяйка повиновалась и впустила почетного гостя в домашний хамам¹.

После этого она направилась посмотреть, кто там стучит.

Как только вышла она из комнаты, косой поднялся с своей тахты, снял с плиты сковородку с кипящим салом и, проникнув в хамам, вылил это сало на голову спрятавшегося там визиря. Бедный визирь, не издав ни одного звука, в ту же минуту испустил дух. А косой вернулся на свое место и как ни в чем не бывало снова лег на тахту.

Когда хозяйка вернулась и окликнула визиря, ответа из хамама не последовало. Хозяйка еще и еще раз позвала гостя, но так же безрезультатно. Тогда она открыла хамам и с ужасом увидела, что гость лежал там с обгорелой головой, без малейших признаков жизни. Так велик был испуг бедной женщины, что повалилась она рядом с трупом великого визиря.

Когда она пришла в себя, то увидела стоящего над собой косого.

— Кто убил визиря?—спросила она слабым голосом.

— Это я сыркнул его сальцем со сковородки,—ответил косой.

— Ради аллаха, убери скорей этот труп,—взмолилась хозяйка.

— Ладно,—сказал косой,—я уберу его, только ты должна уплатить мне за эту работу два кисета золота.

Хозяйка немедля достала деньги и отсыпала кому, сколько тот просил. Получив плату, косой выволок труп на улицу и поставил его стоймя у самых ворот, прислонив спиной к забору.

На рассвете вернулся муж хозяйки. Увидев издали стоящего у ворот человека, он принял его за вора и несколько раз окликнул. Так как ответа не последовало, хозяин бросился на него с кинжалом и распорол мертвому брюхо. Каково же было его удивление и ужас, когда, присмотревшись к убитому, увидел он, что перед ним лежит великий визирь падишаха. Вбежав с саклю, хозяин бросился к жене и, задыхаясь от волнения, сознался, что только-что заколол главного приближенного самого властелина. В ужасе умолял он жену помочь избавиться от страшного мертвеца.

— У нас остановился на ночлег один божий странник,—ответила женщина.—Если мы его хорошенько попросим, то, может быть, он согласится убрать убитого.

Хозяин с радостью схватился за предложение жены и вместе с ней кинулся будить гостя.

— Дадите за работу два кисета золота, тогда я уберу его,—ответил проснувшись косой.

И немедленно, получив деньги, ловкач взвалил визиря на плечи и понес его на площадь. Дойдя до места, он втащил его на минарет и с криком «аллах экбер, аллах экбер»² бросил его вниз.

В это самое время у минарета стояла толпа моля-

шихся. Увидев неизвестно откуда свалившегося мертвеца и узнав в нем великого визиря, богомольцы пришли в ужас и прошептали один другому:

— Если падишах узнает, что любимца его нашли среди нас мертвым, ой, не одобровать тогда нам всем. Да поможет нам пророк найти такого человека, который бы взялся убрать усопшего.

— Дадите за работу два кисета золота, и я уберу этот труп,—предложил появившийся косой.

Богомольцы с радостью согласились и, собрав деньги, вручили их ловкачу. А тот снова взвалил на плечи мертвеца и, отправившись с ним к морю, сбросил его, наконец, со скалы в воду. После этого, побрякивая червонцами направился он довольный во-сво-сяи.

Дома он разложил червонцы на столе и пригласил полюбоваться ими всех своих прежних товарищей—сорок плешивцев. Плешивцы были поражены таким богатством косого и стали расспрашивать, каким образом смог он его раздобыть.

— Эх вы,—засмеялся хитрец,—закололи мою скотину и думаете, что сделали мне хуже. Да ведь на этом-то я и разбогател. Я порезал коровью шкуру на ремни, и так как ремни сейчас в большой цене, то я продал их в городе, и вон сколько золота уторговал. Жаль только, что не сделал я ремни потоньше, а то и еще больше бы червонцев загреб.

Услышали ато завистливые плешивцы и так

захотелось им тоже нажиться по случаю, что не смогли они утерпеть и, не допив кофе, бросились к своему стаду. В тот же час порезали они всех коров, содрали с них шкуры и наделали тонких-претонких ремешков. Потом наняли хаммалов, нагрузили их этим добром и двинулись в город на базар.

— Косе тасмасы, косе тасмасы!—кричали они во все горло.—Эй, правоверные, вот ремни продаем, вот ремни. Покупайте, пока еще не поздно.

Но никто даже и не подходил к неудачливым торговцам. Так протолкались они без толку на базаре целый день и вернулись домой ни с чем. И решили рассвирепевшие плешивцы так проучить надувшего их хитреца, чтобы отправился он беспрепятственно в лоно шайтана. Подкрались они к его сакле, схватили беднягу, посадили в мешок и поволокли к морю, чтобы утопить его.

Когда дотащили они его до самого берега и сели отдохнуть, косой, воспользовавшись этим, чтобы выиграть время, обратился к ним из своего мешка с такой речью:

— Друзья мои! Настал час покаяться мне во всем. Я очень рад, что понесу, наконец, кару за мои преступления. Но мне жаль, что мала эта кара и не искупит она всех моих злодеяний. Выслушайте же, о, умудренные аллахом, последний мой вам совет. Лес отсюда недалеко, сбегайте же туда и срубите каждый по одной доброй палке. Вы только подумайте, как достойно расправитесь вы со мной, если перед

отправлением в воду, выбьете из меня грехи ударами этих палок.

Сорок глупцов нашли совет косога столь благоразумным, что тотчас же отправились в лес за дубинками, оставив хитреца лежать в его мешке.

В это время проходил по берегу один богатый торговец со своим стадом барашков, которых он по скупости, чтобы не нанимать человека, гнал на базар сам. Увидев чем-то набитый мешок и решив, что здесь можно хорошо поживиться, жаднюга бросился к нему. А косой, услышав из мешка шаги кого-то постороннего, принялся кричать во все горло:

— Не хочу, не хочу! Нет, правоверные, хоть убейте, не согласен!

— Кто там орет?— обратился к мешку удивленный купец.

— Да вот хотят меня сделать падишахом,—закричал косой, а я вовсе не хочу им быть. Вот они и завязали меня в мешок и оставили тут до тех пор, пока я не соглашусь на их просьбы. Не хочу я, не хочу, хоть голову снимите, не хочу быть падишахом.

— Ну, и дурак же ты!—удивился купец.—Его хотят сделать властелином и богачом, а он еще артается. Да, давай, я вместо тебя влезу в мешок. А ты останься со стадом. Только смотри, верни его мне, когда я стану падишахом.

— Ну, тог а развижи скорей мешок и лезь в него, пока не вернулся джемаат.

Косой выбрался из мешка, переоделся в одежды

жадного торговца, а его самого всунул на свое место и крепко-накрепко завязал мешок веревкой. Потом посчитал приобретенных барашков и спокойно погнал их к себе домой.

Через полчаса вернулись из лесу со своими палками плешивцы. Услышав из мешка завывания купца и не подозревая о совершившейся перемене, они спросили, чего он там еще хочет.

— Я согласен стать падишахом, — заорал пуще прежнего купец. — Эй, джемаат, я передумал, я согласен стать падишахом.

— Ну, на же тебе падишаха, — закричали плешивцы и принялись колотить палками по мешку.

Натешившись вдоволь, они подволокли его к обрыву и столкнули вниз прямо в море.

Свершив это дело, направились плешивцы впергонку к сакле косога, чтобы поделить между собой его червонцы. Каково же было их удивление, когда, войдя в комнату, увидели они его снова живым и невредимым.

— Как же ты выбрался из пучины? — спросили они, вытаращив глаза на усмехающегося лукавца. — И откуда у тебя вдруг это стадо?

— Аллах велик, — ответил косой, — велики и его благодеяния. Если бы не спешил я притти сюда раньше вас, так я и еще больше барашков пригнал бы домой.

— А где же ты их достал? — спросили плешивцы, удивляясь все более и более.

— Да ведь видели же вы на море белые волны, которые называются барашками. Ну так знайте же, что морской царь не только спасает жизнь тем, кого насильно сбрасывают в море с этой волшебной скалы, но и щедро награждает их этими барашками, превращая их в настоящих. Вот и наградил он меня этим стадом. Когда, нырнув в воду, делал я «буль-буль-буль» — это я пересчитывал барашков и выбирал из них самых жирных. Видите, каких выбрал, один лучше другого.

— Не согласишься ли ты и нас сбросить с этой волшебной скалы, — начали упрашивать хитреда жадные глупцы. — Мы тоже хотим попытать счастья у морского царя.

— Ну, аллах с вами, так и быть, — согласился ко-сой, — я пойду вам навстречу.

И, сказав так, он повел умирающих от нетерпения глупцов к морю. Там он выстроил их шеренгой над самым обрывом и стал по одному сталкивать вниз. Когда отправил он таким образом тридцать человек, остальные десять спросили у него:

— Почему же так долго не возвращаются они со своими стадами?

— Потому что морской царь послал им барашков так много, что разбежались у них глаза и не могут они с ними справиться. Идите-ка и вы к ним на подмогу.

— Ну, скорей, скорей посылай и нас туда, а то нам ничего не останется, — закричали плешивые мудрецы.

И хитрый косой, идя навстречу желаниям плешивцев, отправил их легко и безболезненно к их достойным собратьям.

Потом выждал, когда стихли последние бульканья, и вернулся домой к своему хозяйству.

СКАЗКИ
ДРУГИХ СКАЗИТЕЛЕЙ

СКАЗКА О МУДРОЙ ДЕВУШКЕ

АВНЫМ-ДАВНО, так что и сказать нельзя, было ли то в самом деле, или не было, жила на свете одна девушка. Были бедны ее родители, ничего не имели, кроме старой сакли, но зато украшала их жизнь красота и ум их дочери. Соседи и соседи соседей приходили в трудную минуту к этой девушке, чтобы найти у нее мудрый совет и ласковое слово. И разглаживались морщины на лицах бедняков при виде такого чудесного цветка, выросшего в их маленькой деревне.

И вот дошли слухи о мудрости девушки до самого падишаха той страны. И задумал падишах для своей забавы испытать ее мудрость. Жадны и завистливы были очи властелина и хоть много визирей окружало

его, чтобы давать советы, но стало ему завидно, что какая-то дочь бедняка превзошла своим умом самых мудрых из его улемов. Вскипала в его сердце желчь, когда думал он что слава о ней затмевает славу самого падишаха. И решил он уличить ее и обесславить.

Призвал падишах главного своего визиря, переоделся с ним в одежды странников и направился в ту деревню, где жила девушка.

А была она в этот час дома одна. Даже не постучали в дверь падишах и визирь—думали, что неожиданным появлением смутят девушку и заставят ее сделать какую-нибудь глупость. Вошли они, оглядели ее с лукавством и попросили, именем аллаха, воды, чтобы утолить жажду. Но с достоинством встретила их девушка, не смутилась ничуть и подала им, чего они просили. Тогда они спросили, где ее мать и отец,

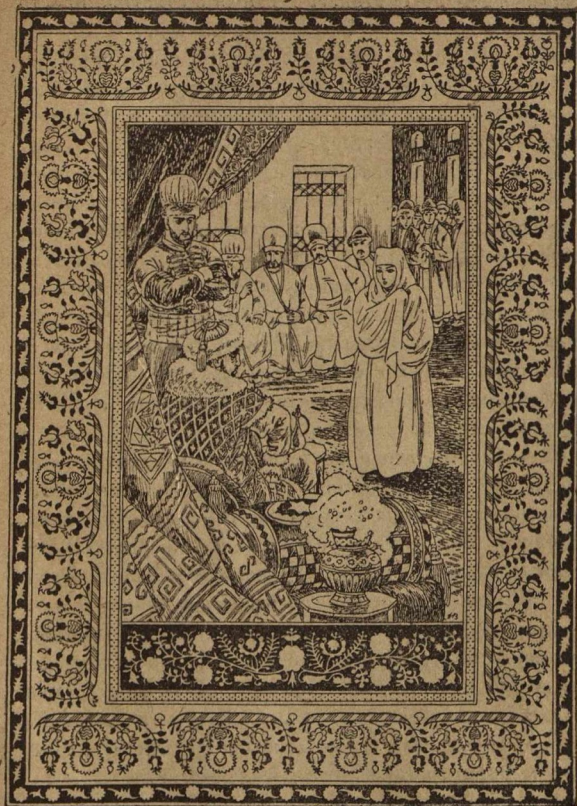
— Мать пошла небытие превращать в бытие,—отвечала девушка,—а отец пошел бытие превращать в небытие.

Ни у падишаха, ни у его визиря нехватило смекалки, чтобы понять загадочный ответ, и не нашлась они ничего возразить на это. Поблагодарили они за воду и сочли за лучшее, чтобы не показаться смешными, уйти подобру поздорову.

Прошло некоторое время, призвал падишах девушку к себе во дворец.

— Узнаешь ли ты меня?—спросил он ее.

Но и в пышном дворце среди гордых визирей и

царедворцев не смутилась девушка и ответила просто:

— Отчего же не узнать, о, повелитель. Я хорошо, помню, как вошли вы двое в безухий дом и спросили, где мои родители. И я ответила вам тогда, что мать моя отправилась небытие превращать в бытие, а отец—бытие в небытие.

— А что значат эти твои слова?—спросил падишах.

— Безухий дом—это значит дом без сторожа. В тот час, когда ты проник с визирем твоим в нашу саклю, собаки при ней не было. Когда же я ответила, что мать пошла небытие превращать в бытие, я хотела сказать этим, что она повивальная бабка и пошла принимать младенца. А отец,—неужели же не постиг ты этого своим высоким умом,—дровосек и отправился в лес рубить деревья, живые существа превращать в безжизненные дрова.

И удивились все присутствующие мудрости и смелости девушки. Юноши посылали ей пламенные взгляды, а мудрецы завидовали той легкости, с какой говорила она смелые слова самому падишаху. Ибо тащила их собственная мудрость по дороге жизни, как осел, со всех сторон обвешанный мешками с тяжелым грузом,—то был страх перед гневом падишаха, жадность к золоту, ради которого зерна истины меняли они на горы лжи и наущений. И даже старые пузатые придворные, которые дремали всегда на Диване¹,—протирали свои заплывшие жиром глазки, чтобы посмотреть на отважную красавицу.

Пуще прежнего вскипела в падишахе злоба, ибо не

понравился ему такой успех девушки. И решил он, во что бы то ни стало, унижить девушку перед приближенными.

— О, дочь моя,—сказал он,—ты воистину воплощение красоты и мудрости. Слова в устах твоих подобны жемчугам и изумрудам. Вот даю я тебе сорок баранов, по истечении года возврати мне их с сорока ягнятами, которых они родят. Если не сумеешь разрешить ты эту задачу, то повелю я бросить тебя в темницу, чтобы не смущала ты сердца людей ложной своей мудростью.

— Да исполнится твоя воля,—ответила девушка.

И, поклонившись падишаху, она приняла сорок баранов и погнала их к себе в деревню.

В ужас пришел ее отец, когда рассказала она о задаче падишаха.

— Но ведь бараны не могут родить ягнят!—воскликнул он.—Разве не знаешь ты этого, дочь моя? Зачем же обрекаешь ты себя на верную гибель? Горе тебе и всему нашему дому, ибо бросит падишах тебя в темницу, и разграбят тогда наше имущество хищные кадии.

— Не беспокойся, отец мой,—ответила смеясь девушка.—Зарежь-ка лучше к обеду одного из баранов, давно мы не ели плова. Да позови к обеду бедных соседей наших, пусть отведают падишахской баранины. А ответ перед падишахом, когда придет время, буду держать я сама.

Так постепенно съели тридцать девять баранов девушка, отец ее и добрые соседи.

Прошел год. И вот однажды донесся слух до деревни, что заболел падишах тяжелой болезнью. Тогда сказала девушка матери, чтобы приготовила та чебуреков из мяса последнего барана. Нажарила мать чебуреков наложила полный саган² и дала их дочери. Взяла их девушка и понесла в подарок падишаху.

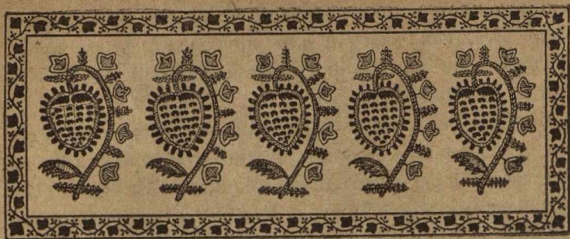
— Привет тебе, о, всеильный шах,—сказала она, представ пред его очи.—Слышала я, что родил ты царственного себе наследника и лежишь после родов в недуге. Вот и пришла я поздравить тебя и поднести тебе в подарок этих чебуреков.

Как ужаленный вскочил падишах со своего ложа.

— Дерзкая девчонка! Ты с ума сошла, что ли, что насмехаешься надо мной! Разве могут мужчины рожать детей! Из чьих дурацких уст слышала ты об этом?

— Да будет благодать аллаха над тобой, о, падишах, но слышала я это из твоих собственных уст. Ты разве не помнишь, что говорил о баранах? А если бараны могут рожать агнят, то почему же падишаху не родить наследника.

Поблуднел от злости грозный царь, но стыдно было ему признаться в том, что победила его молодая девушка. Откинулся он на свои подушки и притворился будто не слышал ее слов. А слуги, посмеиваясь в смоляные курчавые бороды, вывели девушку из дворца невредимой и воздали хвалу ее смелой мудрости.

СКАЗКА О ЛИСЕ И БЕШ-САЛКЫМ-БЕЕ

Ил некогда в одной стране молодой и очень бедный чабан. Ничего у него не было кроме сакли, да и та была ветхая и уже совсем развалилась. Решил чабан хоть немного украсить свою саклю и посадил у двери куст вьющегося винограда. Когда прошло три года, выросла на кусте большая гроздь и стала наливаться сладким соком. Обрадовался чабан тому, что будет он есть свой собственный виноград, изо дня в день любовался крупной гроздью и ожидал с нетерпением, когда она поспеет. Каково же было его горе, когда в одно утро вышел он к своему винограду и увидел, что от долгожданных ягод не осталось и следа. Кто-то успел уже насладиться ими.

На следующий год выросло на кусте уже две грозди,

и опять кто-то похитил их, как только начали они вызревать. Так каждый год прибавлялось на виноградной лозе по одной грозди и каждый год кто-то чужой лакомился ими.

На пятый год, когда народилось на кусте пять гроздей и стали они наливаться сладостью, решил чабан подстеречь вора и отвадить его так, чтобы уже не захотелось ему вкусных ягод. Каждую ночь ложился он в траве за саклей и зорко караулил свое сокровище.

Однажды лежал он так спрытавшись и увидел, что к кусту тихонько подкрадывается лиса. Как только хитрый зверь встал на задние лапы и потянулся к винограду, чабан выскочил из засады, схватил лису за хвост и стал ее колотить по чем попало.

Каково же было его удивление, когда лис заговорил человеческим голосом и стал умолять о пощаде.

— Не убивай меня, добрый чабан-ахай!¹ Пощади меня, прошу тебя! Я тебе отплачу за это таким добром, о каком тебе и не снилось никогда. Проси у меня, чего хочешь.

Чабан перестал бить лису и сказал:

— Ладно, Тильки-ахай², я дарю тебе жизнь, но только с одним условием: сосватай мне дочь нашего падишаха. Не выполнишь этого—тогда не попадайся мне в руки: из твоей шкуры сделаю я себе куртку, а череп твой выставлю здесь у винограда, чтобы было неповадно впредь таким ворам, как ты!

— Немного же ты просишь у меня,—сказал лис.— Сделаю я то, что ты хочешь, но обещаю и ты, что

— Хорошо, дорогой сват, я согласен отдать дочь свою за этого вельможу, но я хочу, чтобы был он достоин имени храброго джигита. Скажи бею, что как только он доставит мне все семь голов прожорливого Аждаги, который так измучил мою страну, в тот же день дочь моя станет его женой.

— Воля падишаха священна,—сказал лис.—Дай нам сроку три дня и ты увидишь все семь голов Аждаги у своих царственных ног!

Сказав так, Тильки-ахай почтительно попрощался с падишахом и направился домой.

На пути домой пришлось мудрому лису бежать по лесу и напали на него охотники с собаками. Спасаясь от погони, попал Тильки в страшную чашу и увидел там в камнях пещеру. Чтобы найти себе убежище Тильки тотчас же нырнул туда и пробрался в огромное подземелье. Но не успел он пошевелинуть хвостом, как душа у него ушла в самые пятки—в пещере лежало огромное чудовище ужасного вида с семью головами, в пастях которых могло поместиться по сорок барашков. Это был Аждага—страшный властелин подземного мира, гроза земных царей. Еще больше перепугался Тильки, когда увидел, что Аждага смотрит на него с жадностью всеми своими свирепыми глазами, сверкающими огнем на семи его головах.

— Вот и на сегодня судьба мне послала чем утолить голод,—прорычало и просвистало из семи пастей чудовища.

С этими словами Аждага обвинил бедного лиса своим хвостом и притянул к себе. Тильки-ахай призвал на помощь всю свою хитрость и, еле переводя дух, обратился к чудовищу:

— О, грозный падишах подземелий, непобедимый властитель недр! Знаешь ли ты, в какой опасности находится сейчас твоя жизнь!? Ослабь на минуту свои объятия, и я расскажу тебе все. Я прибежал сюда, чтобы спасти тебя!

Аждага разжал свои кольца, и Тильки продолжал:

— Твой дворец окружен сейчас несметным войском хана, который хочет водрузить твои благочестивые головы на шесты перед своей резиденцией, а из шкуры твоей собирается сделать себе палатку. Спасайся, Аждага, чтобы не погибнуть бесславной смертью.

Услышав такие слова, чудовище так испугалось, что задрожало всем своим скользким телом и принялось умолять лиса спрятать его от опасности. Тильки быстро оглядел пещеру, увидел огромную печь, в которой Аждага поджаривал свои жертвы, и шепнул чудовищу:

— Скорей, скорей полезай в печку, никто не сумеет найти тебя там!

Чудовище поспешило последовать совету лиса. А хитрый лис, как только увидел, что Аждага свернулся кольцами в печи, быстро собрал с пола пещеры солому и хворост и поджег их у самой печки. Дым повалил внутрь густыми клубами, и Аждага задохнулся, не успев выползти наружу.

Убедившись навверняка, что чудовище издохло, Тильки-ахай тотчас же пустился в путь, чтобы рассказать обо всем чабану. По дороге останавливал он караваны и приказывал купцам распространять молву о неисчислимых богатствах Беш-Салкым-бея. Напутствовав так многое множество купцов и прохожих, Тильки предстал, наконец, перед чабаном и оповестил его:

— Милостивый мой благодетель! Поручение свое я выполнил. Падишах отдает свою дочь тебе в жены, но прежде ты должен принести в подарок семь годов и шкуру подземного Аждаги!

— Но ведь я не в состоянии сделать этот невероятный подвиг!—воскликнул чабан.

— Не смущайся,—возразил лис,—я и для этого принял все меры. Я помогу тебе победить Аждагу, но только в том случае, если ты дашь клятву, что после моей смерти ты не выбросишь мое тело на съедение шакалам.

— Клянусь тебе, Тильки, бородой Мухаммеда, что когда наступит твой смертный час, я положу твое тело в золотую колыбель и подвешу ее в своем селении в знак нашей дружбы и великих твоих заслуг!

— Ну хорошо,—сказал лис,—на тебе эти червонцы и найми скорей сорок верблюдов, потом захвати с собой топор и пойдем в подземное царство!

Чабан тотчас же снарядил караван, взял все необходимое и последовал за Тильки в пещеру чудовища. В обширных подземельях Аждаги нашли они огромные сокровища. Сорок верблюдов пришлось нагрузить

драгоценностями, а взяли чабан и лис только маленькую горсточку из несметных богатств.

— А не погубит ли нас проклятый Аждага?—спросил чабан у Тильки.

В ответ на это лис подвел спутника к отверстию печи, и тот увидел огромную тушу отвратительного чудовища со страшными полубогоревшими головами.

— Полезай, Беш-Салкым, в печку, не бойся, проклятая его душа уже покинула это мерзкое тело. Руби ему головы и снимай шкуру, да торопись, потому что твой тесть уже ждет тебя. Скажешь падишаху, что ты и есть Беш-Салкым-бей и что это ты избавил его от окаянного чудовища.

Чабан сделал все так, как научил его хитроумный Тильки. Подвиг Беш-Салкым-бея так понравился падишаху, что он принял его с великими почестями и наградами. Семь голов Аждаги тотчас же были во дружены на шесты, а из шкуры чудовища была сделана палатка. Потом падишах созвал весь свой народ и, указав на смелого джигита, объявил его своим зятем и наследником. Сорок дней и сорок ночей длился пир, и неисчислимы были милости падишаха. А бедный, никому неизвестный чабан стал приближенным могущественного повелителя, начальником над всеми визирями, знаменитым беом Беш-Салкымом.

Прошел год. Ставши знатным вельможей, забыл Беш-Салкым обо всем том добре, которое сделал ему Тильки-ахай, мудрый лис. И Тильки решил испытать—выполнит ли клятву зять падишаха. Вот пробрался

он однажды в столицу, лег у самого дворца Беш-Салкым-бей и притворился мертвым. Увидев издохшую лису перед окнами дворца, слуги тотчас же донесли о том своему повелителю.

— Возьмите эту гадость и выбросьте ее на свалку!—сказал Беш-Салкым бей.

Прислуга так и сделала. Но хитрый лис на следующее утро снова лег у ворот бей.

— Немедленно уберите прочь!—закричал в гнев Беш-Салкым.— Выбросьте эту падаль шакалам, чтобы не пачкала землю перед моими воротами.

Снова лис был выброшен в яму и снова на утро появился перед дворцом, притворившись мертвым.

На этот раз Беш-Салкым-бей разгневанный выбежал из дворца и сильным толчком ноги отбросил Тильки в сторону.

— Сейчас же закопайте эту дрянь в яму!—закричал он на перепуганных слуг.— Чтобы не слышал я больше ее мерзкой вони. Иначе я вас самих велю зарыть в землю живьем.

Но каково было удивление Беш-Салкыма, когда после этих слов лис ожил и, поднявшись на задние лапы, заговорил:

— Разве не узнал ты, чабан-ахай, меня, твоего благодетеля? Разве забыл ты клятву, которую дал тому, кто возвел тебя на такую недосыгаемую высоту? Помнишь ли, как обещал ты мне, Беш-Салкым-бей, положить меня после смерти в золотую колыбель и подвесить ее в своем дворце в знак вечной благодар-

ности? Такова-то цена твоей благодарности, жирный вельможа! Так возвратись же, неблагодарный, к своему прежнему состоянию!

И не успел Беш-Салкым-бей опомниться, как Тильки исчез, а роскошный дворец на глазах изумленного чабана превратился в ветхую саклю с полусохшей виноградной лозой над дверью.

АБИБУЛА СОФУ
дер. Биюк-Узенбаш

Абибула Софу родился в 1883 году в деревне Биюк-Узенбаш в семье плотника. После смерти отца остался шестилетним сиротой. До 16 лет был чабаном—пас кулацких овец да нянчил кулацких детей. Шестнадцати лет мать отдала его в Узенбашскую медресе. Работал днем, учился по вечерам.

Демобилизовавшись после империалистической войны, стал работать в своем хозяйстве. В 1919 году, во второй период советской власти в Крыму, по организации в Узенбаше ревкома вошел в него и руководил в нем отделом народного образования. С ноября 1920 по 1921 год—председатель ревкома. 1922—1925 годы на различных советских должностях. 1925—1928 гг. — председатель Узенбашского сельсовета. В 1929 году организовал в Узенбаше артель инвалидов и

работает в ней по сне время заместителем председателя и заведующим производством.

Весельчак и остряк, Софу—страстный и беззаветный любитель сказок. Это—живая агитация за советский фольклор. Служба ничуть не мешает ему быть популярнейшим рассказчиком на территории целых двух районов—Ялтинского и Куйбышевского. Когда фольклорная бригада Дворца-музея выезжала по этим районам, каждый житель любой деревни указывал на Софу, с восторгом вспоминая его рассказы.

Любимый жанр Софу—это анекдоты о Насреддине и Ахмет-акае. Здесь он—в своей стихии и может буквально до утра, ни разу не повторяясь, заставлять своих слушателей покатываться от смеха. Импровизированные выступления Софу, благодаря живости его характера и мастерскому остроумию, собирают вокруг него огромную толпу и заменяют подчас в Узенбаше спектакли.

Оставляя анекдоты Софу для сборника о Насреддине, мы ограничиваемся здесь помещением одной из его сказок.

СКАЗКА О ЧАБАНЕ И ХАНЕ

ДИМ-ДАВНО, так что и сказать
зя, было ли то в самом деле или
было, жил в Крыму один молодой
н. Пас этот чабан свое стадо около
то ханского дворца и играл каж-
дое утро на своем хавале прекрасные мелодии, кото-
рые слогал он сам во время работы.

А у хана была молодая дочь, прекрасная как луна
на четырнадцатый день ее света. И долетела однажды
до ее слуха песня певца-чабана. Подошла она к окну
и принялась слушать нежные мелодии хавала¹. Жарко
забилося сердце принцессы, полными нежности гла-
зами искала она обладателя свирели.

Кончилась песня и из-за куста вышел молодой
красавец-чабан, черные глаза и брови которого сводили

с ума не одну девушку в столице хана. Еще сильнее забилося сердце молодой ханской дочери, и она страстно влюбилась в чабана. Не смыкала она глаз ночами, дожидаясь рассвета, чтобы услышать песню любимого и взглянуть на него.

И так прошло много дней, и не скрылась любовь девушки от зорких глаз хитрого и злого евнуха. И доложил евнух об этом хану:

— О, царь земли, тень аллаха на земле,—обратился евнух, целуя полы одежды грозного властелина.— Недостойно ведет себя твоя дочь. Она воспылала любовью к простому чабану, что пасет стадо против твоего дворца и играет на свирели под окнами принцессы. И каждое утро, обливаясь слезами, слушает твоя дочь пение и игру чабана.

В ярость пришел гордый хан, услышав это. И велел он схватить чабана и отрезать ему язык. Подстерегла стража на утро юношу, скрутила ему руки и отдала на страшное клеймение палачу-джеляяду.

Но знал джеляяд о невинности чабана и не захотелось ему губить парня совсем—отрезал он у него только самый кончик языка.

Не было пределов горю и гневу юноши, когда отпустили его с испорченным языком, ибо не чувствовал он за собой никакой вины.

Из среды обиженных ханом отобрал он сорок джигитов и ушел с ними в горы, к дорогам, по которым ходили караваны хана и его царедворцев.

Много убытков причинил чабани со своими друзьями

хану и его купцам, забирал он дорогие товары проходящих караванов и раздавал их бедным крестьянам. Напрасно высылал хан своих воинов, чтобы уничтожить грозный отряд чабана, тщетны были все меры—возвращались обратно ханские воины, разбитые на голову.

И дошла наконец смелость юноши до того, что начал он нападать со своим отрядом на поместья хана и посылать хану поклоны вместе с отрезанными ушами его царедворцев. Собрал тогда хан большое войско и двинулся сам войной на чабана.

Но много было друзей-бедняков у чабана и быстро они сообщили ему о грозящей опасности. Не стал чабан дожидаться ханских войск и ушел со своим отрядом в неприступные горные ущелья. И присоединялось к нему по пути все больше и больше обиженных и недовольных. Вырос мятежный отряд еще больше и стал наводить страх на злых богачей и на хищных чиновников хана.

Как ураган перелетал отважный герой-чабан со своим отрядом из конца в конец и был неуловим для ханских войск.

И охватил наконец хана страх и перестал он спать по ночам, ожидая появления грозного мстителя.

И вот объявил он, что если найдется джигит, который сумеет поймать чабана-предводителя, то отдаст он ему в награду собственную дочь и сделает его наследником своего престола.

Глашатаи разнесли эту весть всему ханству и дошло

это до ушей самого чабана. Посмеялся над этим отважный юноша и решил с еще большей ловкостью отомстить хану.

В один прекрасный день переоделся он в странника-купца и пришел с товарами на спине ко двору хана. Случилось, что не было дома властелина и о приходе купца сообщили его дочери. Та пригласила купца к себе, и когда они остались вдвоем, юноша сорвал с себя приклеенную бороду и предстал перед девушкой молодым красавцем джигитом, в котором она сразу узнала своего возлюбленного.

— О, бесценная звезда моей ночи!—воскликнул юноша.—Не время нам сейчас изливаться в любви. Отец твой сейчас охотиться за мной, как за диким зверем. Когда он вернется, скажи ему, что Алим-батыр берется изловить и доставить ему чабана и просит обещанной руки принцессы и сто кисетов золота.

Сказал и удалился из покоев возлюбленной.

Гневный, еще больше озлобленный неудачами, вернулся хан во дворец. Навстречу ему вышла дочь и сказала:

— О, тень аллаха на земле, мой возлюбленный отец. Твоя дочь хочет обрадовать тебя благой вестью. Сегодня приходил во дворец Алим-батыр и просил передать великому хану, что он готов поймать чабана-айдамаха² и просил выполнить твое обещание.

Хан недоверчиво покачал головой, но все же послал царедворца за Алимом-батырем.

Тот не заставил себя долго ждать.

— Зачем ты пришел ко мне, о, джигит? — спросил его хан.

— О, повелитель Крыма и Кавказа, — ответил чабан. — Твои глашатаи объявили, что кто изловит чабана-айдамаха, тому падишах обещает в жены свою дочь и сделает его наследником престола. Подтвердишь ли ты это обещание, о, повелитель земли и моря?

— Ханы крымские не бросали своих слов на ветер, — гордо ответил хан.

Оглядевшись по сторонам чабан и, увидев, что они одни, спросил насмешливо:

— Не могу ли я обещанное получить сейчас же, о, повелитель?

— Как ты смеешь смеяться над великим падишахом! — закричал в ярости хан.

Но едва только поднял он руки, чтобы хлопнуть в ладоши, как длинный кинжал чабана-мстителя навис над его грудью.

— Не будем, о, царь царей, призывать в свидетели никого, кроме аллаха. Видишь ли, хаканым³, как быстро исполнил я твой приказ привести к тебе ненавистного чабана, которого ты два года тому назад, помнишь ли, о, падишах, за любовь твоей дочери велел искалечить. Вот он и стоит перед тобой, твой враг и ненавистник.

И юноша, открыв рот, показал хану свой язык.

В ужасе увидел хан, что перед ним стоит сам гроз-

ный, бесстрашный чабан-айдамах. Затряслись у него поджилки, согнулась спина, опустилась низко голова, бессвязно шевелились побледневшие губы. Ничего не оставалось от гордости и величия повелителя человеческих жизней. Единственным желанием его в эту минуту было спасти свою жизнь. А джигит-чабан, насмешливо улыбаясь, продолжал:

— Итак я выполнил свое обещание, привел перед твои светлейшие очи, о, счастливый хан, живого чабана-айдамаха. Почему же не вижу радости на твоём лице? Дошла очередь до тебя, о, тень аллаха, выполнить обещание.

При этих словах он вынул готовый написанный фирман⁴ и положил его перед ханом.

— О, повелитель правоверных, я все обдумал за тебя, тебе придется только приложить тамгу⁵, позвать твою дочь и приказать хазнедару выдать мне в течение десяти минут сто кисетов золотых червонцев.

Ничего не оставалось хану, как выполнить точно приказание смелого джигита.

Дрожащей рукой подписал он фирман и поставил печать, а красавица сама вышла из соседней комнаты, потому что уже поджидала этих слов своего возлюбленного.

— О, моя возлюбленная, — обратился к ней чабан, — твой родитель, великий хан Крыма, отдает мне тебя в жены и дарит сто кисетов золота в награду за честно выполненную мною работу. Но счастье лишило его возможности говорить и двигаться, вот его пись-

менное распоряжение хазнедару о выдаче обещанного.

И когда вернулась принцесса с кيسами золота, джигит-чабан учтиво поклонился хану и сказал:

— А теперь прощай, о, тень аллаха на земле, да смотри, не забывай Алима-батыря, не обижай беззащитных правоверных, иначе ты не так легко отделаешься от меня.

И, сказав это, он быстро схватил красавицу на руки, и не успел хан притти в себя, как они уже мчались на быстром, как ветер, коне далеко за пределами дворца. Захлопал хан в ладоши, затопал в ярости ногами, закричал, что было силы.

Сбежалась стража.

— За айдамахом! — зарычал хан.

Вскочили его воины на коней, помчались вдогонку. Но где им догнать лихого джигита на быстром как ветер коне.

СКАЗКА

О ПЛАЧУЩЕМ ГРАНАТЕ И СМЕЮЩЕЙСЯ АЙВЕ

АВНЫМ-ДАВНО, так что и сказать нельзя, было ли то на самом деле, или не было, жил в одной стране могущественный падишах. Тщетно молил он аллаха даровать ему сына, тщетно раздавал он зекят¹ дервишам—не посылал ему аллах наследника. Девять раз беременела жена, и девять раз рождались девочки.

Наконец приблизился день, когда жена должна была разрешиться от бремени в десятый раз. Грозен был падишах и сказал жене:

— Внемли, о, дерзновенная. Нет у меня никого, кто бы унаследовал трон мой. Если на этот раз родишь ты девочку, то предам я и тебя и ее позорной смерти.

В ужас пришла несчастная женщина, с трепетом стала ожидать она рокового дня.

Но не помогли угрозы падишаха, наступил день и вышла из чрева матери девочка. Так красива была эта девочка, что затмила она всех своих девять сестер. Но не в радость это было бедной матери, с минуты на минуту ожидала она гибели. Вся в слезах обратилась она к бабке и поведала ей свое горе.

— О, разрешившаяся от бремени,—сказала старуха,—стоит ли горевать, когда аллах послал меня помочь твоей беде.

С этими словами бабка достала воск и вылепила из него то, что отличает мальчика от девочки. Так искусно сделала бабка, что не отличить стало девочку от мальчика.

Сильно обрадовалась бедная мать, а хитрая старуха дала знать падишаху о рождении сына и встретила его поздравлениями:

— О, царь царей. Мужделер олсун. Мужделер олсун². Да будут твои очи радостны. Великий аллах ниспослал тебе долгожданного наследника.

И, слегка приоткрыв ребенка, старуха показала его падишаху. Тот сейчас же пожелал взять его на руки, но бабка отстранила его:

— Аллах не велит царям брать на руки детей, чтобы не сглазить их.

В тот же день падишах устроил пир, и сорок дней и сорок ночей длилось богатое угощение.

Прошли годы. Настало время сюннета³. С каждым днем увеличивалось волнение матери, ибо должен был наступить час, когда узнает падишах об обмане. Вот однажды сидела она, закрыв лицо руками, и горько оплакивала свою участь. В это время дочь ее, которую назвала она Нариман, подошла к матери и спросила ее о причине слез.

— О, сердце мое,—ответила мать,—как же мне не плакать. Завтра предстоит твой сюннет, и грозный падишах узнает, что ты девочка. Он тотчас же велит отдать нас обеих в руки джеляда.

— Не плачь, о, родившая меня,—ответила Нариман,—я завтра же пойду к повелителю и упрошу его отсрочить мой сюннет до следующего года. И ты будешь спасена на все это время.

Когда настало утро, девочка подошла к падишаху и, поцеловав его руку, принялась плакать.

— О, радость моего престола, чем ты обижен?—спросил падишах.

— Завтра предстоит мое обрезание,—ответила хитрая девочка.—Но я ведь еще слишком мал для этого. Подожди, о, повелитель, еще один год.

— Да утешит тебя аллах,—ответил падишах,—иди и будь спокоен до следующего года.

Весело побежала Нариман обрадовать свою мать.

Снова прошел год, снова приблизился день сюннета. Снова, закрыв лицо, плакала мать, предаваясь отчаянию.

— О чем ты плачешь?—спросила Нариман,

— О, драгоценная дочь моя. Разве забыла ты, что ты не мальчик и что мы погибнем с тобой, как только падишах узнает об этом.

Снова пошла девочка к грозному родителю и выпросила у него на год отсрочки.

Прошел и этот год. Застала однажды Нариман мать свою опять плачущей. Не стала она ни о чем спрашивать ее, ибо знала причину отчаянья. Обняла она мать и стала плакать с ней вместе. И сказала ей мать:

— О, свет очей моих, о, единственная радость моего существования. Два года удавалось оттянуть нам страшный час. Быстро протекли эти два года и не удастся нам больше отсрочить роковой сюннет. Завтра узнает падишах о нашем обмане и предаст нас позорной казни.

— Выслушай меня, о, бесценная моя мать,—ответила Нариман.—Я спасу и тебя и себя. Завтра же в час сюннета возьму я самую быструю лошадь из падишаховой конюшни и убегу, куда глаза глядят. И никто не узнает о нашей хитрости.

Еще сильнее заплакала мать, но ничего ей не оставалось, как согласиться с решением дочери. Поцеловала она ее крепко и дала свое благословение.

На утро велел падишах раскинуть богатые шатры, шитые золотом и серебром, созвал народ и объявил великое празднество сюннета. Когда все приготовления были кончены, подозвал он к себе Нариман и сказал ей:

— О, наследник моего престола, ты вступаешь в пятнадцатый год своей жизни. Шариат Магомета повелевает произвести над тобой обряд суннета. Сегодня ты уже не сможешь отказаться от этого.

— Слушаю, о, повелитель,—ответила девушка.—Закон повелевает жертвовать за тебя даже жизнью. Но позволь мне в последний раз перед тем, как я стану мужчиной, воспользоваться еще моими детскими потехами и прокатиться на одном из твоих коней по этой площади.

Не подозревая ничего плохого, падишах повелел конюху вывести лучшего жеребца из своей конюшни. Взяла его под узды Нариман, упала на шею и заплакала горячими слезами.

И заговорил конь человеческим голосом.

— О чем ты плачешь, Нариман?—спросил он девушку.

Удивилась Нариман этому чуду и рассказала коню о своей горе.

— Не плачь, джаным,—сказал конь.—Я спасу тебя. Садись на меня верхом и крепче держись за уздечку. А я, как стрела, выпущенная из лука, помчусь из этой проклятой страны, где и мне достается немало горестей.

Обрадовалась девушка, села на лошадь и проехала, гарцуя перед гостями. Диву дивились воины, глядя на смелость юноши. А всадница проехала по площади и шепнула лошади на ухо слово. Взвился на дыбы жеребец и как ветер бросился через войско. Не

успел падишах моргнуть глазом, как от Нариман и след простыл.

Разъяренный падишах тотчас же приказал послать погоню, но разве можно было догнать чудо-жеребца. Он за один день перенес Нариман в такие земли, каких и за шесть месяцев не достиг бы самый быстроногий конь.

На следующее утро остановился он в лесу на поляне и сказал сидящей на нем девушке:

— Ты вне опасности. Теперь я должен покинуть тебя. На прощанье дам я тебе три волоса из моей гривы, возьми их, и когда придется тебе попасть в беду, потри их друг о друга и я явлюсь перед тобой, где бы я ни был дотол.

Взяла Нариман эти три волоса, поблагодарила своего избавителя и пошла по поляне в сторону солнечного восхода. А чудный конь взвился на дыбы и умчался в другую сторону.

Долго ли коротко шла Нариман, только увидела она вскоре перед собою невиданной красоты дворец. Был он весь из чистого серебра, а крыша блестела на солнце золотом. Подле дворца стояла в стороне падишахская кухня. Нариман направилась к этой кухне и, постучав, вошла в нее. Там она увидела кашеваров, готовящих разные кушанья. Подошла она к старшему из них и сказала:

— О, уста-баши, возьми меня к себе помощником, я буду работать за двоих и готовить самые вкусные блюда.

Кашевар посмотрел на девушку и сказал:

— Эй, кто там!—закричал он.—Признавайся, кто убил дива. Десять тысяч червонцев даю джигиту, избавившему меня от его когтей.

Приблизились визири к спальне и затрепетали от страха при виде мертвого чудовища. Но падишах снова спросил о смельчаке, и жадные придворные наперебой кинулись к повелителю.

— Это я, это я, это я,—кричали они, хватаясь за полы падишахова платья и отталкивая друг друга.

— Хвалю вас, верные мои друзья, за вашу доблесть,—сказал падишах.—Вот вам червонцы, поделите их поровну между собою.

И падишах бросил алчным визирям несколько мешков золота. Те в драке начали расхватывать его. А падишах, довольный и радостный, крикнул, чтобы и все остальные слуги пришли получить из рук повелителя по два червонца в знак чудесного избавления.

Все слуги пришли получить награду, пришли и кашевары, пришел и уста-баши. Не пришел только тот, кто в самом деле убил дива, храбрая девушка Нариман.

— Не из-за спасения падишаха подвергала я себя опасности,—решила она,—не нужны мне его два червонца.

Вернулись кашевары, звеня деньгами, удивились они скромности своего помощника.

— Ты чего же, оглан, не идешь к падишаху?—спросил девушку уста-баши.—Разве не охота тебе облегчить падишахский кисет на пару золотых?

— Боюсь, что прогонит меня падишах,—сказала девушка.

А потом решила:

— Ладно ж, пойду и я, но скажу падишаху правду. И предстала пред очи властителя.

— О, повелитель правоверных,—сказала она,—пред тобой тот, кто избавил тебя от смерти. Что дашь ты мне в награду?

— Дерзкий мальчишка!—заорал в гневе падишах.— Смеяться ты, что ли, вздумал над своим господином? Прочь отсюда, пока не отдал тебя джеляяду!

Нариман вынула из кармана ухо дива и протянула его свирепому падишаху.

— Вот доказательство правдивости моих слов,—сказала она.

Схватил падишах ухо дива, приложил его к телу в том месте, где ему надлежало быть, подошло ухо как-раз в пору.

Не было пределов изумлению падишаха. Еще больше удивился он, когда рассмотрел, что перед ним стоит мальчик всего на всего лет пятнадцати от роду.

— Требуй от меня, чего хочешь, слово мое да будет камнем,—воскликнул, не успев опомниться, падишах.

— Хорошо,—ответил витязь,—раз обещаешь ты мне все, чего я ни пожелаю, то отдай мне в жены твою дочь, что одета в красные одежды.

— Много же ты хочешь!—рассердился падишах.— Сколько доблестных шах-заде сваталось за мою дочь, всем я отказывал, а теперь отдам тебе, грязному кашевару!

— Берегись, повелитель,—сверкнув глазами, сказала Нариман.—Берегись не сдержатъ слова! Меч мой разит не только дивов.

Вспомнил падишах о смерти дива и испугался зловещим словам стоящего перед ним джигита. Понял он, что не избежать ему кары этого юноши, если попробует он отказаться от своих слов.

— Ладно,—сказал он.—Я отдам тебе в жены мою дочь, но должен ты сперва спросить ее согласия. Эй, слуги! Позвать мне дочь!

В пышной красной одежде предстала красавица перед очи падишаха и смелой Нариман.

— Этот витязь должен стать твоим мужем,—сказал шах.—Что скажешь ты, звезда моей ночи?

— О, повелитель мой,—ответила девушка.—Не мне прекословить твоим велениям. Но дай мне для решения срока одну ночь. Я погадаю о судьбе моей и скажу тогда свое слово.

Видела хитрая дочь падишаха, как моргнул ей отец, и не захотела сама согласиться на обручение с простым кашеваром. И удалилась к себе в покой.

Наступил вечер и наступила ночь. В полночь подкралась Нариман к двери своей невесты и принялась смотреть в щелку, что делает ее суженая. И увидела такое необычайное зрелище. Дочь падишаха поставила на пол золотой таз и доверху налила его водой из кувшина. В ту же минуту окно раскрылось и через него влетел в спальню белый голубь. С легким воркованьем окунулся он в воду и... вышел из таза пле-

чистым юношей. Подошел он к падишаховой дочке, обнял ее и стал тешить нежными ласками.

— О, мой милый,—сказала падишахская дочка.— Судьба повелевает мне стать женой дерзновенного кашевара. Если не соглашусь я на это, погубит он и меня и моего родителя. Научи, как избавиться от этого пехлевана.

— О, султаным,—ответил юноша,—предложи этому парню сделать что-нибудь невозможное. И погуби его страшной смертью. Знаю я, что в подземном царстве, в логове у царя дивов спрятано волшебное зеркало, чудесно показывающее человеческую судьбу. Ни одному еще человеку не удавалось увидеть того зеркала. Всяк погибал, кто пытался его похитить у дивов. Обещай этому дерзкому стать женой его тогда, когда подарит он тебе это зеркало.

К утру превратился юноша снова в голубя и улетел в окно. А падишахская дочь вышла к отцу и к Нариману, уже ожидавшей ее, и объявила:

— Я согласна, о, царь царей, но прежде пусть подарит мне жених мой зеркало из царства дивов.

— Хорошо,—ответила Нариман,—я достану тебе то, чего ты просишь.

Вышла девушка-пехлеван из дворца, достала заветные волосы и потеряла их друг о друга. В ту же минуту появился перед ней конь-избавитель.

— О, мой верный хранитель,—сказала ему Нариман,—помоги мне достать зеркало царя дивов.

— Садись на меня верхом,—ответил конь,

И как только девушка исполнила это, чудо-конь взвился на дыбы и быстрее ветра помчался в царство дивов.

Долго ли коротко он летел, только остановился в дремучем лесу у самого ущелья.

— Ну, джаным, я пронес тебя через самую трудную дорогу, теперь ты сама спустишься в ущелье и разыщи в нем пещеру дива. Войдешь ты туда и увидишь все семейство чудовищ. Присмотришься внимательно: если глаза у них закрыты—значит не спят, бодрствуют дивы, если открыты—значит спят. А если спят, то подходи спокойно и бери зеркало, оно висит над самой головой их царя. Но заклинаю тебя, выходи скорей, не оборачиваясь назад.

Выслушала Нариман совет лошади и спустилась в ущелье. Там нашла она черную пещеру и проникла в нее беспрепятственно. И увидела в ней страшных чудовищ отвратительного вида. Были открыты веки дивов и зловеще блестели зрачки их зеленых глаз. Над головой самого огромного из дивов висело зеркало,—чудесный талисман, открывающий судьбу человека. Быстро выхватила Нариман зеркало и бросилась из пещеры не оглядываясь. Когда проснулись дивы, неслась она уже на своем коне обратно ко дворцу падишаха. Там попрощалась она со своим верным другом и предстала пред очи властелина.

Позеленел от злости падишах, когда увидел в руках Нариман волшебное зеркало, побледнела красавица-дочь, поглядев на храброго витязя.

— О, повелитель мой,—сказала она отцу,—я вижу, что жених мой достоин моей руки, но позволь мне еще одну ночь поразмыслить над своим жребием.

И удалилась хитрая царица в свои покои.

Снова наступила ночь и снова подглядела Нариман, как влетел в спальню к невесте белый голубь и превратился в широкоплечего юношу. Опять ласкал он падишахскую дочь и выслушивал ее жалобы.

— Пусть достанет тебе твой жених чудодейственный камень из царства ифритов,—посоветовал юноша.—Если достал он зеркало, то навряд ли удастся ему выйти живым из мест, где хранится этот камень. Ни одно еще человеческое дыхание не овеивало сего талисмана. В страшном логове хранит его царь ифритов.

Вышла утром дочь падишаха и объявила Нариман свое желание.

— Есть у царя ифритов волшебный камень, достань его, и стану я твоей женой.

— Воля твоя будет исполнена,—сказала Нариман и вышла из дворца.

Вынула она из кармана волосы и потерла ими друга о друга. И появился перед девушкой конь-избавитель.

— Что угодно моей хозяйке?—спросил он человеческим голосом.

— О, мой добрый друг и спаситель! Помоги мне еще в одном деле. Есть в царстве ифритов камень чудодейственной силы. Помоги мне достать его и не будет пределов моей благодарности.

Взял чудо-конь Нариман на свою спину, взвился

на дыбы и помчался быстрее ветра в царство ифритов. Принес он ее в дремучий лес и остановился перед горной расселиной.

— Иди в эту щель,—сказал он,—и увидишь в ней дверь из целой скалы. Семь раз взмахни левой рукой от востока к западу. Повернется скала и пропустит тебя в пещеру. Там найдешь ты ифрита, от одного вида которого меркнет свет в очах человеческих. Семь глаз сверкают в его безобразной голове,—если увидишь, что средний глаз его открыт, а остальные закрыты, значит не спит чудовище. Семь раз взмахни тогда правой рукой от запада на восток и откроются два крайних глаза, но закроется средний. И заснет тогда ифрит крепким сном. Ты открой золотой сундук, что стоит у его изголовья, и возьми оттуда чудодейственный камень. Но не оглядывайся назад, когда будешь уносить его, сколько б проклятий не посылало тебе чудовище.

Смело вошла Нариман в пещеру ифрита и в точности исполнила все наставления своего друга. И как только достала она из сундука талисман—страшные ругательства посыпались за ее спиной.

— Будь ты проклят вовеки-веков,—кричал ифрит.—Если ты мужчина, то превратись в женщину, если же женщина, то стань мужчиной.

Твердо помнила Нариман наставления лошади и не обернувшись вышла из расщелины.

— Проклинал ли тебя ифрит?—спросил конь, поджидавший у дерева.

— Да, — ответила Нариман, — он предавал меня заглядьям и кричал, что если я женщина, то стану мужчиной.

— Поздравляю тебя с превращением, — сказал конь. — Отныне желание твое исполнено, и ты больше не женщина, но настоящий витязь.

Не поверила Нариман словам коня. Но взялась за место, где лучше всего видно различие, и обнаружила, что проклятие исполнилось.

Закричала Нариман от радости и бросилась обнимать своего верного друга. Исполнилась ее заветная мечта, и стала она мужчиной.

Вернулся Нариман в падишахов сераль и предстал пред очи повелителя.

— Желание дочери твоей исполнено, — сказал он, — вот камень, который она просила.

И протянул Нариман талисман, и засверкала зала дворца от чудного его сияния. Увидела падишахская дочь, что стоит в этом сиянии дивный юноша — витязь Нариман. И воспламенилось сердце ее страстью к этому джигиту.

— Я согласна, — сказала она, — стать женой этого витязя.

Белее снега стало от злости лицо падишаха. Увидел он, что изменила ему любимая дочь его. Закипела в его сердце черная злоба против кашевара и сказал он, скрипя зубами:

— Ну, зятек, значит, справим свадьбу. Но нужно нам к свадьбе украсить дворец самым лучшим укра-

шением. Знай, что в дальнем саду пери растут два деревца, которых никогда еще не удавалось увидеть глазам человеческим. Растет в этом саду плачущий гранат и смеющаяся айва. Кто бы ни подошел к тем двум деревцам, тотчас же начинает плакать гранат, и громко смеется над его слезами веселая айва. Как только принесешь ты эти два деревца, тогда и справим мы свадьбу.

Знал падишах, чем погубить Нариман. Знал, что охраняет эти деревья несметное войско злых джиннов и не подпустит оно ни на шаг ни одного пришлеца.

— Воля властителя будет исполнена,—сказал Нариман.—Завтра же будут пред тобой плачущий гранат и смеющаяся айва.

Вышел витязь во двор и потер друг о друга конские волосы. Зашумел ветер и предстал перед юношей конь-избавитель.

— Что угодно моему повелителю?

— О, мой друг и спаситель,—ответил Нариман.—Нужны мне два деревца из сада пери. Есть в нем гранат, плачущий человеческими слезами, и айва, смеющаяся человеческим голосом. Помогите мне достать эти два чуда, и будет это последнее мое поручение.

— Трудноватую задачу даешь ты мне,—вздыхнул конь.—Тяжелы были задачи, когда был ты девушкой, но всемеро тяжелее стала задача, когда стал ты юношей. Но ради тебя готов поплатиться я своим дыханием. Садись же на мою спину.

Вскочил джигит на спину лошади, и лошадь как птица взвилась на воздух.

Долго мчались конь и джигит, много государств оставили они позади. Семь дней и семь ночей не слезал Нариман со своего верного друга, а на восьмой день остановился конь в горах Кафдага.

Высокие горы поднимались к самому небу, а внизу в ущельях ревели грозные потоки. И остановился конь на горной поляне у самого обрыва. Над обрывом барахталось трое мальчиков, отбивая друг у друга какие-то вещи.

— Видишь ли ты, из-за чего дерутся мальчишки? — спросил конь Наримана. — Умер у них отец и оставил в наследство три талисмана — овечью шкуру, папаху и лук со стрелами. Вот они и не могут поделить между собою эти талисманы. Знай, что без этих вещей не достать тебе чудесных деревьев.

Слез Нариман с коня и подошел к ребятишкам.

— Давайте, я помогу вам поделить наследство, — сказал он.

Взял он лук, натянул тетиву и пустил стрелу. Велика была сила у витязя и полетела стрела высоко в горы.

— Тот, кто первый найдет эту стрелу, получит все, что здесь останется, и поровну поделит между братьями.

Дети тотчас же устремились за стрелой, а Нариман взял все три талисмана, положил на их место три кучки золота и, вскочив на коня, пустился в дальнейший путь.

Долго ли, коротко мчались конь и всадник, только

добрались они, наконец, до сада пери. И сказал конь Нариману:

— Надевай ты эту шапку-невидимку, садись на шкуру и погоняй ее кнутом. Вознесет тебя шкура овечья на воздух и проникнешь ты в сад беспрепятственно. Там натяни лук и пусти стрелу как-раз между деревцами. Выйдут сами деревья из земли и отдадутся тебе послушно в руки.

Так и сделал Нариман-джигит. Сел он на шкуру, надел шапку и, взмахнув кнутом, взвился на воздух. Опустился он на землю между деревцами, и заплакал горько гранат и засмеялась весело айва. Услышало это войско пери и бросилось к волшебным деревьям. А Нариман натянул тетиву и пустил стрелу между деревцами. Тотчас же выскочили они из земли и поднялись вместе с джигитом на воздух. И полетел Нариман, держа в руках волшебные растения. А пери бесновались внизу, но не могли ничего сделать, ибо скрыт был от взоров их витязь шапкой-невидимкой.

Радостно встретила Наримана падишахская дочка, ибо любила она уже его страстной любовью. А падишах, как только увидел юношу, так затрясся от злости, что схватила его лихорадка и умер он, не сходя с места.

Взял Нариман невесту под руку и вошел с ней во дворец.

На другой день обвенчали новобрачных, и началось пирование.

Сорок дней и сорок ночей длился пир и неисчислимы были блюда, подаваемые к столу.

МЕМЕТ МУРТАЗАЕВ

д. Гучук-Кой

Родился в 1917 году в дер. Саватке Балаклавского района. Одного года лишился отца и остался сиротой на руках матери — первушинской батрачки.

С 1926 года работал по найму в курорте Кастрополь. В конце 1929 года был призван в Красную армию и прослужил в ней до конца 1931 года. С 1931 по 1934 год работал в Оползневом управлении рабочим. В конце 1934 года вступил в колхоз „Красный партизан“.

Сказки слышал от матери и от дяди — Османа Сеферше. Рассказывает вдумчиво и спокойно, почти не прибегая к помощи жестикulyции. Склонен к импровизации.

СКАЗКА О КУЛЬБАСТЫ-БАТРАКЕ И КОСЕ-БОГАЧЕ

ИЛ однажды на свете старый чабан и было у этого чабана три сына. В такой бедности жил старик, что нечем ему было кормить своих детей. И решил он отдать старшего своего сына в батраки к богатому мурзаку Косе-баю. Повел он сына к Косе и попросил, чтобы принял он его на работу.

— Хорошо,—согласился Косе-бай,—я возьму этого парня к себе в батраки, только должен он выполнить мое условие: дам я ему пару волов, и пусть вспашет он за день столько земли, сколько сможет обежать ее моя собака. Выполнит условие,—пусть остается работать, а не выполнит, тогда нагружу я на него мешок с семью батманами¹ соли и пусть

под его тяжестью заканчивает начатое. Если же и с грузом не вспашет он землю, тогда сдеру я с его спины семь полос кожи и прогоню домой. Согласен ли ты на такие условия, или нет?

Страшны были условия богача, но еще страшнее была нужда. Ничего не оставалось делать бедному чабану, как согласиться на эти условия. Поцеловал старик сына, попрощался с ним и вернулся печальный домой. А парень остался у своего нового хозяина.

На следующий день дал ему Косе-бай пару быков, пустил по степи собаку и приказал начать вспашку.

Бился-бился сын чабана целый день, но успел вспахать только четвертую часть всей земли, которую обошла собака. Скуп был Косе-богач и не дал батраку своему даже крошки хлеба. Обессилел пахарь от голода и трудной работы и упал на землю чуть живой.

На следующее утро Косе-бай пошел проверять работу. Увидел он, что не вспахана вся земля, поднял батрака палкой на ноги и, навалив на его спину семь батманов соли, приказал кончать дело. Так тяжел был груз и так велико было поле, что и этот день не смог бедный батрак закончить работу.

К вечеру снова пришел Косе и спросил у работника:

— Ну как, вспахал пашню?

— Нет,—прошептал умирающий от голода и усталости батрак.

— Ну тогда придется мне выполнить свое обещание!

И, взяв розги, Косе-бай принялся бить парня с такой силой, что у того в семи местах спины мясо сползло ремнями. Не выдержал этих мучений сын чабана и умер под ударами Косе-бая.

Прошел год. Не дождался старый чабан старшего своего сына и отправился к Косе-баю, чтобы расспросить о нем.

— Я пришел, чтобы посмотреть на своего сына,— сказал чабан богачу.—Как живет ему у тебя и отчего не навестит он старого своего отца?

— Он не выполнил условий,—ответил Косе,—и поэтому отдал свою душу аллаху!

Горько заплакал старик, услышав о смерти своего сына, но нечего было делать, пришлось покориться.

— Возьми второго моего сына,—сказал он.—Может быть он сможет выполнить твои условия.

— Давай его сюда,—обрадовался Косе.—Только условия те же: не выполнит их—нагружу его семью батманами соли и семь ремней сниму с его кожи!

Тяжело было расставаться старику со вторым своим сыном, но велика была его нужда и оставил он свое детище этому богатею. А Косе-бай выгнал и этого парня с волами в поле и тоже заставил вспахать столько земли, сколько obeжит ее собака. И опять поспешил он дать батраку хлеба.

Весь день потел батрак над полосой, и так измучил его голод, что не смог он запахать и десятой части заданного.

— А, ты не выполнил условия!!—закричал злобно

Косе, появившись в поле.—Работай же теперь с грузом соли на плечах!

И, взвалив на несчастного работника семь батманов соли, Косе-бай ударами палки заставил его продолжать работу.

Еле передвигал ноги батрак под этой тяжестью. Куда уж было тут пахать, — сделал он несколько шагов и упал на землю замертво.

— Ну, получай же плату! — злорадно засмеялся Косе-бай.

И, подняв на мертвом рубаху, он начал бить его розгами до тех пор, пока не содрал с его спины семь ремней кожи.

Прошел еще год и опять явился старый чабан к богачу, чтобы провести сына.

— Заскучал за сыном, — сказал он Косе. — Как живет ему у тебя, доволен ли ты его работой?

— Он не выполнил моего условия, и аллах забрал к себе его душу! — ответил кровопийца, подняв глаза к небу.

Заплакал бедный старик, но ничего не осмелился сказать богачу. Вернулся он домой и рассказал младшему своему сыну о гибели братьев.

— Не горюй, отец, — ответил Кульбасты. — Отведи меня к Косе-баю, авось моя работа ему понравится.

Долго отговаривал старик сына, но тот и слушать ничего не хотел. Был Кульбасты хоть и не очень велик ростом, но такая сила была в его теле, как будто гнев всех обездоленных напитал его кровь своим пламенем.

— Отпусти, отец,—повторил он,—я сумею постоять за себя и за моих братьев!

И пришлось старику согласиться на настойчивые требования своего детища. Отвел он его к богачу и сказал:

— Возьми ты последнего моего сына. Может быть хоть ему удастся выполнить твои условия.

— Давай, давай!—обрадовался Косе-бай,—только пусть старается. Если не вспашет за день столько, сколько будет задано, взвалю на него семь батманов соли. А если и с грузом не dokonчит работу, пусть пеняет на себя,—семь полос кожи сниму я тогда с его спины!

Понял тут Кульбасты, отчего не вернулись домой его братья. Догадался он, каким образом отдали они аллаху свои души.

— Хорошо же,—сказал он в уме своем,—выполню я твои условия, проклятый шайтан, выполняю так, что не к чему тебе будет придрасться!

— Возьми этих волов,—сказал Косе,—и вспаши мне тот кусок земли, который обещит этот пес.

— Ладно,—ответил Кульбасты,—только гляди, хозяин, не забудь прислать мне на поле обед!

— Не беспокойся, пришлю,—усмехнулся бай.

Взял Кульбасты волов и пошел на пашню. Выбрал он там хорошее дерево и вздернул на сук собаку. Потом запряг волов в плуг и принялся пахать.

Так проработал он до тех пор, пока не настало время обедать. Но не удосужился жадный хозяин

послать батраку и корку хлеба. Не стал его ждать Кульбасты—повалил он одного быка на землю и зарезал его. Сварил он мясо в чугуне, пообедал, а шкуру высушил на солнце и надел на плечи.

И еще больше стало силы у батрака Кульбасты. Запряг он оставшегося быка и запахал до вечера втрое больше земли, чем могла бы ее обежать собака.

К утру не пришел хозяин проверить своего батрака. Недолго думая, взял да и зарезал Кульбасты второго быка. Так полакомился он говядиной и утром и в обед.

К вечеру Косе-бай подумал, что пора посмотреть на работу батрака, и пришел на поле.

Каков же был его ужас, когда увидел он, что от его волов остались одни шкуры, а пес болтается повешенный на дереве.

— На то воля аллаха,—не моргнув глазом, сказал Кульбасты.—Ты позабыл прислать нам корму, добрый хозяин, вот собака и повесилась с горя. Волы не пережили такого несчастья и тоже отдали свои души аллаху. А шкуры свои перед смертью завещали мне на память!

В страшную ярость пришел Косе-бай от этих насмешек. Но взглянул он на батрака и задрожал от страха. Ибо гневен был вид насмехающегося Кульбасты и великая сила трепетала в его руках.

— Ну, раз так—ничего не поделаешь, воле аллаха нужно повиноваться,—проскрежетал зубами Косе-бай. Вижу я, что условие мое ты выполнил!

Вернулись домой хозяин и работник.

— Присмотри за скотиной,—сказал батраку Косе-бай на следующее утро.—Я поеду на свадьбу, а ты следи за коровами, чтобы не вышли они за ворота сарая!

— Хорошо,—ответил Кульбасты,—иди спокойно, ни одна корова не обрадуется, если попытается нарушить твое приказание.

Ушел на свадьбу Косе, остался Кульбасты дома.

Днем коровы захотели пить и стали одна за другой выходить к колодцу. И батрак прикалывал их поочередно, лишь только переступали они порог сарая. Так перерезал всех сорок коров хозяина, а головы их отрубил и сложил у ворот.

Вернулся Косе-бай со свадьбы,—видит лежат сорок коровьих голов у его дома, а туши валяются по всему двору. Пришел он в ужас от такого зрелища.

— О, благоверный ага,—встретил его батрак.—Коровы осмелились не повиноваться твоей воле и отдали за это свои души аллаху!

Ничего не сказал Косе, ибо нельзя ему было придраться к словам работника.

— Возьми эту отару барашков и присматривай за ними, чтобы не полезли в сад,—сказал Косе-бай батраку.

— Хорошо,—подумал Кульбасты,—раз ты сам напрашиваешься, то разорю я тебя дотла, кровожадный пес.

И стал стеречь Кульбасты хозяйских барашков.

А барашки, одна за другой, начали перескакивать через изгородь в сад. Много потрудился Кульбасты, пока перерезал их всех и свалил в кучу под дерево. Ни одна овца не вернулась к вечеру домой.

Увидел хозяин такое разорение и уже не мог удержаться.

— Что ты сделал?!—закричал он на батрака.—Ты разорил меня!!

— На то воля аллаха,—ответил смиренно Кульбасты.—Барашки переступили порог твоих велений и понесли достойную кару. Куда прикажешь убрать туши?

Закипела кровь в жилах Косе-богача, потерял он быков, потерял коров, потерял всех своих барашков. И решил он страшно отомстить батраку за свое разорение.

— Убью я его,—сказал он жене.—Приготовь мне ружье, я отправлю его в лоно шайтана.

Услышал эти слова Кульбасты и решил хитростью избежать опасности. Положил он в свою постель петуха и дубовую колоду, накрыл их одеялом, а сам спрятался и стал следить, что будет делать хозяин.

Как только наступила ночь, Косе-бай взял ружье и вошел тихо в чулан, где спал Кульбасты. Услышал он—ворочается Кульбасты (а это шевелился петух)—и выстрелил из ружья в колоду.

— Ну, слава аллаху, избавился я от этого опасного работничка,—засмеялся он.

Утром вышел Кульбасты здоровым и невредимым.

Измучился этому Косе-бай, загорелся от досады и злости и решил все равно доканать батрака.

— Обварю я его живьем,—сказал он жене.—Приготовь мне к ночи казан кипятку!

— Да поможет тебе аллах в этом деле,—сказала жена и начала разводить огонь.

Услышал и этот разговор Кульбасты. Поймал он двух крыс, привязал их на своей постели, положил колоду и накрыл одеялом. А сам спрятался и стал следить, что будет делать хозяин.

Выждал ночи Косе, взял казан с кипятком и, пробравшись в чулан батрака, вылил кипяток на постель Кульбасты. Запищали ошпаренные крысы под одеялом, обрадовался Косе.

— Прими аллах душу сего злодея,—засмеялся он.

Утро настало, вышел Кульбасты живым и невредимым из своего чулана.

В ужас пришел Косе, и не было предела его ярости. Но спросил он ядовито.

— Сладко ли спал ты ночь, о, сын мой?

— О, добрый хозяин,—ответил усмехаясь батрак.—Под твоим кровом стыдно грешить против аллаха. Спасибо на добром слове, сладко спал я ночь. Только казалось мне, что крысы мочились на мое одеяло!

Заскрежетал зубами Косе-бай, но ничего не ответил работнику. Пошел к жене и сказал ей:

— Ничто не берет нашего батрака. Видно, талисман какой-то имеет он, что даже кипяток на него не действует. Ну так подействует яд. Приготовь к вечеру

чебуреки, да получше поджарь, чтобы вкуснее были. Кульбасты любит поджаренные

Наступил вечер. Сели ужинать. Пригласил Косе батрака разделить с ним трапезу. В знак внимания подал чебуреки ему на отдельной тарелке. Угадал Кульбасты желание хозяина и обменял незаметно свою тарелку с тарелкой хозяйского сына. И начал есть чебуреки прихваливая.

— На то тоже воля аллаха,—шипел Косе, провожая сына на кладбище.

Налилось сердце Косе-бая мстью, как инжир соком.

— Утоплю его,—сказал он жене.—Постели постель на троих на крыше с той стороны, которая находится над обрывом. Ляжем спать с ним, его положим на краю. Ты ляжешь между нами и, когда толкну я тебя тихонько, ты как будто нечаянно толкни его и сбрось вниз. Разобьется о камни,—избавимся мы, наконец, от этого иблиса.

Постелила жена войлок на крыше, положила подушки, простыни и одеяла. Легли спать трое—хозяин, хозяйка и батрак—над самым обрывом. Задремали хозиева. Перелез незаметно Кульбасты и лег между ними.

— Дорого же решил ты заплатить за смерть моих братьев, за нужду моего отца, за тягости моей работы,—сказал себе Кульбасты.

Ночью проснулся Косе-богач и толкнул тихонько Кульбасты, думая, что лежит жена. Из всей силы толкнул Кульбасты хозяйскую жену и полетела баба с обрыва.

Наступило утро.

— Вставай, жена. Избавились мы от работничка!— сказал проснувшись Косе-бай.

— Слава аллаху и его пророку!— услышал он в ответ голос Кульбасты.

Так испугался кровожадный богач, что затрясся всем телом.

— Слишком силен его талисман,— подумал он,— не победить мне Кульбасты-батрака!

Все погибло у Косе-бая. Решил он хоть свою шкуру спасти. Взял он с собой драгоценности и убежал из дома. Велел выкопать себе склеп на краю кладбища.

— Если кто спросит обо мне,— скажите, что уехал я в Турцию!

А сам влез в приготовленный для него склеп и спрятался там.

— Не уйдешь от меня кровожадный змей!— сказал себе Кульбасты.— Ты ответишь мне за кровь замученных тобою!

Велик был гнев батрака и решил он настичь Косе-бая хоть в самых лапах шайтана.

— Этого коня получит тот, кто укажет мне место, где спрятался старый злодей Косе,— объявил он на базаре, ведя под уздцы лучшего хозяйского коня.

— Я копал ему склеп,— ответил на призыв Кульбасты могильщик.— Пойдем и увидишь ты его логово!

Незаметно подкрался Кульбасты к склепу Косе-бая. Взял он в руки веревку и стал ходить около могилы, мыча как вол, чтобы вызвать Косе. Долго не

отзывался богач из своего склепа, но охватила его жадность. Подумал он, что попал уже он на тот свет и один из быков его вышел встречать хозяина. Высунулся из склепа жадный бай и стал тихонько подзывать быка.

— Ке, ке, ке, мачик, ке мачик!²

Набросился тут Кульбасты на злодея, скрутил ему руки и привязал веревкой к дереву.

— Настал час дать ответ за все твои злодеяния, — сказал он богачу. — Ну-ка, поведай мне, кровопийца, как довел ты братьев моих до гибели, как вверг в нужду моего отца, как замучил ты десятки своих батраков?

И рассказал подробно Косе обо всех своих злодеяниях.

— Получай же за дела свои! — гневно воскликнул Кульбасты. — Кровь загубленных тобою идет на тебя, проклятый змей, и нет достаточного наказания, чтобы заплатить за нее! Принимай же мое возмездие!

И, взяв розги, Кульбасты-батрак принялся хлестать Косе-бая до тех пор, пока со спины его не сползло семь ремней его поганой кожи.

Поплатился богач за свои злодеяния, — подох собачьей смертью, а грязная душа его отправилась в пасть иблиса.

ЮНУС КАЗАК

дер. Кекенепз

Юнусу Казаку 48 лет. Родился он в деревне Кекенепз в бедняцкой крестьянской семье. До установления в Крыму советской власти работал батраком у соседних помещиков. Сейчас работает в леспромхозе старшим рабочим.

По словам Юнуса, большинство своих сказок он запомнил от отца еще с детства. Как рассказчик, Юнус очень интересен, — язык его изобилует некоторой вычурностью, но пользуется он этой вычурностью чрезвычайно умело.

Ниже помещена одна из любимых сказок Юнуса Казака.

СКАЗКА О ТРЕХ ИСКАТЕЛЯХ СЧАСТЬЯ

ДАВНЫМ-ДАВНО, так что и сказать нельзя, было ли то в самом деле или не было, жили в некоем государстве три друга. Были бедны эти друзья и терпели они такую нужду, что стало им наконец совсем немогогу. И отправились они странствовать по белу-свету в поисках счастья и удачи.

Долго ли коротко бродили они по разным странам, только довелось им притти в один большой и многолюдный город. Вошли странники в первую попавшуюся кофейню и стали подкреплять свои силы, чем бог послал. И когда прошла их усталость от долгого пути, размечтались они о счастье и об удаче

— Эх, друзья,—сказал старший из них,—говорят, что падишах этой страны неисчислимо богат. Взял

бы этот сын гиены да и пригласил бы меня к себе! И сказал бы мне так: «Ты, я знаю, очень нуждаешься, Али, прими от меня кисет золота и обьеженную лошадь». Получил бы я это и не стал дожидаться, сунул бы деньги в карман, оседлал коня и помчался домой к родной семье!

Был второй парень холостяком и не было у него семьи, к которой бы он стремился. И сказал он так:

— Пусть бы и меня позвал этот ишак, делибаш, позвал бы и сказал: «Эй, сын Османа, на тебе из моей казны торбу золота, да выбери на придачу из моего гарема любую по вкусу тебе наложницу». В два счета заручился бы я красавицей, забрал бы ее, забрал деньги и айда в свою деревню!

Самый младший из друзей ничего не сказал. Был он юноша непокорного нрава и не прельщали его ни богатство, ни знатность. С гневом взирал он на мурз¹, разорявших крестьян, ненавистью вскипела его кровь при виде козней падишахов.

— Как вам не стыдно, друзья мои! — сказал он наконец. — Вы устремляете стрелы ваших помышлений на милости падишаха, а не помните того, что он злейший грабитель правоверных. Да пошлет на него небо холеру и таун² и да разразит его пособников моровая язва. Никогда бы не унизился я искать у него покаяния!

В это самое время падишах сей страны вместе с двумя своими визириями, переодетый в ремесленника, сидел за соседним столиком и внимал беседам по

сетителей, ибо желал выведать помыслы своих подданных. Услышал он разговор трех друзей и решил испытать их стойкость. Приказал он одному из визирей проследить за странниками и доставить их к утру в свой дворец.

И подослал визирь в кофейню шерифа³, и объявил шериф, что призывает падишах сих пришельцев предстать пред его царские очи.

— Прослышал падишах,—объявил шериф,—о том, что прибыли в его государство трое знатных чужеземцев и просит их не отказать ему в его смиренном гостеприимстве.

Хоть и трепетали от страха двое старших друзей, но так велико в них было желание богатства, что согласились они сразу следовать за шерифом. А младший отвернул лицо от призыва и отказался идти во дворец к повелителю. Долго уговаривали его спутники, чтобы не покидал он их и шел с ними вместе.

— Ладно, друзья,—согласился наконец он,—сколько лун идем мы вместе, и не хочу я теперь оставлять вас в этом деле. Но не ждите от меня восхвалений падишаху и не надейтесь на мою почтительность!

Вышли все трое из кофейни и двинулись за шерифом во дворец властелина.

Принял их падишах и захотелось ему показать свое великодушие:

— Если дошел до вас слух о моих щедротах, то чего возжелали вы получить от меня, о, пришедшие издалека?

И сказал старший из пришедших:

— О, повелитель правоверных, тень аллаха на земле! Ты прозорлив и угадал наши желанья. Мы бедные ремесленники и тягостно стало жить нам в ежедневном труде за кусок хлеба. Вот и пришли мы в твою страну искать счастья и удачи. Остановились мы в кофейне и стали мечтать о твоих милостях. И возжелал я, чтобы наградила ты меня кисетом золота и добрым конем. Добрался бы я тогда к своему дому богатым и счастливым!

— А как ты назвал того, у кого хотел получить этот дар?—спросил падишах.

— Удел повелителей прощать провинившихся,—взмолился проситель, падал в ноги шаха.—Смилуйся надо мной, назвал я тебя сыном гиены.

— Выдайте ему то, чего он просит,—приказал падишах.

И дали просителю кисет с червонцами и привели ему из конюшни горячего арабского жеребца.

— А ты чего просишь?—обратился падишах ко второму пришельцу.

— О, великий властитель,—сказал второй странник,—не удосужился аллах наградить меня женой и нет у меня семьи, к которой бы я стремился. Но так же, как и друг мой, хотел бы я получить от тебя торбу золота и доброго коня. Да хотел бы я еще, чтоб подарил ты мне лучшую из невольниц твоего гарема!

— Ты получишь это,—ответил шах,—но повтори

сначала, как ты назвал меня, когда говорил обо мне в кофейне!

— Незлобивость твоя да превысит твои щедроты!— взмолился проситель.— Осчастливь меня надеждой, о, падишах, что и меня, как моего собрата, минуют стрелы твоего гнева. Ишаком и делибашем назвал я тебя в кофейне.

— Выдать ему, чего он просит,—приказал хан.

И поднесли слуги второму страннику полную торбу червонцев и вывели ему коня из падишаховых конюшен. А старший евнух привел ему из гарема лучшую из наложниц повелителя.

— Твой черед теперь просить у меня подарков,— сурово обратился падишах к младшему.— Вижу я, что придется мне и тебя наградить, как следует!

— Заблуждаешься падишах!—отвечал юноша.— Ни о чем твоём не мечтал я в кофейне. Я и сам сумею заработать себе на пропитание. Не желаю я милостей от тебя и от тебе подобных!

— Довольно!!—закричал в ярости падишах.— Довольно, дерзкий бродяга! Нет, ты мечтал о сотне ударов по подошвам своих нечестивых ног. Эй стража! Наградить сего парня сотнею добрых палок!

Схватили смелого юношу падишаховы телохранители и повлекли его к воротам темницы. Там повалили его на землю, всунули ноги его в калафа⁴ и сто раз опустили на его пятки безжалостные удары.

Вышли все трое из падишахова серала. Ехал первый на подаренном жеребце, вез за пазухой кисет с

червонцами. Ехал и второй верхом, держал на руках красавицу, звенело у него золото в горбе. Еле передвигал ноги третий, унося на своем теле щедрый подарок.

И двинулись друзья из города по дороге.

Жалко стало старшему страннику младшего своего друга, слез он с коня и посадил на него израненного юношу. А сам пошел подле пешком, поддерживая лошадь под уздцы.

Отомстил падишах мятежному юноше за прямое слово, но не утихла в сердце жестокого хана ярость и злоба. Не позволили ему обычаи убить парня в черте столицы. Призвал он сераскира и приказал ему догнать странников.

— Увидишь ты трех путешественников за городскими воротами: двое едут верхом, третий шагает пеший. Пастигни пешего и заруби его ятаганом!

Вскочил сераскир на коня и помчался вслед за путниками.

Догнал он их за городом и убил идущего подле лошади. И потухло дыханье старшего друга, только что получившего дар вероломного шаха.

— Вот обратная сторона монеты, которой награждают цари!—сказал младший, погребая друга.

Двинулись дальше верхами средний с женой и юноша.

Рассказал сераскир падишаху о том, что исполнил он его волю и убил старшего, который шел пешком.

И догадался падишах, что зарубил он не того, кого нужно.

— Не велик грех,—засмеялся шах,—догони снова и убей того, кто едет один без наложницы.

И опять поскакал сераскир вслед за путниками.

Ехали тем временем друзья, утомились под ними кони.

— Возьми к себе в седло мою ханум,—сказал средний.—Пусть хоть немного передохнет жеребец!

Взял юноша женщину, посадил ее впереди себя. А средний едет рядом один в седле.

Нагнал путников сераскир падишаха, налетел на едущего в одиночку и зарубил его ятаганом с одного удара. И потухло дыхание у среднего друга.

— Вот милости шаха!—сказал юноша.—Да будут прокляты распоряжающиеся жизнями правоверных!

Вырыл он могилу для друга и отдал ему последние почести.

И поехал с девушкой в дальнейший путь.

Наступил вечер и нужно было искать убежища. Увидели странники в стороне от дороги пещеру и расположились в ней на ночевку. Постелили попоны, положили под головы седла и уснули крепким сном под сводами.

Ночью вдруг услышал юноша голос в пещере:

— Выпусти, выпусти меня, добрый путник!

Вскочил юноша и разбудил спутницу, осмотрелись они вокруг себя. Но не было никого в пещере.

Только стали засыпать, снова раздался голос:

— Выпусти, выпусти, добрый путник!

Снова осмотрел юноша пещеру и снова ни одной

души не обнаружил. Лег спать, и третий раз раздалось над ухом:

— Выпусти, выпусти меня, добрый путник!

— Выходи, если нужно, сам!—закричал юноша.

И только вымолвил он эти слова, как внутренность пещеры осветилась от тысячи золотых монет, падающих сверху.

Был в этой пещере великий клад, заколдованный здесь в давние времена теми, кто отобрал золото у хищных падишахов. И расколдовал своими словами отважный парень клад, предназначенный для великого возмущения.

К утру собрал он сокровища нагрузил ими караван верблюдов, взятых из соседней деревни, и вооружил на это золото всех бедняков, угнетенных падишахом.

Привел он свое войско под стены столицы, осадил ее приступом и великою карою покарал тех, кто насытил страну несчастьями и нищетою.

ФАТЬМА ХАЙБУЛЛА

дер. Азупка

Ударница Азупкинского колхоза им. 25 Октября. В настоящее время заведует детскими яслями. Родилась в 1909 году.

Любимый фольклорный репертуар Фатимы — это анекдоты (об Одже) Одже Насреддине. Знает она этих анекдотов великое множество и рассказывает их с порядочным мастерством, с особым спокойствием, которое так подчеркивает юмористические приключения этого героя.

В сборнике, посвященном этому циклу, будет уделено много места текстам Фатимы Хайбуллы.

Здесь приводится близкая к этому жанру сказка о щедром хане и Мустафе Муждабе.

СКАЗКА О ЩЕДРОМ ХАНЕ И МУСТАФЕ МУЖДАБЕ

ОДНАЖДЫ Крым-Гирей хан¹ возвращался с охоты. На дороге встретился ему Мустафа Муждаба, который ехал на черном ишаке. Мустафа остановил хана и как видно, не узнав, с

кем он говорит, обратился к нему с такою речью:

— Не знаешь ли, добрый путник, как мне проехать ко дворцу, чтобы увидеть самого Крым-Гирея?

Хан заинтересовался желанием этого человека и в свою очередь спросил его—зачем это ему нужно?

— О, добрый путник,—ответил Мустафа,—видишь ли, я задолжал одному купцу десять червонцев, и этот жадный шайтан, да будет он проклят аллахом, грозит, что посадит меня в тюрьму, если я не возвращу ему его окаянные деньги!

— А кто ты такой?—спросил хан.

— Эге,—ответил Мустафа,—кто я такой, знает только моя мать, да и та давно уже гуляет в садах эдема.

— А зачем тебе нужен хан?—спросил Крым-Гирей, удивленный таким ответом.

— Так, по пустякам,—ответил Мустафа,—я хочу попросить у него десять тысяч червонцев, может быть даст.

— А если он не даст тебе этих десяти тысяч?

— Ну тогда пусть даст тысячу!

— А если и тысячу не даст, что тогда?

— Ну тогда, так и быть, уступлю до ста!

— А если и ста червонцев не даст,—настаивал хан,—что тогда ты будешь делать?

— Раз уж ты хочешь знать, дорогой эффенди, то знай, что если такой богатый осел, как хан, пожалеет для меня ста червонцев, то пусть тогда все четыре ноги вот этого моего черного ишака войдут в чрево его любимой жены, а я сяду сверху и поеду домой на них обоих!

Хану так стало любопытно все это, что он шопотом приказал одному из своей свиты провести чудака в свой дворец и сейчас же сам поскакал туда, другой дорогой.

Проникнув в хансарай раньше Мустафы, хан влез на трон и стал ожидать появления своего доброжелателя.

Через минуту доложили о приходе просителя, и хан велел впустить его к своему трону. Как только

Мустафа предстал пред ханом, он тотчас же узнал в нем своего собеседника, с которым он разговаривал по пути. Но не моргнув глазом, он поклонился ему и приветствовал по всем правилам.

— Кто ты, странник?—спросил хан.

— О, повелитель Крыма и Москвы⁵, о том, кто я, спроси, пожалуйста, мою мать, когда увидишь ее в раю Магомета.

— А чего ты хочешь от меня?

— Много слышал я о твоих богатствах,—сказал Мустафа,—вот и пришел попросить у тебя несколько монет. Нужны мне десять тысяч червонцев, дай мне их.

— Аллах версин (бог даст),—ответил хан.

— О, благочестивый хан, не оскверняй себя перед аллахом, отказывая бедняку в помощи. Дай тогда хоть тысячу.

— Аллах версин,—ответил хан.

— И ста червонцев не дашь?—удивился Мустафа.

— Аллах версин,—опять произнес хан.

— Ну, будь здоров и невредим, о, благочестивый правитель. Знай, что черный ишак стоит привязанный у ворот твоего гарема.

ЛЕГЕНДЫ

ЛЕГЕНДА ОБ АРЗЫ-ХЫЗ¹

В ОЧЕНЬ давние времена, когда весь южный берег Крыма принадлежал еще турецкому султану², жил в деревне Мисхор скромный труженик Абий-ака.³ Жил он в старой хижине под деревней близ моря и неугомонно работал на своем маленьком винограднике. Не был старик Абий-ака богачом, но славился честным, мудрым и работающим и пользовался поэтому большим почетом и уважением у всех односельчан.

Бережно ухаживал Абий-ака за своими дынями на баштане, за лозами на винограднике, за персиками и яблонями в саду, оберегал их от весенних морозов и туманов, от прожорливых гусениц и болезней, но всего заботливее, всего нежнее, выращивал он свою единственную дочку, свою черноглазую Арзы. Славился

Абий-ака своей трудовой честной жизнью и мудростью, но еще больше славился он своею красавицей дочкой. Строен и гибок был стан Арзы, как лоза винограда, сорок тонких косичек сбежали по плечам ее до самых колен, блестящие огромные глаза были черны, как звездное небо над цветущей яблоней, яркие губки рдели, как две спелые вишни, а нежные щеки румянились, как бархатные персики.

Ласково трепали Арзы по щекам добрые старушки-соседки, умильно поглядывали на нее почтенные деревенские старики, пуская дым из трубок у ограды двора Абий-ака, а юноши в ее присутствии старались выказать особое молодечество и втайне о ней вздыхали.

Но внимательнее, всех присматривался к Арзы хитрый старик Али-баба, с тех пор как впервые увидел ее у фонтана у самого берега моря, набирающей воду в медный кувшин. Али-баба был владельцем фелюги с пестрыми парусами, приходившей часто из-за моря с турецкого берега в Мисхор для торговли. Не любили и боялись Али-баба в Мисхоре, ибо ловко умел он обмануть при продаже и покупке. И шла о старом турке темная молва, будто высматривает он девушек в деревнях Южного берега, похищает их и увозит на своей фелюге в Стамбул для продажи в гаремы турецких пашей и баев.

Всегда не по себе было красавице Арзы, когда она чувствовала пристальный долгий взгляд Али-баба. Очень часто встречался он ей внизу у берега, когда она спускалась к фонтану за водой. Встречались

часто и его корабельщики-матросы, тоже внимательно на нее глядевшие. Казалось, как будто они за нею следили, высматривали, куда и когда она ходит, какие у нее склонности и привычки.

Время шло, и хорошела с каждым днем прекрасная девушка. Весело хлопотала она вокруг отцовской хижины, помогая матери в работе, звенел ее серебристый смех в саду и на баштане, с бойкой песней спускалась она к своему любимому фонтану. И долго просиживала там, глядя, как набегает волны на берег и шевелят разноцветными камешками.

Много мисхорских женихов присылали к Абий-акаю, но посмеивался старик и пряталась Арзы. Ибо не могла она забыть Эмир-Асана, ловкого джигита из дальней деревни, встретившего ее однажды у прибрежного фонтана. Это о нем думала она подолгу, глядя на волны и на чаек, носившихся над морем.

И вот пришел день, когда красавец Эмир-Асан прислал сватов к прелестной Арзы, дочери Абий акаю. Покачал головой старик, жаль ему было отдавать дочь в чужую деревню, поплакала мать, но пришлось согласиться. Отпраздновали обручение.

Пришла весна. Пышно зацвели деревья в саду Абий-акаю, но еще пышнее цвела дочь Абий, красавица Арзы. Надвигался праздник курбан-байрам⁴, праздник, когда в деревне играют свадьбы.

На четвертый день курбан байрама была назначена свадьба Арзы. Печалила ее близкая разлука с приветливым садом, со всей родной деревней, с подругами

и с милым фонтаном у берега моря. И тайно грызла ее душу еще другая смутная тоска. Ночью навещали ее тяжелые сны; казалось ей, будто смотрят на нее в упор чьи-то недобрые чужие глаза. Вскрикивала Арзы и просыпалась в испуге.

Праздновала деревня Мисхор сразу три праздника: курбан-байрам, праздник весны и свадьбу красавицы Арзы. Юноши и девушки затевали на плоских крышах саклей шумные веселые «джийины»⁶ и с крыши на крышу перебрасывались задорными «манэ»⁸. Многолюднее и шумнее всего была сакля Абий акая. Вся деревня Мисхор старалась принять участие в праздновании свадьбы всеми любимой Арзы. И из соседних деревень, где так же высоко ценили и чтили старого Абий-акая, приходили гости на торжество.

Много было шума и веселья, но Арзы была омрачена печалью.

Вот спустились весенние сумерки на крымский берег, вот в синюю тень погрузились подножия Ай-Петри. У деревни послышался хавал⁷ чабана, возвращающегося со стадом и посерела просторная гладь моря. Арзы поднялась со своей подушки, наряженная в пестрый «антер»⁸ невесты и тихонько вышла из хижины. В последний раз захотела она увидаться и проститься с дорогим для нее фонтаном и морским берегом.

Взяла она свой медный кувшин-гугум, набросила на себя чадру и спустилась к фонтану. Там у самых морских волн, прислушиваясь к плеску легкого при-

боя и журчанию источника, погрузилась она в воспоминания о своем детстве. Слезы брызнули из ее прекрасных глаз при мысли о близкой разлуке с этими любимыми местами и со своей девичьей жизнью в отческом доме и родной деревне.

Не подозревала она, что несколько пар пытливых глаз неустанно наблюдают за ней и следят за каждым ее шагом. Не подозревала она, что во мраке спускающейся ночи кусты над берегом были заняты подкрапившимися чужими людьми. Не подозревала, что фонтан окружен со всех сторон.

Намечтавшись у берега над волной, Арзы подошла к фонтану, нагнулась и поставила свой кувшин под желобок. Звонко веселой струей побежала вода в серебристый сосуд...

Вдруг... что-то чуть шевельнулось над самой ее головой, послышался легкий кошачий прыжок, и две цепких руки обхватили тонкий стан несчастной девушки. Отчаянный крик о помощи вырвался из уст несчастной девушки, но две другие руки закрыли ей рот, бросили ей плащ на голову и скрутили его так туго, что она не в силах была издать больше ни звука.

Злые пираты подхватили драгоценную добычу и во главе со своим хозяином Али-бабаем бросились к поджидавшей их лодке.

Али-баба торжествовал. Наконец-то ему удалось осуществить мечту своего жадного, преступного сердца, похитить такую женщину, которая, сделавшись

украшением дворца самого султана, принесет ему богатство и почет. Он уже совсем было терял надежду, глядя на свадьбу Арзы, а тут жертва сама далась ему в руки.

Обезумевший от ужаса и горя прибежал отец Арзы на крик своей дочери, но было уже поздно—федюга Али бабы уже покачивалась в волнах, уносясь к далекому Стамбулу.

Вся деревня огласилась воплями. Все оплакивали свою любимую Арзы.

Тосковали о бедной похищенной девушке не только несчастные родители и подруги, не только односельчане и соседи. Любимый ее фонтан, у которого совершилось злое дело, прежде весело журчавший и дававший обильную влагу, стал иссякать, уменьшаться и, наконец, закапал тяжелыми капельками, как горькими слезами.

Но один раз в год, ровно в годовщину похищения красавицы Арзы, в тот же вечерний весенний час, начинал фонтан струиться сильнее. В этот час из тихих вод выходила жительница морских бездн—русалка с младенцем на руках. Она подходила к фонтану, жадно пила из него воду, любовно мочила в нем руки и волосы, ласково гладила камни, садилась на берегу, задумчиво вглядывалась в морской простор, в игру звезд на ряби моря, взглядывала на деревню, тихо вздыхала и, снова опустившись в волны морские, исчезала до следующего года. И так много лет прошло. Умер от горя старый Абий, состарились

взрослые, стали взрослыми дети. Замечали жители Мисхора появление русалки, сильно боялись ее и не знали, кто она такая.

Но однажды приехали купцы из Стамбула и рассказали о том, кто была русалка.

Когда разбойник Али-баба привез несчастную Арзы в Стамбул, то удача его не оставляла. Не успел он вывести плачущую красавицу на невольничий рынок для продажи в гарем какому-нибудь паше, как явились на рынок евнухи самого великого падишаха. Они заметили девушку, осмотрели хорошо и нашли ее достойной ложа повелителя смертных, блистательного халифа, наместника пророка на земле. Девушка была приведена перед очи падишаха и удостоилась внимания и ласки. Али-бабаю была дана великая плата: столько султанских золотых, сколько нужно, чтобы сплошь выложить ими парадное ложе его падишахского величества. И зацвел новый цветок в счастливом саду повелителя. Но тосковала, плакала Арзы, не находила себе места в гареме, дичилась жен, рабынь и евнухов и таяла не по дням, а по часам. Дал аллах красавице Арзы ребенка, но не осветил он ее померкшей души. Ровно в годовщину того дня, когда руки разбойников-пиратов схватили ее на далеком крымском берегу у любимого фонтана, поднялась Арзы с ребенком на угловую башню султанского сераля и бросилась в золотые волны Босфора.

В тот же вечер печальная русалка с младенцем подплыла впервые к фонтану у берега Мисхора.

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТОЙ КОЛЫБЕЛИ

ОЧЕНЬ давние времена, когда не создал еще аллах великого пророка-дителя всех людей, Адама, изгнанника дженнета¹, на свете жили какие-то древние не то люди, не то духи по названию джинтайфасы.

Были разные джины. Одни были правоверными, другие—неправоверными, не признававшими единого аллаха, создателя всех миров.

По эту сторону крымских гор, вдоль всего побережья, жили алаховы джины. Они были верны заветам единого аллаха и его пророка, произносили по правилам молитвы и пять раз в день восхваляли его премудрость. По ту сторону крымских гор, вну-

три страны, жили неправовверные джины. Они не признавали заветов аллаха, не творили его молитв, нарушали его веления и подчинялись врагу аллаха— великому бесу Иблису, которого сделали своим богом и учение которого выполняли.

Аллаховы джины, живя на побережье Крыма, сажали сады, разводили виноград, сеяли хлеб и просо и пряли лен. Иблисовы же джины, живя в диких горных лесах, пасли стада на редких лугах, охотились на козлов и оленей и выжигали уголь.

Каждая группа джинов имела своего властителя, своего хана. Не было согласия между джинами аллаха и джинами Иблиса. Часто шли между ними войны и распри. Они отнимали друг у друга пашни, леса и пастбища, угоняли скот, не давали производить сельские работы. Из-за этих стычек зарождались кровавые военные походы, разорялись и сжигались деревни, много джинов убивалось и уводилось в позорное рабство. Ненавидели аллаховы джины иблисовых, а иблисовы аллаховых. Ненавидели и их ханы друг друга и всегда были полны жаждой мести за прошлые обиды.

Но чаще побеждали иблисовы джины, так как они были более смелы, подвижны, жестоки, неустрашимы, выносливы, закаляясь на охоте и пастье скота, а джины-земледельцы были робки, боялись уходить от своих хижин и пастбищ, плохо владели оружием, не привыкли к военным хитростям и жестокостям.

У хана иблисовых джинов был сын-наследник, юноша редкой красоты, смелый, страстный и настойчивый. Не знал он еще любви, так как не было в стране иблисовых джинов девушки, достойной такого витязя. И жадно прислушивался он к рассказам о чужих красавицах.

Был у ханского сына дядька-воспитатель², невольник хана, который когда-то маленьким мальчиком был украден иблисовыми джинами у аллаховых в лесу, когда собирал кизил. Он вырос в неволе, отличился умом и многими доблестями, в старости получил поручение воспитывать ханского сына, научил его разному искусству и стрельбе из лука, и метанию из пращи, и прыганью, и бегу. Очень полюбил старый раб своего воспитанника и рассказывал ему, как живут другие джины, какие у них витязи и девушки. Часто виделся старик тайком с другими невольниками своего племени и знал через них обо всем, что происходило на его родине.

Рассказывал старый дядька воспитаннику своему, что у хана аллаховых джинов на морском берегу Крыма есть молодая дочь, такая красавица, что только о ней и поют соловьи той страны и далеко за ее пределы разносят сладостную славу о ее несравненной прелести. Велел молодой сын хана привести к себе тайно тех невольников, которые видели процессу, и расспрашивал их обо всем, из чего слагается ее дивная красота,—и о коже лица, похожей на лепесток розы, и о тонких стрелках бровей, и о глазах,

горящих как звезды, и о губах, манящих как черешня, и о мягких пленительных волосах.

Много рассказали невольники пылкому юноше, и так ясно представилась ему несравненная красота дочери южнобережского хана, что загорелось у него неукротимое желание хотя бы посмотреть на никогда невиданную им красоту, хотя бы услышать из уст благоухающее слово и сказать ей, что нет во всем Крыму девушки, подобной ей. Глубокая страсть разгорелась в его мужественном сердце, все мысли его наполнились думой о прекрасной, никогда невиданной им соседке. Перестала радовать его и охота со сверстниками на оленей и козлов на Яйле и в дремучих горных лесах, и состязания в меткости стрельбы из лука в летящую птицу, и скачки на диких горных конях, и военные игры с мечом, копьем и щитом, и охота за пленниками с длинным арканом, и веселые пирушки у отцовского очага, и рассказы его старых воинов о давних походах, боях, победах, и сказки старух о славных царских сыновьях в далеких странах. Стал сын хана мрачен и молчалив, погрузился в думы, отказывался от еды и питья, не находил покоя, молчал, не смея проронить слова о своей преступной страсти к дочери врага, размышлял без сна по ночам и тосковал так, что пожелтел, иссох и стал похож разве на тень свою. Так далеко завела его скрытая от всех любовь.

Глубоко печалился старый хан, глядя на скорбную перемену в любимом сыне. Настоячиво допытывался он от него о причине его тоски, но юноша молчал,

как могила. Призывал хан искусных колдунов, чтобы его излечить, но те не находили никакой болезни, и тщетны были все их заклинания от дурного глаза. Старался хан развеселить сына плясками невольниц, шутками придворных насмешников, воинскими забавами, зурнами, и сантырами³. Но ничто не помогало, принц оставался мрачен и угрюм, и не мог отец разгадать тайны его печали.

Призвал тогда старый хан к себе верховного жреца Иблиса и поручил ему во что бы то ни стало узнать причину скорби сына. Тот стал следить за каждым его шагом, словом и вздохом, но ничего не мог заметить. Наконец, когда в одну ночь юноша забылся краткой дремотой, верховный жрец подкрался к нему, приник ухом к его шевелящимся устам и услышал явственное: «О, Зехра, Зехра!» и слова великой любви и печали.

Долго гадали хан со своим жрецом, о ком шептали ночью уста юноши, но не могли никак догадаться. Долго спрашивали они повсюду, но не нашлось во всем ханстве ни одной девушки по имени Зехра. Стали они тогда призывать гадателей и гадать на имя «Зехра». И догадался один из колдунов и указал, что Зехра живет по ту сторону гор на берегу великого моря. Опросили они пленников из аллаховых джинов и узнали всю правду.

В старом хане тревога сменилась страшным гневом. Измену увидел он в преступной страсти сына, измену отцу, племени и его древнему богу Иблису. Он

запретил сыну даже и помышлять о проклятой ино-
племеннице, осыпал ее имя страшной бранью, грозил
юноше заключением и отцовским проклятием и уста-
новил за ним строгий надзор. Одно упоминание об
иноверном соседе-хане и его племени приводило ста-
рика в свирепую ярость.

Но не таково было твердое сердце юноши-принца,
чтобы можно было угрозами изгнать из него черты
любимой. Видя неукротимость гнева своего отца, он
про себя твердо решил тайком бежать из пределов
власти грозного отца и пробраться во что бы то ни
стало за горы в приморскую страну аллаховых джи-
нов, к мечте своего сердца, чтобы хоть единый раз
взглянуть на свой кумир и исцелить душу свою единым
взглядом ее прекрасных глаз.

Долго, долго размышлял печальный юноша, как ему
выполнить свое решение, как обмануть отца и по-
ставленный им надзор. Никто не мог ему помочь в
его планах, кроме его старого преданного слуги,
дядьки, который вырастил его с малолетства и
душу свою готов был положить, чтобы исполнить
желание воспитанника. Старик достал тайком платье
чабана, в одну темную грозовую ночь положил свер-
нутое из соломы чучело на ложе принца, а сам с
переодетым юношей проскользнул мимо дворцовой
стражи, прокрался глухими мрачными переулками к
городской стене, отыскал ему одному известный под-
земный ход, ведущий из старого разрушенного под-
вала под стеною наружу в ближайший лес в скры-

тую пещеру. Только здесь беглецы остановились на минуту, чтобы вздохнуть, но тотчас же осторожно скользнули дальше по глухим лесам по скалам, и пропастям, без дорог и тропинок, по дебрям, куда не ступает нога путника и где только горные козлы прыгают со скалы на скалу, не боясь стрелы охотника, да мрачный барсук копошится в расселинах, шелкая орехи.

Так бежали они всю ночь все выше и выше в горы и к рассвету поднялись на самую Яйлу. Пустыня была Яйла, служившая границей между обоими ханствами, страшилась показываться сюда джины и той и другой стороны, но все же побоялись беглецы дневного света, спрятались в мрачной пещере и дождались вечера. В темноте второй ночи они осторожно прокрались по опасным скалам и провалам Яйлы и скользнули в леса южного склона. Пробираясь между сторожевыми постами аллаховых джинов, между стоянками охотников и кошами чабанов, остерегаясь их свирепых собак, спустились беглецы к утру к прибрежным селениям.

Трудно было бежать из отеческого дворца и родного племени, трудно было пробраться незамеченными через непроходимые горные леса в чужую вражескую страну, но самое трудное было проникнуть во дворец правоверного и увидеть его зорко оберегаемую красавицу-дочку. Долго искал случая и измышлял ханский сын способы выполнить свою мечту,—ничего не помогло. Его прогоняла стража,

рвали сторожевые собаки, высокие ограды и крепкие заборы преграждали ему путь.

Решили, наконец, беглецы придумать хитрость, чтобы во что бы то ни стало пробраться во дворец и выполнить горячее, непреклонное желание юноши. Стал принц вместе со своим старым слугой разучивать неведомые им до сих пор священные песнопения. Долго учили и выучили их большое число. Тогда они переоделись в платье странствующих нищих-дервишей и стали ежедневно подходить к воротам ханского дворца и распевать священные гимны, восхваляя премудрость аллаха и его халифа⁴ на земле, великого хана правоверных джинов.

Прекрасный певучий голос молодого дервиша, страстные настойчивые мольбы, выражавшиеся в звуках его песен, нашли, наконец, дорогу к уху красавицы-принцессы. Она стала в обычный час приближаться к воротам и в открытом месте слушать прекрасные гимны дервишей. Наконец красавица Зехра начала упрашивать старого хана, своего отца, разрешить святым дервишам в священные дни приходить в ее дворцовую молельню и оглашать ее песнопениями. Старого хана также глубоко растрогало прекрасное пение дервишей и он допустил священных странников во внутренние части дворца, уступая просьбам красавицы-дочки.

Тут-то в священной тишине храма аллаха впервые увидел переодетый принц-дервиш ту, о ком столько

бессонных ночей мечтала его душа. Долго не мог он притти в себя от трепета и изумления, ибо все мечтания его были лишь бледной тенью той красоты, которую он теперь видел перед собою на яву, и не было границ его восторгу. Но и сама принцесса Зехра скоро заметила, слушая дивные гимны, что не только звучным голосом обладает молодой дервиш, но и прекрасным, мужественным, гордым лицом, светящимся, смелыми, пылкими глазами и могучим, гибким, стройным станом, проступающим из-под нищенских дервишских одежд.

Прошло несколько времени, и все чаще пели дервиши свои песнопения для красавицы-принцессы в молеельне. И уже не только искусство пения показывал молодой дервиш во дворце, он участвовал и в состязаниях в стрельбе из лука и в метании копья, и в борьбе, и в верховой езде, и никто из правоверных юношей не мог сравниться с ним мужеством, силой и меткостью. И заподозрела красавица Зехра и ее отец, правоверный хан, что не нищий дервиш входит в их дворец, а какой-то пришлый витязь, покинувший свою землю.

Прошли месяц за месяцем и пришел день, когда два любящих сердца открылись в преданности друг другу. Не было предела их блаженству, когда старый отец красавицы не нашел слов отказа на их мольбы и согласился сочетать их браком. Принц торжественно принял веру своей возлюбленной, веру единого аллаха, сбросил притворные одежды дервиша,

явился в настоящем виде витязя, но не открыл своего действительного происхождения.

Счастлив был безмерно и старый хан, когда его дочь, прекрасная Зехра, наградила его золотокудрым внуком. Очарованный дед подарил ей фамильную колыбель, в которой по наследству с давних веков укачивались все наследные принцы ханского рода правоверных джинов. Была колыбель сделана из чистого золота с слоновой костью, вся сверкала драгоценностями и мастерством работы, а при качании сама собою издавала нежные колыбельные песни. Стада красавица Зехра укачивать своего прелестного младенца в золотой поющей песни колыбели.

Тем временем слух о браке ханской дочери с каким-то пришлым витязем, принявшим ее веру, дошел до края иблисовых джинов по ту сторону Крымских гор. Давно уже их хан тщетно искал своего исчезнувшего сына и никак не мог найти его следов. Он пытал и казнил стражу, не уберегшую его, он призывал гадалей, но ничего не мог узнать. Наконец он решил, что беглый сын погиб в горах и лесах и что лучше ему, беглецу, умереть такою смертью, чем попасть в сети своей возлюбленной, дочери ненавистного хана приверженцев алаха. И утешал этим хан свою отцовскую скорбь.

Когда же дошла молва о браке при дворе хана аллаховых джинов и о рождении наследного младенца, страшное подозрение закралось в душу старика. Он послал лазутчиков в ненавистную враже-

скую страну, чтобы они посмотрели на пришлого витязя, мужа принцессы. Лазутчики принесли весть, что это действительно сын хана, бежавший из отцовского дома и принявший ненавистную веру аллаха.

Безмерна была ярость старого хана против беглеца и изменника-сына, бросившего родной край, свое племя, отца и его ханский трон, предавшегося кровным врагам, сочетавшегося мерзким браком с дочерью злейшего недруга, породившего с нею змеиное отродье и совершившего самое страшное дело: изменившего вере отцов, служению Иблису. Великим гневом и местью закипело сердце старика и решил он уничтожить и отступника-сына и проклятое гнездо врага, совратившего его своим чародейством, и всю страну ненавистных правоверных джинов. Уничтожить так, чтобы навеки с ними покончить.

Созвал хан всех своих вельмож и жрецов на Диван⁵ клялся перед ними именем великого Иблиса отомстить врагу и потопить его в крови и просил всех помочь ему в этом священном деле. Жрецы и вельможи, почуяв добычу, еще больше разожгли его гнев и обещали дать всех своих воинов. Собралось в горах огромное войско последователей Иблиса, и, подстрекаемое его жрецами, припоминая древние обиды, возбуждаемое гневным мстительным ханом, ринулось через горы на вражескую землю.

Семь лет и семь зим длилась страшная война. Кровь лилась рекой, земля дрожала под копытами лошадей, воздух наполнялся свистом стрел. Яростно нападали

на селения прибрежных джинов свирепые пришельцы из-за гор. Не трусами показали себя и алаховы джины. Они выставляли свое храброе войско и мужественно защищали свою землю и веру, свои хижины, жен, детей и стариков. Сам старый правверный хан собирал отряды и направлял их навстречу врагам. Его мужественный зять стоял во главе войска, защищавшего его новую родину. Его видели в первых рядах, в самых опасных местах; как лев бросался он вперед, увлекая за собою алаховых воинов, и стремительно поражал приверженные Иблису войска своего отца, своих единоплеменников, бесстрашно защищая от них свою любовь, свою красавицу и своего сына. И его оружие сопровождала победа.

Но не везде и не всегда мог быть в первых рядах храбрый, бесстрашный предводитель, не все его воины были так же крепки сердцем, как он. Пока он побеждал в одном месте,—в других слабели его войска под напором разъяренных горцев и терпели поражения. Так случилось, что он отважно бросился с отборным отрядом на врагов, врезался в их ряды, сея вокруг себя ужас и смерть, проник далеко вглубь их войска, стараясь достигнуть отцовского стана, и не осмеливались враги приближаться под удары его стремительного меча. В это время в других местах колебались и были обращены в бегство его отряды, сомкнулись за его спиной ряды врагов и он с неустрашимой горстью храбрецов оказался окруженным и отрезанным в опасной горной теснине. С беззавет-

ной храбростью защищался отряд, много врагов полегло у его ног, но прибывали все новые и новые толпы, тучи стрел сыпались с соседних скал, огромные камни скатывались в теснину и, наконец, метко пущенный чьей-то скрытой рукой камень из пращи попал отважному предводителю прямо в висок и поверг его мертвым на землю. То был камень из пращи его гневного и мстительного отца-хана. Лишенный любимого вождя недолго мог сопротивляться весь отряд и был уничтожен до одного человека. Рядом с убитым витязем легло и изрубленное тело его воспитателя, старого раба.

Страх и ужас напал на всю землю аллаховых джинов. Уже никто не думал о сопротивлении, думали лишь о бегстве и спасении. Ожесточенные воины приверженцев Иблиса хлынули безудержным потоком в беззащитную страну, жгли, грабили, убивали все, что попадалось на пути, камня на камне не оставляли от былых деревень, городов и храмов, в мрачную пустыню превратили цветущий Южный берег Крыма. Счастливым мог почитать себя тот, кто был уведен в тяжкое рабство: он сохранял по крайней мере жизнь свою. Остальные были до одного все перебиты.

Куда было спастись? Не было аллаховых кораблей на морском просторе, крепости на горных скалах были уже разрушены врагами, а все пути и тропы из их прибрежной страны вели через горы в страну ненавистных врагов, иблисовых джинов. Не было никому спасения,

Старый хан аллаховых джиннов долго защищался с дочерью и внуком в своем дворце, где ныне находится Алупка. Долго не могли взять его враги и придумали способ, чтобы уничтожить его совершенно. С самой вершины горы Ай-Петри стали они сваливать огромные обломки скал; те с страшным грохотом и неудержимой силой катились вниз и падали прямо на дворец, разбивая его в осколки и щепки. Столько этих страшных скал посбрасывали враги, что и следа не осталось от ханского дворца, а на месте его образовалась огромная груда горных обломков, нагроможденных друг на друга в мрачном хаосе.

Старый хан, убитый горем и охваченный глубоким отчаянием, видя неминуемую гибель дворца, когда первые камни ринулись с Ай-Петри, бросился спасаться через последнее убежище—через потайной подземный ход, который вел из дворца в Алупке вверх в горы, в крепость Исар на горе, называемой теперь Крестовой. Он устремился по подземному ходу, увлекая за собою рыдавшую дочь, прекрасную Зехру и маленького внука. Из всех своих былых богатств и сокровищ они захватили с собой только одну, самую дорогую драгоценность—золотую поющую колыбель.

С великим трудом и мукой поднялись они по мрачному длинному подземному ходу в крепость. Там вверху был выход в скрытую таинственную пещеру в расселине. Когда они подошли к нему, то с ужа-

сом и отчаянием увидели, что их грозная крепость тоже уже взята и разрушена врагами, что и на нее свалились могучие обломки скал с Ай-Петри, и что расщелина с пещерой завалены так, что нет совсем из них выхода.

Не могли их здесь найти свирепые враги, не могли их ни убить, ни увести в позорное рабство. Но могли ли они здесь найти спасение? Кругом них лежала опустошенная разрушенная страна, наполненная трупами, среди которых рыскали озверелые враты. Никто не мог их спасти, открыв выход из пещеры. Без всякой помощи и поддержки несчастные, претерпев страшные страдания, умерли с голоду в своей горной пещере, у выхода из подземного хода.

Перед смертью старик-хан произнес над золотой колыбелью грозное заклинание, от которого она стала невидимой.

Предание говорит, что золотая колыбель эта еще и ныне хранится в мрачной пещере горы Исар.

Только иногда, во время сильной бури, когда вихрь проникает в заколдованное таинственное подземелье и раскачивает колыбель, она тихонько поет заунывную колыбельную песню.

Многие, очень многие с давних пор старались как-нибудь достать золотую колыбель в пещере на Крестовой горе, но всегда безуспешно. Многие платились жизнью за свои дерзкие попытки, срываясь со скал, другие, спасши свою жизнь, возвращались перепуганные, полубезумные с искривленными навеки ртом,

руками или ногами. Очень крепко колыбель заколдована старым ханом. Никому не дается она в руки, если не имеет тот нужного талисмана.

А талисман может открыться только тому, в ком горит такая же могучая беззаветная любовь, какую носил в себе отважный сын хана иблисовых джинов, павший от руки собственного отца.

ЛЕГЕНДА

ОБ АЮ-ДАГЕ¹

ОТ что передавали нам о горе Аю-Даг наши деды, а им их деды и прадеды — греки, несколько сотен лет тому назад жившие там, где мы сейчас живем с нашими детьми и внуками.

Когда-то давным-давно, в стародавние времена по всему крымскому побережью жили не люди, а некое племя джинов. Тяжела и сурова была их жизнь в дикой горной стране, тяжел и мучителен был их непосильный труд. И верны они были заветам и учению аллаха, возносили к нему молитвы и повиновались указаниям пророка, которого аллах послал в эту страну, чтобы просветлять умы и сердца джинов. Надеялись они, что аллах и его пророк облегчат их тяжелую жизнь.

Упорным дружным трудом расчищали джины дремучие леса, выравнивали пашни, насаждали сады, открывали источники, и все лучше, легче и богаче становилась их жизнь.

Но чем больше справлялись они с нуждой, чем больше побеждали лесные дебри и скалы, чем легче делалась их жизнь, тем яснее они видели, что сами они своим трудом улучшают свою жизнь и что если не будешь работать сам, то и аллах тебе не поможет. Все больше проникал в сердце их дух недовольства строгими предписаниями аллахова закона, мешавшими их труду, радости и веселью. Все меньше времени проводили они в храмах, все меньше били поклонов, все меньше давали денег на аллаховы нужды.

Давно ждал этого хитрый бес Иблис², изгнанный аллахом с небес за такое же непослушание, только и ищущий, как бы подзадорить острым словом непокорных, тяготящихся строгостями аллаховых велений.

И признали джины своим пророком хитрого, враждебного аллаху Иблиса, и поклонялись ему, следуя его премудрости, и радовалось его сердце такой удаче. Учил он их не унынию, а радости, не покорности, а смелости, не заботам о месте в раю после смерти, а о весельи на этой земле.

Пророк, посланный аллахом, напрасно являлся среди отвернувшихся от аллаха джинов, поучал их угодными аллаху словами, призывал, отступить от иблисовых радостей и возвратиться к покорности

единому аллаху. Говорил он им много огнече и суде, о наказаниях и муках в аду, о жертвах и постах.

Пролетели мимо глухих ушей джинов его надоевшие им слова. Не признавали джины его истинным пророком, смеялись над его страхами и призывами, клеймили презрением, как самозванца, и, наконец, увлекаемые веселым учением Иблиса, стали изгонять его из своей страны, лишали подавания, питья и приюта, даже осыпали камнями, угрожая смертью.

Пришлось аллаху пророку тайком и с великим трудом вырваться из вражеских рук Иблиса и спастись бегством из селений джинов в глухие горные леса. В глубоком унынии и отчаянии поднялся он на высокую гору для жалобы аллаху. Молился он сорок дней и сорок ночей, не вставая со своего молитвенного ковра и умолял аллаха покарать отступившее от его веры племя джинов, предавшееся Иблису и изгнавшее его, своего праведного, свыше посланного пророка. Он настойчиво просил аллаха наслать на изменников тысячу и одну беду, уничтожить их всех и тем показать грозный пример в назидание другим племенам и народам, сохранившим пока верность аллаху.

Сорок дней и сорок ночей не слышал аллах своего верного пророка, занятый другими грешниками. На сорок первый день он вял, наконец, его громкому голосу и настойчивым мольбам и стал измышлять грозное наказание.

Отдал аллах об этом приказ своему свирепому мстителю, Великому Медведю, который в дальней сумрачной стране всегда лежит скованный крепкими цепями и огромными вечными льдами. Он снял с него великие цепи и раздвинул крепкие льды и велел ему плыть в страну забывших его заветы и отшатнувшихся от него джинов и тяжело их покарать.

Освобожденный от цепей и льдов, Великий Медведь, грозный мститель аллаха, быстро проплыл по широким морям и приблизился к берегу Крыма, к стране племени джинов. В том месте, где близ мыса Сарыч лежала первая деревня джинов Форос⁸ и начиналась страна этих отступников от аллаха, там Великий Медведь подплыл к берегу, вышел из глубоких вод морских и поднялся на сушу, обнаруживая все свое огромное тело. И был он так велик, тяжел и страшен, будто необъятная грозная гора, а густая шерсть на нем была как дремучие леса, ребра вздымались как могучие утесы, морская вода сбегала по телу как шумные горные ручьи и водопады в лесу. Могучие тяжкие лапы Великого Медведя ступили грузно на крымскую землю, а мощная спина, в это время поднявшись из воды морской, достигла самых облаков.

И поднялись от выхода Медведя из воды такие великие волны у всего крымского побережья, что много погибло джинов, бывших у берега и несколько прибрежных деревень было начисто смыто. Вышел на сушу мститель аллаха Великий Медведь и двинулся по стране джинов вдоль берега. Своей великой груз-

ной тяжестью он все разрушил на своем пути, страшные лапы его раздавливали все, что под них попадало, — живое и неживое, леса, стада и целые деревни. Острые могучие когти взрывали землю огромными бороздами, оставляя после себя ряды глубоких оврагов и ущелий. Под великим грузом медвежьего тела поползла грозными оползнями земля со склонов крымских гор, бывших до этого мягкими и округлыми, и обнажались как кости из-под мяса твердые крутые каменные недра. Но и камень не устоял под небывалым грузом, и рушились с великим громом скалы и целые горы, рассыпая далеко вокруг себя груды осколков, погребая под собой дома и селения несчастных джинов. Дрожала и стонала прибрежная страна, рушились деревни, мгновенно изменялось лицо гор, вырастали острые отвесные скалы, менялись под тяжестью твердые земные слои, ложась в причудливые складки. И гибло племя джинов от мала до велика, и никто не оставался в живых. А в тех местах, где особенно велика была непокорность джинов аллаху, где особенно почитались враждебные ему учения, там разъяренный мстительным гневом Великий Медведь пускал в ход всю могучую силу своих когтей, грозными ударами рыл землю, ломал и крошил скалы, низвергая целые горы, оставляя после себя грозные груды дико нагроможденных друг на друга камней. Их и сейчас увидишь в Алушке, Симеизе, Орианде, Кучук-Кое.

Ни жалостные вопли гибнувших джинов, ни крики

детей, ни мольбы матерей не могли остановить разъяренного мстительного зверя. Опьяненный своей неотразимой мощью он со все большей силой продолжал свое разрушительное дело. На том месте, где ныне простирается долина города Ялты, стояли в то время главные храмы джинов и служили Иблису самые высокие жрецы, его самые близкие сподвижники. Тут ярость Великого Медведя дошла до крайних пределов, постарался он совсем искоренить богохульную местность, чтобы она всякое сходство потеряла с прежним своим видом. Он нажимал могучими боками, ударял и напирал тяжкими лапами, разъяренно рыл и ломал неумолимыми когтями. И отодвинулись высокие горы дальше от берега, обнаружив скалистые недра и обступив большим кругом провинившееся место; образовались глубокие долины и широкая котловина там, где прежде стояли высокие холмы и пологие скаты. И следов не осталось от былых капищ врага аллаха Иблиса и от его жрецов.

Дошла здесь до пределов ярость аллахова мстителя—Великого Медведя. Тяжело было передвигать по земле огромное грузное тело, привыкшее к воде и тысячи лет скованное цепями и льдами. Велика была сила грозного зверя, но велика и мощь тяжелых недр земли и крепость глубоких каменных пород. Ослабел гнев Медведя, уничтожив главное гнездо отступников от аллаха.

И все же, по воле своего повелителя, продолжал

он свой разрушительный путь вдоль побережья, уничтожая и ломая все по дороге. Но сила и ярость его была уже не та. Так добрался он до того места, где глазам его открылась цветущая и приветливая Партенитская долина, ласкающая взор миловидными холмами, роскошными садами, благоуханием цветов, сочной зеленью лугов, тяжелыми гроздьями богатых виноградников и миловидной нашей деревней Партенит. Надвинулся Великий Медведь на Партенитскую долину, поглядел на ее несравненную красоту и богатство и увидел, что нет лучшей долины во всем Крыму и наверное на всем свете. Вышли из деревни Партенит жившие там джины, трепещущие перед приближающейся ужасной гибелью, преклонили колени и громкими воплями оглашали долину. Матери протягивали в руках младенцев навстречу грозному зверю, моля о пощаде. Юноши обнимали дрожащих невест, укрывая от неотвратимой гибели.

И дрогнуло тут свирепое сердце мстителя и вспомнил Великий Медведь, что далек уже пройденный им путь по крымскому побережью, что много уже потрудился он во славу аллаха над уничтожением неверных джинов, что утомились его могучие лапы, пересохла грозная пасть, неукротимо жаждущая прохладного питья. Повернулся Великий Медведь к широкому морю, погрузился передними лапами в его холодную пучину, поклонился своему повелителю аллаху семь раз, преклонил оба колена, опустил страшную пасть в голубую влагу и стал долго и жадно

пить. Грозно бурлило море у его жаждущей пасти, вливая в нее неиссякаемые потоки. Высокие волны ходили по всему побережью от тяжкого дыхания огромного зверя. Жажда Медведя была так велика, что он пил долго, очень долго.

Не утоливший еще своего гнева, жаждавший еще крови и мести аллах стал призывать Великого Медведя выйти из моря и продолжать свой путь, разрушить и Партенитскую долину, уничтожить деревню, пойти дальше по берегу. Не терпело его мстительное сердце такого промедления. Но не слушал Медведь понуканий аллаха и все продолжал ненасытно пить.

Великим гневом наполнилось сердце аллаха от такого промедления, открылись уста для проклятия:

— Был ты великим моим мстителем, будешь великим ослушником. Оставайся навеки на этом месте в назидание поколениям.

И стали от аллахова проклятия каменеть огромные члены Медведя, мощные бока превратились в страшные отвесные пропасти, высокая спина стала мощной округлой вершиной горы, медвежья голова над морской пучиной сделалась острой скалой, густая шерсть обратилась в непроходимую дубовую чащу. Великий Медведь стал Медведь-горой, Аю-Дагом, и замер навеки.

Только великое Черное море продолжает грозно бурлить около пасти Медведя, как будто он продолжает поглощать морскую влагу, и очень боятся осторожные мореплаватели этих опасных водоворотов.

Прошло много веков, успокоился Южный берег Крыма после страшного посещения Медведя. Выросли леса, развелись животные, расселились люди. Вблизи новой горы образовались деревни: и Гурзуф, и Кизил-таш, и Дерменкой, и Куркулет, и старый Партенит. Но все они держатся поодаль. Все-таки страшно— вдруг древний Медведь опять ослушается аллаха и пошевелится. И остается гора Аю-Даг безлюдной, никто не решается поселиться на ней или завести хозяйство. Нашлись когда-то смельчаки, что построили на его вершине крепость и монастырь, но видно им пришлось плохо: одни развалины⁴, поросшие древним мохом, свидетельствуют об их смелости. Никто не живет на Аю-Даге.

Только недавно, лет десять тому назад, высадились под Аю-Дагом мальчики и девочки с красными поясками на шее и устроили себе большой лагерь под самым боком Великого Медведя. Это—всем нам известный пионерский лагерь Артек.

Как они не боятся...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. СКАЗКА О БЕКРИ МУСТАФЕ BEKİR MUSTAFA MASALİ

1. Селямлик—Sel'amlık—праздник в старой султанской Турции, во время которого происходили торжественные церемонии при султанском дворе с выездом султана по улицам Стамбула для принятия поздравлений от народа.

2. Имеется, вероятно, в виду султан Сулейман II Великолепный, 1520—1566 гг.

3. Султаным—Sultan'ım—мой султан, ым—татарская притяжательная приставка первого лица, т. е. «мой».

4. Ппастр—Piastr—турецкая монета, прибл. 8 коп.

5. Шарпат—Şariat—мусульманский свод законов. Здесь Бекри издевается над шарпатам, который в действительности не велит называть вино вином, а велит не пить его.

6. Дервиш—Derviş—бродячий мусульманский подвижник (вроде христианских монахов), отрекшийся от всех земных благ и нищенствующий, ища в этом достижении нравственного совершенства.

7. Ишак—Eşek—по-татарски осел.

8. Кёр-оглан—Kör-oğlan—слепой паренёк.

9. Семьдесят кисе (кошельков) золота—наивысший штраф по шарпату за убийство. Острота всего этого эпизода заключается в том, что под влиянием вина безногий грозит затоптать ногами, которых у него нет, слепой будто бы

видит глазами и собирается «стукнуть», а голоштанник хочет заплатить семьдесят кисетов золота.

10. Начало мусульманского религиозного восклицания: «Нет бога кроме бога и Мухаммед его пророк»—L'ailahe ill allah.

2. СКАЗКА О ВОРЕ АМЕТЕ И КАРМАНЩИКЕ МЕМЕТЕ ХЪРЪЪЗЪ АМЕТ ВЕ ÇЕР ХЪРСЪЪЗЪ МЕМЕГ MASALЪ

1. Популярная татарская поговорка—«Cevir qazıp jaпташъ»—употребляется, чтобы остановить завравшегося лгуна.

2. Диван—Divan—государственный совет крымских ханов.

3. Телал—Tellal—глашатай, объявлявший на рынках и улицах о правительственных распоряжениях, а также и продажах.

4. Селям алейкум—Sel'am alejkum—обычное у мусульман арабское приветствие. Прибавление приставки «ага» к имени выражает почтительность и уважение. «Ага» значит старший, дядя.

5. Визирь—Vezir—первый министр в султанской Турции.

3. СКАЗКА О ПОРТНОМ И ЖАДНОМ МУЛЛЕ АС КОЗ MOLLA VE PORTNOJ MASALЪ

1. Главная мусульманская святыня в Мекке Кааба, большой черный камень, упавший по преданию с неба.

2. Таваф—Tavaf—религиозная церемония вокруг Каабы в Мекке.

3. Кемер—Kemer—пояс, служащий вместе с тем кошельком.

4. Хаджи—Hacъ—религиозный титул у мусульман, присваиваемый лицам, побывавшим в Мекке.

5. См. сказку 1-ю, прим 10-е

6. Талах—Talaq—законный развод. По законам шариа

муж, объявивший жене о разводе, считается уже тем самым бесповоротно разведенным.

7. Фетва—Fetva—узаконение. Кадп или кадий—судья. Должность эта является религиозной, ибо судьи должны были судить по религиозному кодексу (шариату).

8. Ханум—Ханым—по-татарски—госпожа, барыня.

9. Хиле-шер—Hile-şer—обход закона, хитрость, допускаемая шариатом для оправдания в чью-либо пользу какого-нибудь нарушителя закона.

10. Иблис—Iblis—дьявол. См. сказку 7-ю прим. 2-е.

4. СКАЗКА О ТРЕХ БЛАГОЧЕСТИВЦАХ ҮС DINDAR MASALЪ

1. Азраил—Azrail—ангел смерти.

2. Ајпыц ондөртине везгег—Очень обычное в крымско-татарских сказках сравнение.

3. Джан—Ҷап—по-татарски душа. Джаным—моя душа, моя дорогая.

5. СКАЗКА О ЧАМАШИРДЖИ-ОГМАНЕ САМАŞЫРҶЫ ОҒЛАН MASALЪ

1. Традиционный зачин крымско-татарских сказок: *Bir zamanda var eken, bir zamanda joq eken* буквально: «Когда-то было, когда то не было».

2. Чамашир—Самашыг—белье, Чамаширджи—тот, кто его стирает. Оглан—Oqlan—по-татарски мальчик, парень.

3. См. сказку 4-ю, прим. 3-е.

4. Перп—Peri—фея в мусульманских сказках. Табестан—несуществующая сказочная страна. Малый Самарканд—несуществующий сказочный город.

5. Кадий—Qady—см. сказку 3-ю, прим. 7-е.

6. Эффенди—Efendi—мусульманский титул, употребленный для почтительного обращения к ученому человеку,

7. Напб—Naip—помощник кадия. Аскер—солдат.
8. Кавас—Qavas—дворецкий, швейцар.
9. Дюрбе—Dyrbе—надгробный мавзолей.
10. Ифрит—Ifrīt—самое страшное многоголовое чудовище в татарских сказках.

11. Сераскер—Serasker—начальник войска.
12. Пехлеван—Pehlivan—богатырь.
13. Исфгань—Istfahan—город в Иране.
14. Текпе—Tekije—здание, где жили, молились и обучали своих учеников дервиши.

15. Популярная, татарская пословица «Jigit, jigit olsın da salı tıvı jataoı olsın»—приведена между прочим в собрании пословиц А. Боданинского, Мартини и Мурасова под № 215, (Итуак, 52, 1915.)

6. СКАЗКА О ДЖИГЕРДЖИ-ДЕДЕ ÇİGERÇİ DEDE MASALİ

1. Чорбаджи—Şorbaşı—хозяин.
2. Постола—Postalı крымская татарская бедняцкая обувь, делаемая из одного куска бычачьей шкуры.
3. Кафедж—Qaveçi—кофейник, хозяин кофейни.
4. Хаммал—Hammal—носильщик.

7. СКАЗКА О БЛУДЛИВОМ КАДИИ ZAMPARA QADİ MASALİ

1. Вероятно пмеется в виду Менгли-Гирей I, известнейший из крымских ханов, царствовавший с 1475 по 1515 г.
2. Иблис—Iblis—мусульманский дьявол, падший ангел, изгнанный аллахом из рая. Когда аллах создал человека Адама, он заставил всех ангелов (ферриште или мелек) поклониться Адаму. Иблис возгордился и отказался. За это он был проклят и изгнан аллахом. Поэтому при упоминании о нем обычна фраза: «Да будет проклятие аллаха над ним». В татарской демонологии Иблис—главный злой дух, искушитель.

Ему подчинены многочисленные другие злые духи, например, джинны, т. е. мелкие бесы.

3. Теллал—Tella, глашатай, объявлявший на рынках и улицах о правительственных распоряжениях, а также и продажах.

4. Кёр-оглан—Kor oqlan—дословно «слепой парень» в переносном смысле—простака.

8. СКАЗКА О ТРЕХ СЫНОВЬЯХ ПАДИШАХА И О МУДРОМ АШУГЕ

RADIŞANŇŇ YC OQIL VE AQYLLY AŞYQ MASALY

1. Ашуг—Aşyq—народный мудрец, поэт и певец.

2. Улемы—Ulema—высшее мусульманское духовенство.

9. СКАЗКА О ГРОЗНОМ ХАНЕ И ЛУХМАН-ХЕКИМЕ RADIŞA VE LUQMAN HEKİM MASALY

1. Лухман-Хеким—легендарная личность арабского эпоса, мудрец и врач, знающий целительные свойства трав, а также волшебник.

10. СКАЗКА О МУДРОМ ИШАКЕ AQYLLY EŞEK MASALY

1. Чобан—Çoban—по-татарски пастух.

2. Ишак (Эшек)—Eşek—по-татарски осел.

3. См. сказку 1-ю, прим. 5.

11. СКАЗКА О КИЧКЕНЭ

1. Кичкенэ—Kiske ne—по-татарски маленький, малыш.

2. Делп-баш—Dil baş—сумасшедший.

3. Бей—Bej—князь.

4. Аждага—Aздаğa (Azderha)—обычное в татарских сказках легендарное чудовище.

5. Здравствуй, господин Аждага.
6. См. сказку 5-ю, прим. 11-е.

12. СКАЗКА О БЕДНОМ ДРОВОСЕКЕ И ЧУДЕСНОМ ТАЛПСМАНЕ

FUQARE ODUNÇ VE AÇALIP TYLSYM MASALY

1. Ангел смерти.
2. Див—Dev—сказочное существо в крымско-татарском фольклоре. От него получила название скала Дива у Симеиза.
3. См. сказку 5-ю прим. 11-е.
4. Ятаган—Jatağan—согнутая вовнутрь сабля.
5. Зюберджет—Zuğerçed—сказочный вид драгоценных камней.
6. Желез—Çellat—палац.
7. Шах-и-шах—Şahin-şah—царь царей.
8. Бурнот—Bürnot—крепкий нюхательный табак.

13. СКАЗКА О ХАДЖИ ТИЛЬКИ И ПРАВОВЕРНЫХ ПИЛГРИМАХ

HAÇY TILKI VE MEKKE JOLÇYLAR

1. Хаджп—Haçy—титул мусульманина, побывавшего в Мекке. Отправляясь в такое паломничество, мусульмане надевали на голову белую чалму, которая и оставалась по возвращении их знаком отличия.
2. Здравствуйте, господа хаджи.
3. Джемат—Çemaat—по-татарски община, мпр.
4. Ферпште—Ferişte—ангел.

14. СКАЗКА ОБ УСЕИНЕ СЫНЕ АСАНА

ASAN OQILY USEIN MASALY

1. Джинны—Çynler—духи. По татарскому народному поверью они иногда мыслятся злыми, вредными, а иногда добродушными и благотельными для людей.

3. Московы—Москвы. Крымские ханы, считая себя наследниками Золотой Орды, всегда претендовали на подчинение им московского царства.

24. ЛЕГЕНДА ОБ АРЗЫ

ARZY QYZ LEGENDASY

Легенда об Арзы записана со слов рассказчицы давно умершей Ашре-Вартана — крестьянки дер. Мисхор. Для увековечения этой легенды князя Юсуповы, владельцы Коренза, где происходит действие легенды, заказали известному парижскому скульптору Аронсону статуи, иллюстрирующие эту легенду. Аронсон создал две группы: Арзы у фонтана и подстерегающий ее турок-пират и русалка с ребенком на руках, вышедшая из морских волн. Обе группы поставлены Юсуповыми на берегу моря под Мисхором, где они находятся и в настоящее время, пользуясь большой популярностью среди курортников.

1. Южный берег Крыма принадлежал Туредкой империи в течение трехсот лет, с 1475 до 1774 г.

2. Приставка ака прибавляется как выражение уважения при обращении к старшему брату. Иногда она применяется вместо ахай, почтительной приставки, употребляемой при обращении вообще к старшему лицу.

3. Курбан-Байрам—Qırgın-bayram—мусульманский религиозный праздник жертв; во время его в виде жертвоприношений закалывали барашков.

4. Джийин—Çyňın—сборище молодежи для хороших коллективных песен и плясок.

5. Манэ—Mane—импровизированные рифмованные остроты.

6. См. сказку 19-ю прим. 1-е.

7. Антер—Anter—верхнее женское платье.

25. ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТОЙ КОЛЫБЕЛИ ALYN BEŞİK LEGENDASI

1. Дженнет—Şennet—рай. Джинны—духи. Иблис см. сказку 7-ю прим. 2-е.
2. Обычно в крымском ханстве к ханским сыновьям представляли таких дядек и назывались они ата.
3. Старинные татарские музыкальные инструменты. Зурна—вроде кларнета; сантыр вроде цитры.
4. Халиф—Halife—наместник. Халифе—наместник пророка.
5. См. сказку 2-ю, прим. 2-е.
6. На Крестовой горе над Алункой находятся развалины большой средневековой крепости. Они послужили поводом к приурочению легенды к этому месту. Исар по-татарски крепость.

26. ЛЕГЕНДА ОБ АЮ-ДАГЕ AJUV DAĞI LEGENDASI

Легенда эта основана на сходстве г. Аю-Даг, расположенной за Гурзуфом, с медведем. Аю—по-татарски медведь. Даг—гора.

1. Иблис—см. сказку 7-ю, прим. 2-е.
 2. На месте теперешнего санатория Форос была прежде, в ханские времена, греческая деревня.
 3. На вершине Аю Дага действительно находятся развалины древней крепости и греческой церкви.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	9
С. Д. Коцюбинский. О сказках крымских татар.	11
I. МУСТАФА ТОПАЛ	
1. Сказка о Бекри М. стафе	52
2. Сказка о воре Амете и карманщике Мемете	58
3. Сказка о портном и о жалном мулле	71
4. Сказка о трех благочестивцах	83
5. Сказка о Чамаширджиг-оглане	91
6. Сказка о Джигерджи-деле	114
II. ХАТИДЖЕ УМЕР	
7. Сказка о блудливом калли	121
8. Сказка о трех сыновьях падишаха и о мудром ашуге	131
9. Сказка о грозном хане и Лухман-Хекиме	139
10. Сказка о мудром ишаке	146
III. ИСЛЯМ ХАЛИЛЬ ДЕМИРДЖИ	
11. Сказка о Кичкенэ	153
12. Сказка о бедном дровосеке и чудесном талисмане.	167
IV. АХТОТАЙ ХУРБЕДДИН	
13. Сказка о Хаджи Тильки и правоверных пилигри- мах	196
14. Сказка об Усейне сыне Асана	202
15. Сказка о трех талисманах	217
16. Сказка о сорока плешивых и одном косом	235

СКАЗКИ ДРУГИХ СКАЗИТЕЛЕЙ

V. ЭМИР УСЕЙН ИБРАИМОВ

17. Сказка о мудрой девушке 253

VI. АЙШЕ АФУЗОВА

18. Сказка о лисе и Беш-Салкым Бее 259

VII. АБИБУЛА СОФУ

19. Сказка о чабане и хане 272

20. Сказка о плачущем гранате и смеющейся айве . 280

VIII. МЕМЕТ МУРТАЗАЕВ

21. Сказка о Кульбасты батраке и о Косе-богаче . . 303

IX. ЮНУС КАЗАК

22. Сказка о трех искателях счастья 317

X. ФАТЬМА ХАЙБУЛЛА

23. Сказка о щедром хане и Мустафе Муждабе . . . 327

Л Е Г Е Н Д Ы

1. Легенда об Арзы-хыз 333

2. Легенда о золотой колыбели 340

3. Легенда об Аю-Даге 357

- Примечания 367

Сдано в производство 27/II-36 г. Подписано к печати 5/VII-36 г.
Формат 72×105¹/₃₂. 11³/₄ печ. лист. В печ. листе 50 тыс. печ. знаков. Упол.
Главлита Крым, АССР „А“ № 55. Крымгиз № 81. Тираж 20150 экзempl.

1-я Гостинография Крымполиграфтреста. Симферополь, ул. Кирова, 23.
Заказ № 830